

Теор. пр.
Д95

Леонъ Дюги,

профессоръ юридическаго факультета Бордоскаго университета.

**ОБЩЕСТВО,
ЛИЧНОСТЬ И
ГОСУДАРСТВО.**

Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства.

219524 теор. пр.

Лекции, прочитанныя въ Высшей Школѣ Соціальныхъ Наукъ въ Парижѣ.

Перевелъ А. Батта.

С. П. Д. П.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

УЧЕБНИК

ПО МАТЕМАТИКЕ

С П Д П

Первая лекція.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Не безъ нѣкотораго опасенія приступаю я къ предмету своихъ лекцій. Не потому, чтобы я боялся изложить здѣсь идеи, которыя частью могутъ показаться кому-нибудь дерзкими или парадоксальными. Я знаю, что въ этомъ зданіи ¹⁾, широко открытомъ для всякихъ мнѣній, откуда бы они ни приходили и куда бы ни шли, право говорить все ограничено только добросовѣстностью лектора.

Но, откровенно говоря, я боюсь окончательно разсориться и съ социалистами, и съ ортодоксальными юристами. Относительно первыхъ я полагаю, что это уже сдѣлано. Я имѣю честь преподавать право въ теченіе 25 лѣтъ. Профессора же права состоятъ на подозрѣніи у социалистовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, и при томъ изъ наиболѣе извѣстныхъ, г. А. Матеръ, въ своей статьѣ въ „Revue socialiste“ заявляетъ, что „съ полнымъ основаніемъ на право смотреть, какъ на орудіе буржуазіи, на науку о правѣ—какъ на консервативную дисциплину, а на юристовъ—какъ на профессиональных реакціонеровъ,... что профессора права, вознаграждаемые государствомъ, обязаны ладить съ богатой кліентурой, которая одна присутствуетъ на ихъ лекціяхъ и покупаетъ ихъ книги“. Это не все. Г. А. Матеръ въ поискахъ еще болѣе жестокой обиды по нашему адресу не нашель ничего лучшаго, какъ поставить насъ въ одинаковое положеніе съ попами и солдатами; онъ надѣется, „что въ новомъ экономическомъ строѣ юристовъ больше не будетъ, такъ же, какъ и священниковъ и военныхъ“ ²⁾.

У меня нѣтъ необходимости говорить вамъ, что я остаюсь къ этимъ нападкамъ совершенно безучастнымъ; но, конечно, эти лекціи возбуждять еще большую ненависть г. А. Матера къ юристамъ. Я дѣйствительно предполагаю защищать то мнѣніе, что ученіе о борьбѣ классовъ есть отвратительная доктрина, и что, если буржуазія не имѣетъ исключительнаго права обладать орудіями производства, то рабочій классъ, коллективъ также не имѣютъ этого права, и что ни классы, ни общество, ни сами индивиды не имѣютъ, какъ таковые, никакого права.]

Я говорю: ни индивиды. И вотъ почему, разсорившись съ социалистами, я боюсь теперь поссориться съ ортодоксальными юристами. Они, безъ сомнѣнія, не профессиональные реакціонеры, какъ говоритъ г. А. Матеръ. Но, разумѣется, большинство ихъ, воспитанное на римскомъ правѣ и склонное видѣть въ Дигестахъ, въ произведеніяхъ Потье и въ кодексахъ Наполеона послѣднее слово человѣческой мудрости, считаетъ первымъ основаніемъ всякаго цивилизованнаго общества право личности, субъективное право, возможность для индивида утверждать свою лич-

¹⁾ Высшая школа социальныхъ наукъ.

²⁾ А. Mater. Le socialisme juridique, Revue socialiste, t. XL (іюль — декабрь 1904 г.), стр. 9 и 40.

ность, какъ таковую, и въ обществѣ и среди другихъ индивидовъ. Это право индивида кажется имъ кристаллизовавшимся въ строгую форму, выработанную римскими юристами и принятую кодексомъ Наполеона, т. е. въ индивидуальную собственность, которая служить какъ бы синтезомъ всѣхъ индивидуальныхъ правъ.

Я имѣю въ виду утверждать, что если общество не имѣетъ правъ, если различные общественные классы не имѣютъ правъ, то и индивидъ также не обладаетъ ими. Я считаю, что понятие субъективнаго права, т. е. понятие принадлежащей человѣку власти противопоставить другому свою индивидуальность, есть понятие метафизическаго порядка, которое не должно имѣть мѣста въ позитивной организационной современной обществѣ. Эта концепція субъективнаго права, которую нѣкоторые предлагаютъ намъ какъ абсолютную истину, была только моментомъ въ вѣчно мѣняющейся исторіи учреждений и идей, моментомъ важнымъ, я съ этимъ согласенъ, но не болѣе. Допустимъ, что, явившись своевременно, она сыграла въ мѣрѣ значительную роль и оказала громадныя услуги. Но въ настоящее время ея господство закончилось. Я полагаю, что тѣ, кто еще желаетъ основать политическую и гражданскую систему на этой дряхлой концепціи, готовить законодательство, лишенное практической цѣнности, и создаютъ юридическую технику независимо отъ фактовъ, что является пустой схоластикой. Словомъ, я думаю, что вырабатывается новое общество, изъ котораго будутъ исключены какъ понятие принадлежащаго коллективу права повелѣвать индивидомъ, такъ и понятие принадлежащаго индивиду права противопоставлять себя коллективу и другимъ индивидамъ. И если для удобства изложенія мы олицетворяемъ коллективъ въ государствѣ, то я отрицаю и субъективное право государства и субъективное право индивида.

Такимъ образомъ, заглавіе, данное этимъ лекціямъ за неизмѣнимъ другого, не совсемъ точно ¹⁾. Говоря о социальномъ правѣ и объ индивидуальномъ правѣ, я имѣю въ виду не предлагать, послѣ тысячи другихъ, новую систему согласованія правъ коллектива и правъ индивида, а только показать, что ни коллективъ, ни индивидъ не имѣютъ правъ, что нѣтъ ни права социальнаго, ни права индивидуальнаго.

I.

Норма права, или объективное право.

Не думайте, однако, что я не намѣренъ ничѣмъ ограничить материальную силу въ социальномъ мѣрѣ, что я вижу въ нашихъ современныхъ обществахъ только конфликты appetitum, столкновения грубыхъ силъ, что, по моему мнѣнію, лучше другихъ вооруженный и болѣе сильный индивидъ или группа индивидовъ создаютъ право своимъ торжествомъ. Я — не Ницше въ маломъ масштабѣ. Напротивъ, я глубоко убѣжденъ, что люди уже влѣдствие того, что они являются частью социальной группы и даже всего человечества, подчинены обязательному для нихъ правилу поведения. Я думаю, что у индивидовъ нѣтъ правъ, что и коллективъ не имѣетъ ихъ, но что всѣ индивиды обязаны повиноваться социальной нормѣ, такъ какъ они суть существа социальные, что всякій индивидуальный актъ, нарушающій эту норму, непременно вызываетъ социальную реакцію.

¹⁾ Французскій текстъ лекцій Дюги носитъ нѣсколько громоздкое заглавіе: «Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства».

Прим. переводчика.

проявляющуюся въ различныхъ формахъ въ зависимости отъ времени и мѣста, и что всякій индивидуальный актъ, соответствующій этой нормѣ, получаетъ социальную санкцію, также неодинаковую сообразно эпохѣ и странѣ.

Эта социальная норма, какое бы названіе и основаніе ни подыскивали для нея, безусловно существуетъ, не можетъ не существовать, такъ какъ безъ нея не существовало бы и общества. Всякое общество есть дисциплина; и такъ какъ человѣкъ не можетъ жить безъ общества, то онъ можетъ жить не иначе, какъ подчиняясь дисциплинѣ. Въ мои планы не входитъ болѣе детально доказывать здѣсь реальность этой нормы и опредѣлять ея основаніе. Я пытался сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Въ этомъ залѣ еще звучатъ краснорѣчивыя слова гг. Леона Буржуа, Дарлю, Роу, Жида, утверждавшихъ недавно еще принципъ солидарности и развивавшихъ наиболѣе важныя формы примѣненія его ²⁾. Я также думаю, что социальная норма, о которой я говорю, основана на фактѣ социальной солидарности, которую, однако, я понимаю не совсѣмъ такъ, какъ только что названные мною краснорѣчивые ораторы. Я не понимаю, какимъ образомъ появляется здѣсь идея квази-контракта, къ которой часто прибѣгаютъ. Я не вижу, чѣмъ это выраженіе, точный смыслъ котораго, извѣстный техникѣ римскаго права и гражданскому кодексу, здѣсь извращенъ, точнѣе опредѣляетъ понятіе общественной солидарности. Въ солидарности я вижу только фактъ взаимной зависимости, соединяющей, въ силу общности потребностей и раздѣленія труда, членовъ человѣческаго рода и, въ частности, членовъ одной социальной группы. Прибавлю, что съ нѣкотораго времени до того злоупотребляютъ прекраснымъ словомъ солидарность, что я колеблюсь произносить его. Нѣтъ деревенскаго политика, который не говорилъ бы о социальной солидарности, не понимая, впрочемъ, значенія этихъ словъ. Поэтому я предпочитаю говорить: социальная взаимозависимость.

Итакъ, люди подчинены социальной нормѣ, основанной на соединяющей ихъ взаимозависимости. Эта норма непремѣнно должна существовать. Если бы стали оспаривать ея основаніе, я бы не колебался постулировать ее, какъ говорятъ философы. Какъ Евклидъ основалъ всю свою систему геометріи на постулатѣ параллельныхъ, такъ и современный человѣкъ можетъ основать всю политическую и социальную систему на постулатѣ нормы поведенія, обязательной для всѣхъ.

Къ этому я прибавлю только два замѣчанія. Прежде всего, эта норма поведенія есть не правило морали, а норма права. Она касается только внѣшнихъ проявленій человѣческой воли; она не обязательна для внутренней жизни человѣка; она есть норма его внѣшнихъ актовъ, а не норма мыслей и желаній, каковой должна быть всякая нравственная норма. Болѣе того, она дѣлаетъ обязательными для человѣка только акты, имѣющіе социальное значеніе, и именно потому, что они имѣютъ это значеніе. Наша норма основана не на идеѣ, которую составляютъ себѣ объ извѣстномъ качествѣ предписываемаго или запрещаемого акта, но на социальномъ результатѣ, вызываемомъ тѣмъ или инымъ индивидуальнымъ актомъ. Наша норма является,—выражаясь, впрочемъ, только метафорически,—какъ бы органическимъ закономъ общественной жизни.

Въ то же время, мы видимъ отсюда (это—второе мое замѣчаніе), какая глубокая пропасть отдѣляетъ мою концепцію социальной нормы,

¹⁾ См. мою книгу: *L'Etat, le droit objectif et la loi positive*, 1901, въ особенности главы I и II.

²⁾ *Essai d'une philosophie de la solidarité*, лекція и изслѣдованія, 1901—1902; *Les applications sociales de la solidarité*, лекція, 1902—1903. (Парижъ, изд. Феликса Адькана).

которую я называю нормой права, отъ прежней концепціи естественнаго права¹⁾. Последняя есть концепція права идеальнаго, абсолютнаго, правильнаго, какъ геометрическая истина, къ которому люди должны стремиться возможно болѣе приблизиться. Наоборотъ, наша норма права не имѣетъ ничего абсолютнаго. Она—не идеаль, а фактъ. Она по существу измѣнчива, какъ и человѣческія общества; она беретъ свое начало въ ихъ безконечно мѣняющейся структурѣ, т. е. измѣняется вмѣстѣ съ различными формами жизни, какія представляютъ намъ человѣческія общества.

Наконецъ, традиціонная доктрина естественнаго права покоится на признаніи за всякимъ человѣческимъ индивидуомъ извѣстныхъ правъ, естественно принадлежащихъ ему въ силу того, что онъ—человѣкъ, въ силу (какъ выражался покойный Анри Мишель²⁾) высокаго достоинства человѣческой личности. Эти права я энергично отвергаю, потому что это—априорныя метафизическія понятія не могутъ служить основаніемъ для позитивной политической системы.

Болѣе того: эта социальная норма не можетъ создать настоящихъ правъ ни въ пользу индивида, ни въ пользу общества. Она только заключаетъ въ себѣ для индивидовъ, обладающихъ силою, власть организовать общественную реакцію противъ тѣхъ, кто нарушаетъ эту норму. Она заключаетъ въ себѣ также для всѣхъ власть свободно исполнять обязательства, установленныя ею. Словомъ, она не даетъ ни коллективу, ни индивиду субъективныхъ правъ, т. е. власти противопоставлять другимъ свою личность, какъ таковую, личность коллективную или индивидуальную. Она только создаетъ всякому индивиду извѣстное положеніе въ обществѣ, тѣсно ограниченное положеніемъ другихъ и принуждающее его къ извѣстному активному или пассивному образу дѣйствій. Она создаетъ для всѣхъ извѣстное состояніе, которое мы могли бы опредѣлить какъ объективное положеніе, чтобы противопоставить его субъективному праву, которое я отрицаю. Такимъ образомъ, никто въ социальномъ мірѣ не имѣетъ иной власти, какъ исполнять то, къ чему обязываетъ его социальная норма, или, если угодно, къ чему обязываетъ его положеніе, занимаемое имъ въ системѣ взаимозависимости, соединяющей членовъ одной социальной группы.

Если вы хотите сохранить эти выраженія: субъективное право и объективное право, то я скажу въ двухъ словахъ, что въ настоящее время, по моему мнѣнію, создается общество, изъ котораго исключается метафизическая концепція субъективнаго права, чтобы дать мѣсто понятію объективнаго права, содержащаго въ себѣ социальную обязанность каждаго исполнить нѣкоторую миссію и власть совершить акты, необходимые для выполнения этой миссіи.

Эту доктрину я уже развивалъ семь лѣтъ тому назадъ, въ то время³⁾, когда я, долженъ сознаться, еще не читалъ „Системы позитивной политики“ Огюста Конта. Я еще болѣе утвердился въ своемъ мнѣніи, прочитавъ слѣдующее мѣсто, которое не мѣшало бы выставить на видномъ мѣстѣ... въ Палатѣ депутатовъ: „Слово право,—пишетъ Огюсть Контъ,—должно быть такъ же изгнано изъ правильнаго политическаго языка, какъ слово причина—изъ настоящаго философскаго

1) Ср. Génу, отчетъ о моей книгѣ *L'Etat, le droit objectif*, въ *Revue critique de la législation*, 1901, стр. 508.

2) *L'idée de l'Etat*, 1896, (русск. пер. «Идея государства», изд. «Библиот. для самообр.», Москва, 1909 г. Прим. перев.).

3) См. уже цитированную книгу: *L'Etat, le droit objectif et la loi positive*, 1901.

языка. Изъ этихъ двухъ теологико-метафизическихъ понятій одно (право) отнынѣ неморально и анархично, а другое (причина) ирраціонально и софистично... Настоящее право можетъ существовать лишь постольку, поскольку власти происходятъ отъ сверхъестественныхъ волей. Чтобы бороться противъ этихъ теократическихъ авторитетовъ, метафизика послѣднихъ пяти столѣтій ввела мнимыя человѣческія права, оказавшія лишь отрицательную услугу. Когда же попытались дать имъ истинно органическое назначеніе, то они скоро обнаружили свою антисоціальную природу, постоянно стремясь сдѣлать индивидуальность священною. Въ позитивномъ состояніи, не опирающемся на небесныя титулы, идея права исчезаетъ безвозвратно. Каждый имѣетъ обязанности и при томъ по отношенію ко всѣмъ, но никто не имѣетъ права въ собственномъ смыслѣ слова... Иначе говоря, никто не обладаетъ другими правами, кромѣ права всегда исполнять свой долгъ“¹⁾.

Итакъ, на основѣ уничтоженія субъективныхъ правъ создается новый политическій и соціальный строй. Это я и постараюсь показать въ послѣдующемъ изложеніи своихъ лекцій.

II.

Метафизическій характеръ понятія субъективнаго права.

Я уже опредѣлилъ субъективное право, какъ власть лица утверждать свою индивидуальность, какъ таковую, противопоставляя себя другимъ лицамъ, какимъ бы это лицо ни было—индивидуальнымъ или коллективнымъ. О лицѣ, носителѣ права, говорятъ, какъ о субъектѣ права; о лицѣ, которому противопоставляется право, иногда говорятъ какъ о пассивномъ субъектѣ этого права. Опредѣленіе, данное мною субъективному праву, встрѣчается часто въ вариантахъ, въ которыхъ легко замѣтить вліяніе доктрины Гегеля. Такъ, иногда говорятъ, что субъективное право есть власть коллективной или индивидуальной воли противопоставлять себя, какъ таковую, другой волѣ²⁾. Это опредѣленіе тождественно съ первымъ, такъ какъ тутъ лишь болѣе обращаютъ вниманіе на проявленіе личности, на актъ воли. Этимъ опредѣленіямъ противопоставляютъ теорію Геринга, хорошо извѣстная формула которой такова: „Права суть юридически защищенные интересы“³⁾. Герингъ хочетъ сказать: интересы, защищенные упорядоченнымъ вмѣшательствомъ коллективной силы. На этомъ опредѣленіи одинъ весьма выдающійся ученый, г. Мишу, сдѣлалъ попытку построить цѣлую теорію, чтобы доказать, что существованіе субъективнаго права не дѣлаетъ необходимымъ существованіе воли, носителя этого права, и что, слѣдовательно, элементы, лишенные воли, также могутъ имѣть юридическую личность⁴⁾. Однако, нашъ ученый коллега не замѣтилъ, что опредѣленіе Геринга, если оно и безошибочно, то все же не полно. Въ самомъ дѣлѣ, субъективное право можетъ имѣть опору въ интересѣ; но этотъ интересъ можетъ создать право только тогда, если онъ является желательнымъ, и при томъ лишь въ пользу того лица, которое этого желаетъ⁵⁾. Въ концѣ концовъ опредѣленіе Геринга сходитъ съ нашимъ, и

¹⁾ Огюстѣ Контѣ, *Système de politique positive*, изд. 1890 г., т. I, стр. 361.

²⁾ Еллинекъ, *System der subjektiven offentlichen Rechte*, 2-ое изд., 1905, стр. 4.

³⁾ Герингъ, *Духъ римскаго права*.

⁴⁾ Michoud, *Théorie de la personnalité morale*, 1906.

⁵⁾ Помимо, желанія въ этому выводу приходитъ и самъ Мишу. На стр. 105 своей прекрасной книги *«La théorie de la personnalité morale»*

сущность субъективнаго права есть дѣйствительно власть воли, *Wollen-dürfen, Wollenkönnen*, какъ говорятъ нѣмцы, хотя, впрочемъ, я не намѣренъ изслѣдовать крайне тонкую разницу, какую находятъ между этими двумя выраженіями ¹⁾.

Отсюда видно, что признаніе субъективныхъ правъ заключаетъ въ себѣ существованіе извѣстныхъ волей, возвышающихся надъ другими волями, воля особаго рода. Когда, напр., говорятъ, что публичная власть и собственность суть субъективныя права, то это или лишено смысла или значить, что воля лица, носителя права публичной власти или права собственности, по своей природѣ выше воли тѣхъ лицъ, которымъ противопоставляется право публичной власти или право собственности. Тутъ ясно видно, какъ метафизично и схоластично это понятіе субъективнаго права. Появляются неимѣющія никакого значенія понятія сущности, субстанции. И Огюсть Контъ сто разъ правъ, говоря, что понятіе права (субъективнаго) возможно только при предположеніи сверхземной силы, надѣляющей этими правами, и что оно не можетъ быть сохранено въ позитивной стадіи общей эволюціи человѣческихъ обществъ.

Если это понятіе субъективнаго права удержалось до нашихъ дней, то, разумѣется, лишь благодаря могучей бронѣ, въ которую одѣли его

онъ опредѣляетъ субъективное право какъ «интересъ лица или группы лицъ, юридически защищенный посредствомъ власти, призванной за чьей-нибудь волей, представляющей этотъ интересъ и защищающей его». На стр. 113 онъ пишетъ, что коллективные и постоянные интересы человѣческихъ группъ могутъ подняться до качества субъективныхъ правъ, и группа можетъ рассматриваться какъ моральная личность, если она обладаетъ организаціей, способной выражать коллективную волю, представляющую и защищающую этотъ интересъ. Наконецъ, на стр. 131 и 132 онъ говоритъ: «Въ противовѣсъ этой теоріи (теоріи мандата) нѣмцы придумали другую, болѣе тонкую и элегантную и, думается намъ, болѣе вѣрную: теорію органа... Когда имѣется органъ, то это означаетъ, что дѣйствуетъ сама юридическая личность; ея органъ неотдѣлимъ отъ нея, это—часть ея самой... такъ какъ организація, продуктомъ которой онъ является, составляетъ сущность моральнаго лица». Такимъ образомъ, нашъ ученый коллега признаетъ субъективныя права за коллективами лишь подъ условіемъ, что существуетъ органъ, выражающій коллективную волю, способную представлять и защищать данный интересъ. Когда этотъ органъ существуетъ, тогда дѣйствуетъ сама юридическая личность, такъ какъ органъ является частью самой коллективной личности, составляетъ сущность моральнаго лица. Повидимому, г. Машу желаетъ сказать, что юридическая личность сама осуществляетъ свой интересъ, желаемый ею. Для него, такимъ образомъ, субъективное право есть интересъ, желаемый лицомъ, которое обладаетъ этимъ интересомъ. А, вѣдь, и мы говоримъ то же самое.

Прим. перев. Изложеніе теоріи мандата, представительства (французской) и теоріи юридическихъ органовъ (германской) можно найти у Дюги въ его «Конституціонномъ правѣ» (на русск. яз. въ изданіи «Библиотеки для самообразованія», Москва, 1908 г., стр. 372—393). Сущность этихъ ученій вкратцѣ такова. Согласно первому, суверенная нація выражаетъ свою волю чрезъ посредство прямого высшаго органа ея—выбирательнаго корпуса гражданъ. Этотъ корпусъ можетъ назначить одного или нѣсколькихъ индивидовъ, которые и будутъ его представителями, т. е. воля, которую они будутъ выражать, будетъ рассматриваться какъ воля корпуса, какъ воля самой націи. Такъ какъ въ основѣ этой теоріи лежитъ порученіе, то она называется теоріей мандата. Согласно второму ученію, государство, какъ юридическая личность, проявляетъ себя только благодаря своимъ органамъ; безъ нихъ оно превращается, по выраженію Еллинека, въ юридическое ничто. Здѣсь—нѣтъ порученія, такъ какъ органъ не является представителемъ государства и, слѣдовательно, чѣмъ-то отъ него отличнымъ: органы—само государство. Націю же германская теорія вводитъ (въ формѣ народнаго собранія, избирательнаго корпуса, парламента) въ сложную систему государственныхъ органовъ, въ которой она теряетъ свое доминирующее значеніе.

¹⁾ См. Еллинекъ, *System*, 2-ое изд., 1905, стр. 47.

римские юристы. Изъ фактической власти болѣе сильныхъ индивидовъ надъ менѣе сильными они создали два субъективныхъ права: *imperium*, или публичную власть, когда эта власть принадлежитъ коллективу или его представителямъ, и *dominium*, или собственность, когда эта власть принадлежитъ индивидамъ. И отдѣльные части этого ученія были такъ сильно скрѣплены другъ съ другомъ, что на нихъ долгое время смотрѣли, да и теперь смотрятъ, какъ на абсолютныя истины, тогда какъ это были лишь случайныя рѣшенія социальныхъ проблемъ, совершенно непохожихъ на тѣ, которыя ставятся нынѣ.

Imperium есть субъективное право повелѣвать, право абсолютное, недѣлимое, существующее само по себѣ. Это—публичная власть, подчиняющая себѣ на томъ основаніи, что она—публичная власть. Обладали ею гражданская община, римскій народъ, императоръ, кто именно—неважно. Облеченный *imperium*'омъ представитель коллектива осуществляетъ свою волю, и въ этомъ состоитъ его право. Воля его выражается различно: она законодательствуетъ, управляетъ, судитъ. Эти свойства не выражаютъ существа этой воли: она можетъ воздѣйствовать на индивидовъ, такъ какъ она выше ихъ собственной воли.

Что касается правъ индивида, то они заключаются въ *dominium*'ѣ, конструкция котораго возведена еще прочнѣе, чѣмъ конструкция *imperium*'а. Эта—принадлежащая извѣстнымъ индивидамъ абсолютная власть располагать извѣстнымъ количествомъ богатствъ и обязывать всякаго къ уваженію къ этой власти. Это право абсолютно въ своихъ результатахъ: оно заключаетъ въ себѣ право пользоваться, потреблять и распоряжаться. Это право абсолютно въ своемъ примѣненіи: уважать его обязаны все. Это право абсолютно въ своей продолжительности: оно не имѣетъ ни срока, ни резолютивныхъ (прекращающихъ его) условий; и оно дѣйствуетъ и послѣ смерти. Съ другой стороны, никто не обязанъ нести повинность въ пользу другого индивида, и никто не можетъ требовать отъ кого бы то ни было исполненія повинности, если не заключенъ договоръ или квази-договоръ, признанный закономъ. Изъ этого имѣется только одно исключеніе: волю можно принудить и безъ договора, если было совершено извѣстное правонарушеніе.

Такимъ образомъ, была построена цѣлая могущественная система на метафизическомъ *a priori* номъ понятіи субъективнаго права. Она существуетъ вѣка. Однако, *imperium* и *dominium* были значительно умалены въ феодальный періодъ, и одинъ очень короткій моментъ въ нашей исторіи, въ XIII вѣкѣ, можно было наблюдать обширное общество, весьма космополитичное, иерархичное и недифференцированное, въ которомъ римскія понятія о публичной власти, объ абсолютной собственности, объ *imperium*'ѣ и *dominium*'ѣ почти отсутствовали. Но постепенно французская монархія и ея легисты возстановили ихъ: къ концу XVIII вѣка зданіе цѣликомъ было отстроено вновь; революціи и Наполеону оставалось только войти въ него. Понятія *imperium*'а и *dominium*'а получили отъ революціоннаго законодательства, отъ административныхъ законовъ консульства и имперіи и, въ особенности, отъ гражданского кодекса структуру, по римскому образцу, еще болѣе солидную и устойчивую, чѣмъ какую они имѣли раньше.

Но, я надѣюсь, это было въ послѣдній разъ. Я думаю и намѣренъ показать это въ своихъ лекціяхъ, что въ настоящее время французское общество окончательно освобождается отъ этихъ метафизическихъ концепцій *dominium*'а и *imperium*'а и создаетъ политическій строй, совершенно свободный отъ понятія публичной власти, и экономической и социальный режимъ, гдѣ безусловно не будетъ также понятія *dominium*'а, т. е. понятія

собственности, субъективного права индивида. Я не говорю, что исчезает индивидуальная собственность; я только говорю, что она перестает быть индивидуальным правом, чтобы сдѣлаться социальной функціей. Я остановлюсь, впрочемъ, исключительно на преобразованіи политическаго строя.

III.

Отсутствіе публичной (государственной) власти, понимаемой как субъективное право.

Я хорошо знаю, что для юриста, и особенно для профессора государственнаго права, слишкомъ парадоксально защищать мнѣніе, что публичной власти не существуетъ, что это понятіе не находитъ себѣ оправданія въ дѣйствительномъ мірѣ, что, къ счастью, оно исчезаетъ и въ близкомъ будущемъ исчезнетъ. И все же я въ этомъ глубоко убѣжденъ. Публичная власть есть пустая схоластическая форма, концепція, въ извѣстное время отвѣчавшая потребности и оказавшая услуги, но теперь бесполезная и опасная.

Чтобы убѣдиться, что публичная власть есть чисто априорное понятіе, достаточно узнать мнѣнія ученыхъ представителей государственнаго права Германіи и Франціи. Я процитирую только двоихъ: Еллинека для Германіи и Эмена для Франціи. Первый пишетъ: „Государственная власть есть власть повелѣвающая, не производная и существующая благодаря своему могуществу и по собственному праву“¹⁾. Эмень говоритъ: „Націю въ правовомъ смыслѣ создаетъ существованіе въ человѣческомъ обществѣ власти, господствующей надъ индивидуальными волями. Эта власть, естественно не признающая надъ собой высшей или конкурирующей власти въ сферѣ отношеній, регулируемыхъ ею, называется суверенитетомъ“²⁾. Эмень говоритъ о суверенитетѣ; Еллинекъ—о государственной власти (Staatsgewalt). Я не буду разбирать, имѣется ли разница между этими двумя опредѣленіями³⁾. Оба автора имѣютъ, конечно, въ виду повелѣвающую власть олицетвореннаго коллектива, и ихъ формула есть, какъ мы видимъ, не что иное, какъ априорное утвержденіе этой публичной власти, понимаемой какъ субъективное право⁴⁾.

Эту повелѣвающую власть, однако, пытались оправдать и нашли для нея два объясненія: божественное право и народный суверенитетъ. О божественномъ правѣ не стоитъ говорить. Ясно, что это объясненіе не имѣетъ никакого значенія. Но и оправданіе народнымъ суверенитетомъ

1) Еллинекъ, Allgemeine Staatslehre, 2-ое изд., 1906, стр. 446 (русск. перев.: «Общее ученіе о государствѣ», 1-ое изд. 1903 г., 2-ое изд. 1908 г.).

2) Эмень, Droit constitutionnel, 4-ое изд., 1906, стр. 1.

3) Ср. мой Manuel, стр. 112—144 и указанную тамъ библиографію.

4) По вопросу о суверенитетѣ см. Libres entretiens, 17 ноября 1907 г., Etat et gouvernement.—Мы съ удовольствіемъ констатируемъ, что г. Оріу въ послѣднемъ (6-омъ) изданіи своего Droit administratif (1907 г.) сдѣлалъ серьезный шагъ въ сторону полнаго отрицанія суверенитета. На стр. IX предисловія онъ пишетъ: «Такимъ образомъ, насталъ моментъ разсматривать государство не какъ суверенитетъ, не какъ законъ, а какъ учрежденіе или совокупность учрежденій, или, еще точнѣе, какъ учрежденіе учрежденій. Разумѣется, мы не скажемъ: «нѣтъ больше суверенитета» или «нѣтъ больше закона» или еще: «суверенитетъ или законъ—не существенные элементы государства». Мы продолжаемъ считать суверенитетъ или законъ существенными элементами государства, но они уже не стоятъ на первомъ планѣ и не играютъ главной роли въ практической комбинаціи силъ». Это—не шутка, если настоящій теоретикъ публичной власти признаетъ, что суверенитетъ и законъ не стоятъ больше на первомъ планѣ и не играютъ больше первой роли...

не лучше. Огюсть Контъ вполне справедливо писалъ: „Словомъ, этотъ законъ (законъ позитивной политики) одинаково настойчиво исключаетъ какъ теологическій произволь, или божественное право королей, такъ и метафизическій произволь, или народный суверенитетъ“. Такимъ образомъ, болѣе полувѣка тому назадъ Огюсть Контъ своей могучей рукой поколебалъ догматъ народного суверенитета ¹⁾. Всѣ догматы, будь то религиозные или политическіе, умираютъ одни за другими и, какъ показалъ Сеайль ²⁾, не возрождаются.

Все же еще до сихъ поръ стремятся оправдать принципъ національнаго суверенитета, и всѣ объясненія его сводятся къ софизму Руссо. Конечно, уже не говорятъ объ общественномъ договорѣ; это выраженіе перестало быть моднымъ. Но говорятъ: добровольное участіе индивидовъ въ коллективѣ; однако, тѣмъ же, въ сущности, былъ и общественный договоръ Жанъ-Жака Руссо. „(Путемъ договора),—говорилъ Жанъ-Жакъ,—образуется моральное и коллективное тѣло..., которое въ этомъ актѣ получаетъ свое единство, свое совокупное я, свою жизнь, свою волю. Это публичное лицо, образовавшееся посредствомъ сліянія всѣхъ прочихъ, называлось нѣкогда общиной (cite), а теперь называется республикой или политическимъ тѣломъ, которое именуется своими членами государствомъ—когда оно пассивно, сувереномъ—когда оно активно...“ ³⁾

Если сравнить это хорошо извѣстное мѣсто изъ Руссо съ послѣднимъ обоснованіемъ національнаго суверенитета, то легко замѣтить, что разница между ними лишь въ формѣ: „Национальный суверенитетъ,—пишетъ Эсменъ,—есть единственное юридическое толкованіе, точное и адекватное, неоспоримаго и обязательнаго социальнаго факта... (власти общественного мнѣнія)... Помѣстить законный суверенитетъ туда, гдѣ необходимо находится суверенитетъ факта или мнѣнія..., это значитъ выразить посредствомъ права возможно точнѣе неизбежный фактъ. Признать національный суверенитетъ... значитъ придать общественному мнѣнію высшую силу, точное выраженіе, юридическое значеніе, законный авторитетъ“ ⁴⁾.

Эти объясненія напоминаютъ древнихъ психологовъ, которые, чтобы найти основаніе для психологическихъ явленій, помѣщали за ними мыслящую субстанцію, называемую душой. Политическіе теоретики, чтобы оправдать фактическое состояніе, правительственную силу, утверждаютъ существованіе за нею суверенной субстанціи, личности націи. Они говорятъ о національной душѣ, о суверенной субстанціи и ея атрибутахъ, какъ говорили когда-то объ индивидуальной душѣ, о мыслящей субстанціи и ея способностяхъ. Все это—схоластическія формулы ⁵⁾, не выдержи-

¹⁾ *Système de politique positive*, изд. 1895 г., приложение, стр. 103. До Конта Сень-Симонъ писалъ: «Выраженіе: суверенитетъ волею народа имѣетъ значеніе только какъ оппозиція суверенитету милостию Божіей... Эти два находящихся въ борьбѣ догмата существуютъ только благодаря другъ другу. Они являются пережитками продолжительной метафизической борьбы, которая имѣла мѣсто во всей Западной Европѣ, со времени реформации, противъ политическихъ принциповъ феодальнаго режима... Метафизика духовенства выдвинула метафизику легистовъ, имѣвшую своей цѣлью бороться съ нею. Но борьба эта нынѣ закончилась». (*Du système industriel*, 1-re lettre au roi, Oeuvres, изд. Dentu, 1869 т. V, стр. 210 и 211).

²⁾ Séailles, *Les affirmations de la conscience moderne*, 1906, статья, озаглавленная: *Pourquoi les dogmes ne renaissent pas?* стр. 1 и слѣд.

³⁾ *Contrat social*, книга I, гл. IV (русск. пер. «Общественный договоръ» подъ ред. П. Когана, изд. Скирмунта 1906 г.).

⁴⁾ Эсменъ, *Droit constitutionnel*, 4-е изд. 1906, стр. 211.

⁵⁾ Де-Фюръ, напримѣръ, пишетъ въ своей прекрасной книгѣ *L'Etat fédéral*, стр. 596: «Это различіе между субстанціей суверенитета, единого и недѣлимаго, могущаго принадлежать только моральному лицу, также единому и недѣ-

вающія критики передъ лицомъ дѣйствительности. Для доказательства этого не нужно много времени.

Всѣ согласны признать, что преимущественное свое выраженіе государственная власть получаетъ въ законѣ. Какъ же въ дѣйствительности создается законъ? Если онъ прямо голосуется народомъ, то непременно образуется большинство и меньшинство, и большинство вогируетъ законъ. Такимъ образомъ, законъ въ дѣйствительности не есть проявленіе (эманация) общей воли; онъ создается только большинствомъ индивидовъ, составляющихъ народное собраніе. Руссо и послѣ него политическіе дѣятели и теоретики говорили: „Когда проходитъ мнѣніе, противоположное моему, то это доказываетъ лишь то, что я ошибался, и что принимаемое мною за общую волю не было ею“¹⁾. Утвержденіе смѣлое. Кто же не видитъ, что это — чистый софизмъ? Фактъ остается: законъ, принятый народнымъ собраніемъ, есть законъ, принятый большинствомъ; это — воля известнаго количества индивидовъ, намѣревающаяся подчинить себѣ, какъ таковой, другихъ индивидовъ. Но, скажете вы, это собраніе есть лицо, большинство котораго выражаетъ его волю; и эта коллективная воля должна стать обязательной. Однако, откуда же вы знаете это? Вѣдь, вы утверждаете, а не доказываете, эту коллективную волю; и если позитивная психологія окончательно забрала концепцію индивидуальной души²⁾, то я не вижу, какъ политика можетъ сохранять понятіе коллективной души. Имѣется законъ, принятый большинствомъ, напр., 10.000 гражданъ и обязательный для 5.000 другихъ, — и только, не больше. Что власть числа — фактъ и при томъ фактъ первостепенной важности, никто не споритъ. Что слѣдуетъ за всѣми обезпечить право участія въ созданіи законовъ, подъ этимъ я подписываюсь обѣими руками. Но что власть числа создаетъ субъективное право публичной власти, это я безусловно отрицаю.

Съ представительнымъ строемъ дѣло обстоитъ еще лучше. Даже въ странахъ всеобщаго избирательнаго права законы обыкновенно вогируются такимъ количествомъ депутатовъ, которое представляетъ меньшинство не только страны, но даже избирательнаго корпуса. Это много разъ было доказано, и я коснусь этого бѣгло. Французскій избирательный корпусъ насчитываетъ въ круглыхъ цифрахъ 11 милл. избирателей, палата же, избранная въ 1902 г., представляла 5 милл. избирателей, т. е. приблизительно 47% избирательнаго корпуса; и, напр., очень важный законъ 9 декабря 1905 г. объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ принятъ 341 депутатомъ, представлявшимъ въ точности 2.647.315 избирателей, т. е. меньше четверти избирательнаго корпуса³⁾.

Уже много разъ указывали на фиктивность и опасность ложнаго догмата національнаго суверенитета, основаннаго на законѣ числа, и я не буду останавливаться на этомъ⁴⁾. Но я не могу не процитировать словъ,

лимоу, т. е. государству, и осуществленіемъ суверенитета, совершенно дѣлимаго, существенно“... (см. стр. 601 и 650). Выраженіе атрибуты суверенитета часто встрѣчается въ *Eléments de droit constitutionnel* Эсмена, напр., 4-е изд., 1906, стр. 6, 19, 218, 222, 233, 234 и пр... Всякій знаетъ, какую важную роль играли въ схоластической философіи эти понятія с у б с т а н ц и и и атрибутовъ. Св. Тома опредѣлялъ субстанцію такъ: „... *Essentiam cui competit sic esse, id est, per se esse*“ (*Somme théologique*, часть I, вопросъ III, ст. 5, изд. Lachat, т. I, стр. 66). Теперь эту философію преподаютъ лишь въ семинаріяхъ.

1) *Contrat social*, книга IV, гл. II.

2) См. особенно Binet, *L'âme et le corps*, 1906.

3) *Le Proportionnaliste*, 1 июля 1905 г.

4) Напротивъ, для Эсмена законъ большинства — одна изъ простыхъ идей, принимаемыхъ сразу: законъ этотъ никому не даетъ преимущества и всѣхъ избирателей считаетъ въ одномъ рангѣ» (*Droit constitutionnel*, 4-е изд., 1906,

сказанных на эту тему г. Клемансо, председателем совѣта министровъ, въ рѣчи его на открытіи памятника славному Шереръ-Кестнеру. Напоминая о роли, сыгранной великимъ гражданиномъ въ дѣлѣ Дрейфуса, онъ сказалъ: „Жребій былъ брошенъ. Уже толпа инстинктивно бѣжала къ партіи Варравы. Тутъ мысль тоскливо останавливается. Число, всеобщее избирательное право подѣ сомнѣніемъ! Не подвергается ли этимъ сомнѣнію самый законъ демократіи? Какъ! мы требуемъ для общественнаго мнѣнія правительственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ прославляемъ того, кто осмѣлился встать противъ него; мы торжествуемъ побѣду одного надъ большинствомъ... Такъ нѣтъ же, скорѣе скажемъ, что демократія не есть правительство числа въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ слово правительство сторонники автократіи... Демократія должна быть правленіемъ разума, потому что основная задача, которую она всегда намъ ставитъ, состоитъ въ обученіи человѣка способности самому управляться согласно средней величинѣ общихъ способностей разсужденія. Для открытія этой перемѣнной средней мы болѣе или менѣе удачно обращаемся къ послѣдовательно составляющемуся большинству. Но если бы мы ждали отъ временнаго большинства такой же власти, какой пользовались наши прежніе короли, то мы только перемѣнили бы тиранію“¹⁾.

IV.

Соціальная опасность пониманія публичной власти, какъ субъективнаго права.

Революція 1848 года дала націи или, скорѣе, большинству, выразителю ея мнимой воли, пользованіе властью, принадлежавшею нашимъ прежнимъ королямъ. Говорятъ, революція замѣнила божественное право короля божественнымъ правомъ народа. Понимаемая буквально, эта формула не точна. Но она хорошо выражаетъ историческую истину: она означаетъ, что революція взяла понятіе государственной власти такимъ, какимъ легисты старой Франціи восприняли его изъ римскаго права и реставрировали въ пользу короля, что эта государственная власть сохранила всѣ характерныя свойства права абсолютнаго, недѣлимаго, неотчуждаемаго и непогашаемаго, измѣнивъ лишь своего обладателя. Она принадлежала королю; она будетъ принадлежать отнынѣ олицетворенной націи, выражающей свою волю черезъ посредство большинства избирательнаго корпуса.

Здѣсь не мѣсто показывать, какъ вырабатывалось въ нашей исторіи это понятіе государственной власти. Я напомню только, что это понятіе вызвано потребностью въ объединеніи и сляніи различныхъ элементовъ

стр. 225).—Вотъ что думалъ Прудонъ о мажоритарномъ избирательномъ правѣ: «Если монархія—молоть, дробящій народъ, то демократія—лопата, дѣлящая его; и та и другая одинаково предполагаютъ смерть свободы. Всеобщее избирательное право—своего рода атомизмъ, путемъ котораго законодатель, не будучи въ состояніи узнать мнѣніе народа въ единствѣ его существа, приглашаетъ гражданъ выражать свое мнѣніе поголовно, *viritem*... Это—политическій атеизмъ въ худшемъ смыслѣ слова, какъ будто изъ сложенія какого бы то ни было количества голосовъ избирателей можетъ когда-либо получиться общее мнѣніе... Лучшее средство заставить народъ думать—это установить всеобщее избирательное право... Что бы тамъ ни дѣлали и ни говорили, всеобщее избирательное право, свидѣтельство раздора, способно вызывать только раздоръ» (*Solution du problème social*, т. VI *Oeuvres complètes*, 1868, стр. 62 и 63).

¹⁾ *J. Officiel*, 13 февраля 1908 г.

общества. Римское представление *imperium'a* никогда не исчезало совершенно въ феодальную эпоху. По мѣрѣ того, какъ король Франціи увеличивалъ свои владѣнія, эта идея утверждалась все сильнѣе. И такъ какъ, по феодальнымъ понятіямъ, "власть соединяется съ собственностью, то коронные легисты сочинили теорію королевскаго суверенитета, спаявъ вмѣстѣ элементы *imperium'a* и *dominium'a*. Суверенитетъ становится субъективнымъ правомъ, и частью патримоніальнымъ, носителемъ котораго является король, правомъ недѣлимымъ, неотчуждаемымъ, непогашаемымъ и абсолютнымъ по своимъ результатамъ и продолжительности. Бодэнъ ¹⁾, Луазо ²⁾ и Лебре ³⁾, въ концѣ XVI и въ XVII в., были его теоретиками. Революціонные дѣятели приняли эту теорію, но объявили обладателемъ субъективнаго права суверенитета націю вмѣстѣ короля. Въ остальномъ теорія осталась безъ измѣненія. Король былъ лицомъ, нація—также лицо. Ея право, какъ и право короля, абсолютно по своимъ результатамъ и продолжительности. Оно также недѣлимо, неотчуждаемо, непогашаемо. Декларация правъ 1789 г., конституція 1791 г., 1793 г., III года и 1848 г. провозглашаютъ эти принципы ⁴⁾. Благодаря этимъ текстамъ, во Франціи и въ Германіи юристы вырабатываютъ теорію суверенитета и создаютъ стройную конструкцію по всѣмъ правиламъ старой юридической техники: суверенитетъ есть субъективное право давать безусловныя приказанія. Государство есть олицетворенная нація, находящаяся на извѣстной территоріи и обладающая этимъ правомъ.

Скажутъ, что это—настоящая демократическая доктрина. Да. Но это—та же доктрина, которая даетъ возможность нѣмецкимъ легистамъ обосновать всемогущество императора, якобинцамъ—оправдать всемогущество конвента, а коллективистамъ—требовать отъ всемогущаго государства конфискаціи орудій производства и еще большаго усиленія власти ⁵⁾.

При такой концепціи государство дѣйствительно становится грозною властью. Будучи великой въ то время, когда она находила свое воплощеніе въ одномъ человѣкѣ, государственная власть становится безграничной, когда она воплощается въ націю. Государство тогда есть въ самомъ дѣлѣ Левіаѳанъ Гоббса ⁶⁾. Оно все поглощаетъ и все уравниваетъ, оно правитъ всѣмъ; „оно не терпитъ рядомъ съ собою никакой независимой жизни“ ⁷⁾ и подъ предлогомъ равенства желаетъ имѣть подъ собой только пыль безвластныхъ и безоружныхъ индивидовъ.

Чтобы ограничить это всемогущество государства, придумали теорію индивидуальныхъ правъ. Ихъ провозглашали въ торжественныхъ декларацияхъ; конституція 1791 г. (титულъ I) прямо запрещаетъ „законодателю издавать законы, причиняющіе ущербъ естественнымъ правамъ (человѣка)“. Это была благородная идея, и я—изъ тѣхъ, кто полагаетъ, что Декларация правъ 1789 г. была исключительнымъ моментомъ въ міровой исторіи. Однако, было бы химерой думать, что этимъ можно достигнуть дѣйствительнаго ограниченія дѣйствій государства. Прежде всего, доктрина индивидуальныхъ правъ теоретически недоказуема. Такъ какъ на это обстоятельство часто указывали, то я не буду говорить о немъ ⁸⁾. Съ другой сто-

¹⁾ Les six livres de la République, франц. изд., Lyon, 1693.

²⁾ Traité des seigneuries et Traité des offices, Paris, 1640.

³⁾ De la souveraineté du roi, Paris, 1642.

⁴⁾ Декларация правъ 1789, ст. 3; конст. 1791, тит. III, вв., ст. 1; конст. 1793, ст. 1 и 7; конст. III года, ст. 1 и 2; конст. 1848, ст. 1.

⁵⁾ См. G. Dazet, Lois collectivistes pour 19.., 1907.

⁶⁾ Знаменитая книга Гоббса вышла на англійскомъ языкѣ въ 1651 г., подъ заглавіемъ: Leviathan or the matter form and power of a commonwealth. Ср. De cive, 1649.

⁷⁾ Ed. Berth, Le Mouvement socialiste, 3-я серия, I, стр. 6.

⁸⁾ См. Manuel de droit constitutionnel, 1907, стр. 6 и сл.

роны, фактически невозможно удержать суверенное государство въ его попыткахъ покуситься на индивидуальныя права. Примѣръ сената-охранителя въ эпоху консульства и имперіи доказываетъ это. Наконецъ, государство, имѣя всегда возможность ограничить право каждаго въ интересахъ правъ всѣхъ и являясь единственнымъ судьей этого ограниченія, въ дѣйствительности не знаетъ другихъ границъ своей дѣятельности, кромѣ тѣхъ, которыя оно само себѣ ставитъ ¹⁾. Декларациа правъ не помѣшали ни кровавой тираніи конвента, ни деспотизму Наполеона, ни перевороту 1851 г., ни законамъ объ общественной безопасности второй имперіи ²⁾, ни законамъ третьей республики объ уступкѣ полномочій ³⁾ и о споліаціи, т. е. о насильственномъ завладѣніи имуществомъ ⁴⁾.

Таковъ политическій режимъ, исходящій отъ римскаго права и завершенный революціей. Но люди XX столѣтія не желаютъ больше этой государственной формы. Они не хотятъ ея, потому что она покоится на догмѣ, а они не вѣрятъ больше ни въ какія догмы. Они не хотятъ ея потому, что она является орудіемъ господства и во всякое время способна превратиться въ тиранію.

Я энергично отрицаю (и объясню это въ своей 3-ей лекціи) большую часть доктринъ революціоннаго синдикализма, но я все же готовъ принять сказанное въ „Mouvement socialiste“ Эдуардомъ Вертомъ, однимъ изъ наиболее выдающихся представителей этой школы: „Во Франціи понятіе государства подверглось умаленію въ сознаниі рабочихъ... Произошло огромной важности событіе, дѣло неизмѣримаго значе-

¹⁾ Ж.-Ж. Руссо вполне определенно говоритъ: «Мы согласны, что все то, что каждый отчуждаетъ въслѣдствіе общественнаго договора отъ своей власти, отъ своего имущества, отъ своей свободы, является только частью всего того, что необходимо для пользованія общества; но надо также согласиться съ тѣмъ, что однимъ только суверенъ является судьей этой необходимости» (Contrat social, liv. II, chap. IV, подъ заглавіемъ: Des bornes du pouvoir souverain).

²⁾ Законъ 9 іюля 1852 г., допускающій запрещеніе въ административномъ порядкѣ проживанія въ департаментѣ Сены и въ лисскомъ округѣ, и особенно законъ о всеобщей безопасности 25 февр. 1858 г. (онъ напелъ въ сенатѣ только одного противника), допускающій ссылку нѣкоторыхъ лицъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаменты Франціи или Алжира и изгнаніе изъ предѣловъ французской территоріи.

³⁾ Законъ 1 марта 1899 г., видоизмѣняющій ст. 445 кодекса уголовнаго судопроизводства, предложенный правительствомъ и вотируемый палатами, имѣлъ дѣлью изъять изъ компетенціи уголовной палаты кассационнаго суда разсмотрѣніе первой просьбы о пересмотрѣ процесса Дрейфуса, которая по общему порядку подлежала ея вѣдѣнію. См. изложеніе мотивовъ правительства и докладъ Виссея въ Сенатѣ (J. off., 31 янв. 1899, Déb. parlement. et Doc. parlement., Сенатъ, стр. 75). Въ своемъ докладѣ въ палатѣ Рено-Морлиеръ имѣлъ мужество, дѣлающее большую честь его памяти, бороться противъ проекта закона (J. off., 1899, Doc. parl., стр. 177).

⁴⁾ Законъ 7 іюля 1904 г. носитъ именно такой характеръ. Онъ упраздняетъ всѣ конгрегаціи, разрѣшенныя въ качествѣ конгрегацій, занимающихся исключительно обученіемъ (ст. I, § 2). Ст. 5 регулируетъ способъ ликвидаціи распускаемыхъ конгрегацій; § 2 ея говоритъ: «...Послѣ вычета пеней, предусмотрѣнныхъ закономъ 24 мая 1825 г., стоимость имущества, приобретеннаго возмезднымъ путемъ, а также имущество, которое не возвращается жертвователямъ..., будетъ употреблена на увеличеніе государственныхъ субсидій на постройку или расширеніе школьныхъ зданій или на уплату за наемъ помѣщеній». Конечно, законодатель можетъ въ видѣ общей мѣры измѣнить институтъ собственности. Но въ данномъ случаѣ имѣется специальное распоряженіе, мѣняющее назначеніе имущества, законно приобретеннаго, и при томъ съ нарушеніемъ законныхъ волеизъявленій индивида, на которыхъ основывалось такое назначеніе. Такой законъ является дѣйствительно закономъ о насильственномъ завладѣніи имуществомъ.

ня — смерть этого фантастического ужаснаго существа, занимавшаго въ исторіи столь колоссальное мѣсто... Погибло государство" ¹⁾).

Да, государство умерло, или, вѣрнѣе, умираетъ его форма — римская, королевская, якобинская, наполеоновская, коллективистская, которая въ разныхъ этихъ видахъ представляетъ одну и ту же форму государства. Но въ то же время создается новый государственный строй, болѣе широкій, болѣе эластичный, болѣе защищающій и болѣе гуманный, элементы котораго мнѣ и остается опредѣлить.

Ихъ два: понятие социальной нормы, обязательной для всѣхъ, или объективное право, и децентрализація, или синдикалистскій федерализмъ ²⁾. Изученіе ихъ и составить содержание двухъ послѣдующихъ лекцій.

¹⁾ Mouvement socialiste, октябрь 1907, 3-я серия, I, стр. 314.

²⁾ См. Max Leroy, Les transformations de la puissance publique, 1907; L. Rolland, Revue du droit public, 1907, стр. 265.

Вторая лекція.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Я сказала, заканчивая предыдущую лекцію, что римская и королевская форма государства исчезает, освобождая свое мѣсто новому политическому строю, болѣе гибкому, болѣе гуманному, болѣе защищающему индивида и покоящемуся на двухъ элементахъ: съ одной стороны—на понятіи объективнаго права, или социальной нормы, основанной на фактѣ взаимозависимости, соединяющей все человѣчество вообще и членовъ одной социальной группы въ частности, нормы обязательной для всѣхъ: для слабыхъ и сильныхъ, для большихъ и малыхъ, для правящихъ и управляемыхъ; съ другой стороны—на децентрализациі, или синдикалистскомъ федерализмѣ. Я думаю, что мы приближаемся къ нѣкотораго рода федерализму классовъ, организованныхъ въ синдикаты, и я предполагаю, что этотъ федерализмъ будетъ скомбинированъ центральной властью, по-прежнему сохраняющейся, всегда живой, но имѣющей уже совершенно другой характеръ и другое дѣйствіе, чѣмъ какія существовали въ прежнемъ государствѣ, и сводящейся къ функціямъ контроля и надзора.

Это преобразование центральной власти на основѣ объективнаго права я резюмирую въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ:

1. Государственная власть перестаетъ быть правомъ. Она есть фактъ. Государство перестаетъ быть юридическимъ лицомъ, облеченнымъ субъективнымъ правомъ приказывать. Государство существуетъ, когда въ опредѣленномъ обществѣ отдѣльный индивидъ, группа индивидовъ или большинство монополизируютъ власть. Этихъ лицъ я называю правящими.

2. Эти люди, индивиды или группы, монополизируютъ наибольшую силу, не имѣютъ никакого права. Но, какъ члены общества, они подчинены нормѣ права, основаніе и значеніе которой мы показали въ началѣ первой лекціи, и, какъ таковыя, обязаны употребить силу, которою они располагаютъ, на обезпеченіе соблюденія и примѣненія этой нормы права.

3. Они могутъ дѣлать свою волю обязательной для другихъ, но не абсолютно, потому что въ этомъ случаѣ она была бы уже высшей волей, а только относительно, такъ какъ ихъ воля обязываетъ лишь постольку, поскольку соотвѣтствуетъ нормѣ права.

4. Роль правящихъ должна неизбѣжно уменьшаться съ каждымъ днемъ и, наконецъ, свестись къ контролю и надзору, такъ какъ всѣ экономическія и социальныя функціи мало-по-малу распредѣлятся между различными социальными классами, получающими, благодаря развитію синдикализма, опредѣленную юридическую структуру и имѣющими такимъ образомъ возможность, подъ контролемъ правящихъ, дать импульсъ и направленіе выпавшей на ихъ долю части общественнаго труда.

I.

Государственная власть—простой фактъ.

Я говорю прежде всего, что государственная власть есть не право, а простой фактъ, фактъ существованія наибольшей силы. Въ сущности, это—только резюме предыдущей лекціи. Въ обществахъ всегда были и, вѣроятно, всегда будутъ классъ или большинство, которые фактически, въ силу самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, концентрируютъ у себя силу принужденія. Говорятъ, что во Франціи, со времени революціи, классомъ, который обладаетъ наибольшей силой, является капиталистическая буржуазія, такъ какъ она располагаетъ экономической властью, за которою всегда слѣдуетъ и политическая власть. Говорятъ еще также, что съ 1848 г. во Франціи существуетъ противорѣчіе между фактомъ и правомъ, служащее отчасти виновникомъ безпокойнаго состоянія, характернаго для нашего времени, противорѣчіе между принципомъ всеобщаго избирательнаго права, дающаго пролетаріямъ политическую власть, и экономическимъ режимомъ, дѣлающимъ пролетарія наемникомъ капиталиста и почти рабомъ его.

Уже въ 1893 г. Жоресъ воскликнулъ въ палатѣ депутатовъ: „И этотъ король политическаго строя (пролетарій) выброшенъ на улицу“¹⁾. Вдохновленный тою же идеей Вивіани, министръ труда и общественныхъ работъ, сказалъ недавно въ Со: „Истина въ томъ, что всеобщее избирательное право создало затрудненія, на которыя я долженъ обратить ваше вниманіе. Въ тотъ день, когда избирательный бюллетень былъ доставленъ всѣмъ гражданамъ, даже совершенно неимущимъ, возникъ устрашающій контрастъ между человѣкомъ вотирующимъ и человѣкомъ рабочимъ. Передъ урной рабочій—суверенъ, на фабрикѣ онъ—рабъ. Онъ невольно сравниваетъ свой политическій суверенитетъ со своей экономической зависимостью, и это сравненіе вызываетъ всѣ смуты и вспышки“²⁾.

Если это противорѣчіе между фактомъ и правомъ на-лицо, то отсюда слѣдуетъ, что классъ пролетаріевъ, значительный по своей численности, долженъ стремиться получить дѣйствительную политическую власть посредствомъ захвата власти и социализаціи орудій производства. Это—именно та тактика, которую проповѣдуютъ нѣкоторые социалисты³⁾. Я не знаю и не желаю знать, каково ея значеніе. Но я полагаю, что политическая эволюція ориентирована не въ этомъ смыслѣ. Я думаю, что мы прогрессируемъ—съ замедленіями и пренятетвіями—къ политической формѣ, гдѣ наибольшая сила будетъ принадлежать не какому-либо привилегированному классу, но дѣйствительному большинству изъ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ партій. Въ первой лекціи было показано, что неорганическое всеобщее избирательное право, какимъ оно сдѣлалось послѣ февральской революціи, привело къ созданію законовъ меньшинствомъ.

¹⁾ Засѣданіе 21 ноября 1893 г.

²⁾ Le Temps, 25 февраля 1908 г.

³⁾ См. манифестъ французской социалистической партіи (независимой социалистической партіи, состоящей изъ оставшихся необъединенными депутатовъ-социалистовъ), опубликованный по случаю муниципальныхъ выборовъ 3 мая 1908 г. и начинающійся словами: „Если синдикальная рабочая организація необходима, главнымъ образомъ, для повседневной борьбы противъ капиталистическаго класса и для выясненія пролетаріямъ солидарности ихъ интересовъ, то эту организацію слѣдуетъ создавать параллельно политической дѣятельности, которая одна только дастъ возможность организованному пролетаріату захватить въ свои руки всю государственную власть, не исключая и муниципальной, которую также слѣдуетъ приобрести“ (Le Temps, 17 апрѣля, 1908 г.).

Но такое положеніе вещей не можетъ продолжаться. Всѣ члены общества должны быть настоящими участниками политической власти, и я увѣренъ, что мы движемся въ направленіи къ органической формѣ всеобщаго избирательнаго права, дающей преобладаніе дѣйствительному большинству, составляющемуся посредствомъ сознательнаго и урегулированнаго участія всѣхъ классовъ и всѣхъ партій.

Господство класса должно прекратиться; мы отрицаемъ господство какъ пролетарскаго, такъ и буржуазнаго класса. Можетъ быть, я нахожусь во власти иллюзій, но мнѣ кажется, что большой прогрессъ, сдѣланный въ послѣднее время во всѣхъ партіяхъ и всѣхъ областяхъ нашей страны идей пропорціональнаго представительства партій (комбинированнаго съ профессиональнымъ представительствомъ, о которомъ я буду говорить въ слѣдующей лекціи), доказываетъ, что эволюція происходитъ именно въ указываемомъ мною смыслѣ. Долгъ каждаго—трудиться по мѣрѣ своихъ силъ надъ осуществленіемъ этой реформы и надъ уничтоженіемъ единоличнаго и мажоритарнаго голосованія, такъ какъ оно является орудіемъ всеобщей деморализаціи и подкупиности.

Итакъ, правящіе являются представителями этого большинства, образованнаго сознательнымъ и урегулированнымъ участіемъ всѣхъ классовъ и всѣхъ партій. Вслѣдствіе этого они обладаютъ наибольшею силою и располагаютъ матеріальнымъ принужденіемъ. Правъ они не имѣютъ и не могутъ ихъ имѣть. Но, подчиняясь нормѣ права, они обязаны употреблять свою наибольшую силу для примѣненія этой нормы, констатируя ее, подавляя всѣ индивидуальныя акты, нарушающіе ее, и санкціонируя всѣ индивидуальныя акты, соответствующіе ей. Однимъ словомъ, единственная власть, которою они обладаютъ, есть власть исполнять обязанность относительно примѣненія своей силы въ защиту соціальной взаимозависимости. А отсюда слѣдуетъ цѣлый рядъ слѣдствій.

II.

Истинный характеръ закона.

Прежде всего—концепція закона, кореннымъ образомъ отличная отъ революціонной концепціи ¹⁾. Извѣстно, что Декларація правъ 1789 г. (ст. 6) опредѣляла законъ, какъ выраженіе общей воли. Отсюда вытекало, что законъ имѣетъ обязательную силу на томъ основаніи, что этого желаетъ коллективъ, и что законъ есть то, чего желаетъ коллективъ. Законъ, говорятъ ²⁾, имѣетъ особую силу, спеціальнѣйшій характеръ, такъ какъ исходитъ отъ воли, обладающей особой природой. Это—воля коллектива, олицетворенная въ государствѣ и отличающаяся по своему существу отъ воли индивидовъ. Послѣднимъ остается только подчиняться закону, такъ какъ онъ обладаетъ трансцендентной обязательной силой. Отсюда же вытекаетъ и отношеніе къ закону, какъ къ фетишу, что хорошо показали Эдуардъ Бергъ въ одной изъ статей въ „Mouvement socialiste“, мною уже цитированной: „Парламентарная демократія, — пишетъ онъ, — является ли въ дѣйствительности божественнымъ правомъ магической власти государства, перешедшей съ короля на партіи, выражающія

¹⁾ См. въ *Revue du droit public*, 1908, стр. 5, очень интересную статью Deslandres, подъ заглавіемъ: *Etude sur le fondement de la loi*; Dicey, *Le droit et l'opinion publique*, франц. изд., 1906.

²⁾ Эсменъ, напримѣръ, пишетъ: «...законъ есть повелѣніе суверена и получаетъ свою обязательную силу въ авторитетѣ, отъ котораго исходить». (*Droit constitutionnel*, 4-е изд., 1906, стр. 38).

такъ называемый суверенитетъ народа?.. Законъ, издаваемый нашимъ парламентомъ, окруженъ еще большимъ суевѣрнымъ уваженіемъ. чѣмъ въ прежнее время самые абсолютные монархи, и можно сказать, что современное законодательство порабощаетъ больше, чѣмъ прежняя лояльность" ¹⁾).

Истина—въ томъ, что законъ есть выраженіе не общей воли, которой не существуетъ, и не воли государства, которой также нѣтъ, а воли нѣсколькихъ голосующихъ человекъ. Во Франціи законъ есть воля 350 депутатовъ и 200 сенаторовъ, образующихъ обычное большинство въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ. Вотъ фактъ. Въѣ этого имѣются лишь фикціи и пустыя формулы; мы не желаемъ ихъ.

Если законъ есть выраженіе индивидуальной воли депутатовъ и сенаторовъ, то онъ не можетъ быть обязательнымъ для другихъ волей. Онъ можетъ быть обязательнымъ только какъ формулированіе нормы права или какъ примѣненіе ея и лишь въ этихъ предѣлахъ. Въ дѣйствительности все законы дѣлятся на двѣ большія категоріи: на законы, формулирующіе норму права, и на законы, принимающіе мѣры къ ея исполненію. Я называю первые—нормативными законами, а вторые—конструктивными законами ²⁾. Но дѣло—не въ словахъ. Въ сущности, ни тѣ, ни другіе не заключаютъ въ себѣ велѣній, адресованныхъ высшею волей подчиненнымъ волямъ. Однако, они обязательны, такъ какъ или формулируютъ, или осуществляютъ норму, которая обязательна, какъ таковая.

Отсюда понятно, почему и насколько обязательны законы и для тѣхъ, кто ихъ издалъ, т. е. для правящихъ, или, какъ это обыкновенно принято говорить, для государства. Законъ такъ же строго обязателенъ для парламента, вотировавшего его, какъ и для отдѣльнаго лица, къ которому онъ обращенъ. Если же видѣть въ законѣ велѣніе, формулированное государствомъ-личностью, и если считать парламентъ уполномоченнымъ представителемъ или юридическимъ органомъ государства, то нельзя никакъ объяснить, почему парламентъ связанъ изданнымъ имъ закономъ, и тогда англичане совершенно правы, говоря, что парламентъ все можетъ сдѣлать, за исключеніемъ превращенія мужчины въ женщину.

Нѣмецкіе юристы, слѣдуя за Герингомъ и Еллинекомъ, проповѣдуютъ тонкую теорію самограниченія государства. Государство, говорятъ они, связано изданнымъ имъ закономъ, такъ какъ оно добровольно ограничиваетъ себя этимъ закономъ; оно можетъ это дѣлать, не умаляя своего суверенитета, такъ какъ суверенитетъ есть способность самопредѣленія, а, ограничивая себя, государство самоопредѣляетъ себя и, такимъ образомъ, остается сувереннымъ, хотя и подчиненнымъ собственному закону ³⁾.

Это очень остроумно, но это ничего не доказываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сказать, что парламентъ, издавшій законъ и представляющій государство, связанъ потому, что онъ этого хочетъ, и до тѣхъ поръ и

¹⁾ Mouvement socialiste, июль 1907, 3-я серия, I, стр. 11.—Гербертъ Спенсеръ писалъ: «Великимъ суевѣріемъ прежней политики было божественное право королей. Великое суевѣріе современной политики—божественное право парламентовъ. Муромазаніе незамѣтно перешло съ одного на большее число, освятивъ ихъ самихъ и ихъ декреты. Можно находить нерациональнымъ первое изъ этихъ вѣрованій, но слѣдуетъ считать его болѣе логичнымъ въ сравненіи со вторымъ...» (L'individu contre l'Etat, франц. изданіе, 1885, стр. 116).

²⁾ См. L'Etat, le droit objectif et la loi positive, 1901, стр. 551 и слѣд.

³⁾ См. Герингъ, Der Zweck im Rechte, I, стр. 241; Еллинекъ, Gesetz und Verordnung, 1887, стр. 197; Allgemeine Staatslehre, 2-ое изд., 1905, стр. 357. Относительно моей критики этой доктрины см. L'Etat, le droit objectif..... стр. 105 и слѣд. и Madauel, 1907, стр. 4.

постольку, поскольку онъ желаетъ быть связаннымъ, значить именно сказать, что онъ не связанъ. Это столь вѣрно, что теоретики самоограниченія, напр., Еллинекъ, говорятъ: законъ не есть непременно общее предписаніе, могутъ быть и индивидуальныя законы¹⁾. Иначе говоря, парламентъ всегда можетъ сдѣлать индивидуальное отступленіе отъ вотированнаго имъ общаго закона, и всегда можетъ уклониться отъ примѣненія къ себѣ закона.

III.

Опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій.

Изложенная мною концепція закона встрѣтила весьма энергичныя возраженія, и я не могу обойти ихъ молчаніемъ.

Прежде всего, говорятъ, что это—теорія анархистовъ; нѣтъ общества, которое могло бы жить при такомъ пониманіи закона²⁾. Пассивная покорность закону есть необходимое условіе всякой соціальной жизни. Моя же теорія признаетъ за всякимъ индивидуомъ право отказывать въ повиновеніи закону подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не соответствуетъ индивидуальному понятію о правовой нормѣ; а въ этомъ случаѣ должна произойти общая дезорганизация. По крайней мѣрѣ, говорятъ³⁾, слѣдуетъ установить, что всякій законъ предполагается соответствующимъ праву и, пока не доказано противное, обязательенъ для гражданъ.

Это возраженіе, которое кажется вѣскимъ, ко мнѣ не относится. Я могу вернуть его обратно и сказать, что моя теорія закона по своему существу соціальна, такъ какъ она побуждаетъ правителей издавать только такіе законы, объ юридическомъ характерѣ которыхъ не можетъ возникнуть сомнѣній. Я хорошо знаю, что юридическая истина не такъ очевидна, какъ математическая формула; но все же вѣрно, что нѣкоторыя нормы права въ извѣстный моментъ такъ глубоко и широко проникаютъ въ сознаніе людей, что всякій законъ, ставящій себѣ цѣлью только примѣненіе такой нормы, встрѣтитъ почти единодушное признаніе.

Но, скажутъ, количество законовъ, отвѣчающихъ этимъ условіямъ, будетъ очень ограниченнымъ. Несомнѣнно. Но зло это невелико. Мнѣ кажется, большая ошибка—думать, что соціальный прогрессъ измѣряется количествомъ законовъ, издаваемыхъ правителями. Въ будущемъ—и, можетъ быть, неотдаленномъ—правители будутъ издавать все меньше и меньше законовъ, такъ какъ отношенія индивидовъ и группъ будутъ основываться на договорныхъ регламентахъ, являющихся результатомъ соглашенія двухъ или болѣе группъ, правящимъ же лицамъ останется только давать такимъ соглашениямъ санкцію, контролировать и наблюдать.

Съ другой стороны, когда говорятъ о сопротивленіи закону, всегда имѣютъ въ виду насильственное сопротивленіе. Но сопротивленіе притѣснительнымъ законамъ можетъ обнаруживаться и въ другой формѣ.

¹⁾ Еллинекъ, *Gesetz und Verordnung*, 1887, стр. 232; *Allgemeine Staatslehre*, 2-ое изд., 1905, стр. 595. Ср. Лабандъ, *Droit public*, франц. изд., 1901, т. III, стр. 260.

²⁾ Эсменъ заключилъ пространную и учтивую критику моей доктрины словами: «Если отрицаютъ суверенитетъ, то одно изъ двухъ: или нѣтъ ни законовъ, ни правительства, и тогда это—анархистская химера..., или же законы могутъ быть только соглашениями между различными силами или классами, фактически существующими въ націи» (*Droit constitutionnel*, 4-ое изд., 1906, стр. 40). Я—не анархистъ; но я думаю и надѣюсь доказать въ третьей лекціи, что, дѣйствительно, современныя общества развиваются въ направленіи къ праву, существенно основанному на соглашеніи различныхъ социальныхъ классовъ.

³⁾ Gén y, Отчетъ о моей книгѣ: *L'Etat, le droit objectif...*, въ *Revue critique de législation*, 1901, стр. 508.

Уже давно теологи различали пассивное сопротивление, оборонительное сопротивление и наступательное сопротивление и указывали, что последнее законно только какъ крайнее средство ¹⁾. Если, какъ я думаю, социальныя группы понемногу сплачиваются внутри каждаго національнаго общества, особенно во Франціи, посредствомъ синдикалистскихъ образований, то онѣ смогутъ организовать сильное и мирное сопротивление притѣснительнымъ законамъ. Развѣ худо было бы знать законодателью заранѣе, что всякій законъ, который будетъ притѣснять одинъ классъ въ пользу другого, вызоветъ, при своемъ примѣненіи, со стороны перваго класса сильно организованную оппозицію? Не обязанъ ли даже парламентъ организовать это законное сопротивление? Дѣло это, конечно, не легкое. При концессіи закона, какъ суверенной воли, оно невозможно. Съ нашимъ же пониманіемъ закона оно совмѣстимо. Осуществленіе этого принципа можно было бы найти въ созданіи высшаго трибунала, составленнаго поровну изъ представителей всѣхъ социальныхъ классовъ и судящаго, если можно такъ выразиться, о законности закона ²⁾.

Другое возраженіе было сдѣлано мнѣ моимъ молодымъ блестящимъ коллегой г. Политисомъ, профессоромъ юридическаго факультата въ Пуатье. Онъ, какъ и я, признаетъ существованіе нормы поведенія, основанной на социальной взаимозависимости; но для него она—скорѣе моральная норма, чѣмъ юридическая. Норма эта, говоритъ онъ, не императивна сама по себѣ и становится обязательной только въ томъ случаѣ, когда формулирована въ позитивномъ законѣ. Доказывается это тѣмъ обстоятельствомъ, что до формулированія нормы въ позитивномъ законѣ нарушеніе ея не влечетъ за собою репрессій, а индивидуальныя акты, согласныя съ нею, не вызываютъ результатовъ, не получаютъ общественной санкціи. Поэтому, позитивный законъ, по его мнѣнію, не простое констатированіе социальной нормы; онъ прибавляетъ къ ней что-то; только онъ сообщаетъ ей императивный характеръ.

Мнѣ кажется, что въ своихъ замѣчаніяхъ г. Политисъ нѣсколько смѣшалъ обязательный характеръ нормы и социально организованную санкцію ея. Конечно, когда нѣтъ писанаго закона или констатированнаго обычая, не существуетъ для правовой нормы правильной и юридически организованной санкціи. Однако, доказываетъ ли это, что социальная норма не императивна сама по себѣ? Впрочемъ, выраженіе императивна не точно, такъ какъ содержитъ въ себѣ идею приказанія. Правовая же норма—не приказаніе, а фактическая дисциплина, устанавливаемая среди всѣхъ членовъ группы социальной взаимозависимостью.

Г. Политисъ признаетъ императивный характеръ обычая и объясняетъ его добровольнымъ согласіемъ людей съ содержащейся въ обычаѣ нормой. Императивный характеръ закона, являющагося лишь болѣе полнымъ осуществленіемъ нормы, также объясняется бы въ данномъ случаѣ добровольнымъ принятіемъ его индивидами. Я не намѣренъ отрицать это добровольное принятіе, но оно ничего не прибавляетъ къ самой нормѣ, которая всю свою силу получаетъ отъ социальной взаимозависимости или отъ разъ навсегда принятаго постулата. Добровольное принятіе нормы есть, въ сущности, только болѣе ясное и точное пониманіе ея, облегчающее ея примѣненіе и обеспечивающее ей санкцію. И, затѣмъ, самому г. Политису нужно быть осторожнѣе. Его идея „нормы, обязательной

¹⁾ См. Chénon, *Théorie catholique de la souveraineté nationale*, 1898, стр. 16 и сл., и мой *Manuel*, 1907, стр. 677.

²⁾ Ср. предложенія Ж. Рошъ и Шарля Бенуа объ учрежденіи верховной палаты, разбирающей жалобы гражданъ на нарушеніе ихъ правъ законодательною властью. *J. off., doc. parl., Chambre, sess. ord. 1903*, стр. 97 и 99.

вслѣдствіе ея желательности людямъ“, сильно походить на идею общественнаго договора.

Наконецъ, мнѣ говорятъ еще: ваша концепція закона есть только возвратъ къ теоріи доктринеровъ о суверенитетѣ разума, представляющей собою лишь нѣсколько измѣненное изданіе старой отжившей теоріи естественнаго права ¹⁾. Боже мой! Я хорошо знаю, что Ройе-Колляръ и Гизо—люди, вышедшіе изъ моды. И, однако, не такъ ужъ... глупо было сказано: законъ суверененъ и обязателенъ постольку, поскольку согласуется съ разумомъ. Г. Клемансо, предсѣдатель совѣта министровъ, котораго никто не упрекнетъ въ томъ, что онъ—не модернистъ, сказалъ то же самое въ своей уже цитированной мною рѣчи: „Прежде всего,—сказалъ онъ,—демократія должна быть правленіемъ разума“ ²⁾. Надо только договориться о томъ, что считать согласнымъ съ разумомъ. Если говорятъ: законъ обязателенъ только, когда онъ находится въ согласіи съ нѣкоторыми рациональными принципами, неизмѣнными, одинаковыми во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, то это—доктрина естественнаго права, доктрина отжившая и энергично мною отвергаемая. Но если говорятъ: законъ обязателенъ только, когда онъ соответствуетъ современнымъ, быстро преходящимъ и мѣняющимся условіямъ жизни даннаго общества, опредѣляемымъ путемъ наблюденія и рациональнаго анализа строенія и развитія этого общества, то тогда, мнѣ кажется, мы имѣемъ доктрину, совсѣмъ не похожую на ученіе объ естественномъ правѣ и доктринерскія концепціи,—доктрину чисто позитивнаго характера и истинно научнаго духа. Именно ее я и защищаю.

IV.

Обязанности правящихъ.

Устранивъ двойное понятіе личности и суверенитета государства, мы можемъ установить принципъ дѣйствительнаго, строгаго, отрицательнаго

¹⁾ Эсменъ пишетъ: «Этотъ тезисъ, отрицающій суверенитетъ и учредительную власть, впрочемъ, не новостъ: онъ только подновленъ ссылкой на нѣсколько довольно гуманныхъ идей, имѣющихъ въ настоящее время успѣхъ и во Франціи и въ Германіи, какова, напримѣръ, идея человѣческой солидарности и самодовлѣющей нормы права. Это—та же доктрина, которая въ разныя времена имѣла претензію не признавать другого суверенитета, кромѣ разума. Эту доктрину защищаль Гизо во время Реставраціи (Moyens d'opposition, стр. 67). Ее же формулировала еще доктринерская партія устами Ройе-Колляра (Discours sur la pairie, 1831). Въ правахъ и законныхъ интересахъ, въ которыхъ онъ видитъ основу человѣческаго общества, мы находимъ точный эквивалентъ юридическаго положенія нормы права, на которой Дюги строить всю свою систему“ (Эсменъ, Droit constitutionnel, 4-ое изд., 1906, стр. 36).—Я не отрицаю что съ формальной точки зрѣнія можно облизать мое ученіе съ концепціями доктринеровъ, и я говорю объ этомъ въ текстѣ. Но я намѣренъ для точности сдѣлать нѣкоторыя поправки. Эсменъ, кажется, заблуждается относительно роли, которая отведена мною субъективному юридическому положенію. Онъ считаетъ его основой моей системы, тогда какъ я старался показать, что это—ея конечная цѣль. Субъективное юридическое положеніе можетъ возникнуть только тогда, когда объявленіе индивидуальной воли совершилось сообразно правовой нормѣ. Что касается моего пониманія объективнаго права и нормы права, то оно совершенно отлично отъ доктринерской концепціи правъ и законныхъ интересовъ. Эта концепція была основана на индивидуальныхъ правахъ, а priori опредѣляемыхъ разумомъ; мое утвержденіе правовой нормы покоится исключительно на фактѣ, на фактѣ социальной взаимозависимости, констатированной путемъ наблюденія. Мнѣ кажется, различіе между нами основное. Ср. Barthélemy, отчетъ о моемъ Manuel въ Revue du droit public, 1908, n° 1, стр. 161.

²⁾ J. officiel, 13 февраля 1908 г.

и положительнаго ограниченія дѣятельности правящихъ лицъ. Я хорошо знаю, что доктрина личнаго суверенитета считаетъ себя способной ограничивать дѣятельность государства. Это—возможно, хотя, повидимому, факты говорятъ противное. Во всякомъ случаѣ, она въ состояніи ограничивать лишь отрицательно, но не можетъ обязать государство къ положительнымъ дѣйствіямъ. Декларациі правъ и конституціи 1789, 1791 и III года, содержащія совершенное и наиболѣе полное выраженіе этой доктрины, говорятъ только объ отрицательномъ ограниченіи: „законодательная власть не можетъ издавать законы, причиняющіе ущербъ естественнымъ правамъ человѣка“¹⁾,—и только, не болѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что бы тамъ ни говорили²⁾, что на суверенитетѣ государства и индивидуалистической доктринѣ невозможно обосновать обязанность правящихъ лицъ обезпечить всѣмъ безвозмездно минимумъ образованія, предоставить работу всякому, кто ее ищетъ, и дать средства къ существованію всѣмъ тѣмъ, кто неспособенъ добывать ихъ своимъ трудомъ. Наше положительное законодательство, надъ которымъ витала до послѣдняго времени ложная индивидуалистическая доктрина, установило бесплатное первоначальное обученіе только въ 1881 году (законъ 16 іюня 1881 г.), оно еще не признало того, что называютъ правомъ на трудъ, и лишь съ 1893 г. оно обязываетъ оказывать помощь больнымъ (законъ 15 іюля 1893 г.), а съ 1905 г.—старикамъ, калѣкамъ и неизлѣчимымъ больнымъ (законъ 14 іюля 1905 г., измѣненный ст. 35 закона 31 дек. 1907 г.). Можно сказать, что признаніе положительныхъ обязанностей правящихъ шло рядомъ съ упадкомъ индивидуалистической доктрины и находящаяся съ ней въ связи стараяго понятія государства³⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что въ политическомъ строѣ, основанномъ на концепціи объективнаго права, вспоможеніе, обученіе, страхование отъ безработицы станутъ обязанностью правящихъ. Они — такіе же люди, какъ и всѣ другіе, а не органы мнимой коллективной личности. Какъ и всѣ, они подчиняются нормѣ права, возлагающей на нихъ обязательства соотвѣтственно ихъ положенію въ обществѣ и обязывающей ихъ употреблять наибольшую силу на служеніе соціальной взаимозависимости. Они должны не только воздерживаться, но и дѣйствовать, и эта необходимость переходитъ въ юридическую обязанность обезпечить обученіе и гарантировать трудъ.

Но обязанность вспомошествованія приводитъ къ одной изъ самыхъ волнующихъ проблемъ современнаго сознанія. Христіанство нашло разрѣшеніе ея въ моральной обязанности быть милостивымъ къ другимъ. Должна ли и позитивная политика рѣшить ее въ томъ же смыслѣ? Какое рѣшеніе логически слѣдуетъ изъ факта взаимозависимости? Не представляетъ никакихъ сомнѣній, что правители обязаны обезпечить медицинскую помощь всѣмъ тѣмъ, выздоровленіе которыхъ возможно: въ данномъ случаѣ помощь имѣетъ цѣлью сохранить соціальную силу, она усиливаетъ и поддерживаетъ взаимозависимость. Но должно ли оказывать помощь также тѣмъ старикамъ, которые лишь потребляютъ, не добывая, и скончаются черезъ нѣсколько лѣтъ, или неизлѣчимо-больнымъ, которые не только лишены производительнаго значенія, но еще способны оставить въ расѣ зародышъ смерти или вырожденія? Не будетъ ли помощь этимъ людямъ нарушеніемъ закона соціальной взаимозависимости?

¹⁾ Конст. 1791 г., тит. I, § 3.

²⁾ H. Michel, *L'idée de l'Etat*, 1898, стр. 90. См. критику этого положенія въ моемъ *Manuel*, 1907, стр. 649.

³⁾ Ср. прекрасную книгу А. Schatz'a, *L'individualisme économique et social*, 1907.

отъ индивидуальной воли, и воля главы государства, министра, префекта или судьи, рѣшающаго дѣла, ничѣмъ не отличается отъ моей собственной воли. Я не могу допустить, чтобы говорили объ актахъ власти, о государственной власти и ея делегации, о чиновникахъ, обладающихъ частицей государственной власти. Это все—слова, безсмысленныя и, кромѣ того, опасныя, такъ какъ отъ акта государственной власти недалеко до правительственного акта, не подлежащаго обжалованію, а отъ режима государственной власти до диктаторскаго и тираническаго строя—одинъ только шагъ.

Но если мы отрицаемъ государственную власть, то какъ же объяснить, что индивидуальный актъ агента государства обязательенъ для насъ? Посредствомъ теоріи юридическаго акта¹⁾. Актъ агента производитъ юридическій эффектъ, какъ всякій актъ индивидуальной воли, односторонній или договорный, соединяющій въ себѣ условія юридическаго акта. Не останавливаясь на этой сложной теоріи, я хочу показать въ двухъ-трехъ словахъ, какъ она непосредственно связана съ нашей концепціей объективнаго права.

Я опредѣляю юридическій актъ какъ изъявленіе воли, исходящее отъ правоспособнаго лица, имѣющее объектомъ вещь, способную быть предметомъ желанія, опредѣленное законной цѣлью и сдѣланное съ намѣреніемъ создать юридическое положеніе. Правовой эффектъ въ дѣйствительности производится не волевымъ актомъ. Проявленіе воли индивида, будь это частное лицо, императоръ, король, президентъ республики, министръ, префектъ или мэръ, не въ состояніи само по себѣ произвести правовой эффектъ. Правовой эффектъ есть социальный фактъ, такъ какъ является не чѣмъ инымъ, какъ социальнымъ принужденіемъ, обязывающимъ одну или нѣсколько воль что-нибудь дѣлать или отъ чего-нибудь воздержаться. Индивидуальная воля не можетъ собственными силами создать социальный эффектъ. Но если актъ индивидуальной воли опредѣляется социальной цѣлью, если онъ соответствуетъ правовой нормѣ, если онъ стремится создать юридическое положеніе, то эффектъ появляется, какъ прямое слѣдствіе примѣненія правовой нормы: для воли будетъ существовать засвидѣтельствованная актомъ обязанность исполнить нѣкоторое дѣйствіе или воздержаться отъ какого-нибудь извѣстнаго дѣйствія подъ угрозой социальнаго принужденія, а въ цивилизованныхъ странахъ—общественно-организованнаго принужденія.

Итакъ, акты государственныхъ агентовъ суть акты индивидуальной воли. Воля администратора или судьи нисколько не является высшей сравнительно съ волей частныхъ лицъ. Нельзя говорить, что они—уполномоченные или органы сувереннаго лица, государства; это будетъ лишь фикціей, и мы знаемъ, что именно слѣдуетъ думать о ней. Если актъ государственнаго агента вызываетъ эффектъ, то потому и только потому, что это—юридическій актъ, исходящій, подобно всякому другому акту, отъ индивидуальной воли и подъ условіями, обязательными для всякой индивидуальной воли.

Важныя практическія послѣдствія этого положенія несомнѣнны. Долгое время въ административномъ актѣ видѣли актъ совершенно особой природы и окружали его суевѣрнымъ уваженіемъ. Администрація казалась высшей властью, могущей дѣлать свою волю обязательной, какъ прежде абсолютныя государи, на томъ основаніи, что ей такъ угодно. Она только за собой признавала право судить о законности совершенныхъ ею актовъ. Подобно таинственному и грозному божеству она парила надъ устрашен-

¹⁾ Для этой теоріи ср. мою книгу *L'Etat, le droit objectif*, 1901, гл. III стр. 138 и сл., и *Manuel*, стр. 210 и слѣд.

ными смертными. Мнѣ кажется, что въ глубинѣ души многіе администраторы до сихъ поръ еще считаютъ себя высшими существами. Но публика настраивается довольно скептически. Съ того дня, какъ поняли и признали, что административный актъ есть такой же актъ, какъ и всякій другой, что онъ не получаетъ никакой особой силы отъ воли создавшего его и вызываетъ эффектъ только въ томъ случаѣ, если соотвѣтствуетъ нормѣ права и лишь въ той степени, насколько такое соотвѣтствие имѣется, произвольная сила администраціи была разбита, и разсѣялся вызываемый ею суевѣрный ужасъ. Съ тѣхъ поръ было основано административное право въ истинномъ смыслѣ слова, и частное лицо защищено отъ произвола ¹⁾. Достоянная удивленія судебная практика государственнаго совѣта каждый день примѣняетъ сознательно или безсознательно,—это безразлично,—выводы изъ этого новаго понятія, которое я резюмирую въ нѣсколькихъ словахъ: административный актъ есть актъ, исходящій отъ частной воли, и можетъ вызывать эффектъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой соотвѣтствуетъ нормѣ права.

VI.

Опроверженіе возраженій.

Однако, это положеніе встрѣчаетъ нѣкоторыя возраженія. Прежде всего говорятъ: оно вѣрно для многихъ административныхъ актовъ, напр., для тѣхъ, которые по современной терминологіи называются актами и исполненія. Но, кромѣ нихъ, имѣются акты, исходящіе отъ государственныхъ агентовъ, съ совершенно особымъ характеромъ. Это—такъ называемые акты власти, или акты государственной власти. Совершеніе этихъ актовъ никакъ не могутъ приписать обыкновеннымъ частнымъ лицамъ. Поэтому обыкновенно полагаютъ, что агенты, производящіе ихъ, обладаютъ особеннымъ свойствомъ, дающимъ возможность придавать этимъ актамъ своеобразный характеръ. Это особое свойство есть не что иное, какъ делегация государственной власти.

Въ особенности возражалъ мнѣ мой ученый коллега и другъ Бертелеми ²⁾. Я еще понимаю, что такъ называемому акту государственной власти приписываютъ особый характеръ, въ зависимости отъ особаго свойства производящаго этотъ актъ агента, тѣ, кто признаетъ ученіе о государствѣ какъ личности. Но я не понимаю, какъ можно, подобно Бертелеми, совершенно отрицая личность государства и понятіе государственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что агенты власти не дѣйствуютъ, какъ уполномоченные или органы публичнаго коллективнаго лица, но въ дѣйствительности выражаютъ свою индивидуальную волю ³⁾. Если Бертелеми полагаетъ, что актъ дѣйствительно исходитъ отъ индивидуальной воли агента, какъ же можетъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавать, что нѣкоторые агенты сообщаютъ своимъ актамъ особый характеръ? На томъ основаніи, что законъ присваиваетъ имъ эту компетенцію,—отвѣтить мнѣ онъ. Да, это такъ, но законъ не можетъ измѣнить характера чьей-либо воли и сдѣлать, чтобы индивидуальная воля не была индивидуальной и стала болѣе высокой, чѣмъ всякая другая воля.

¹⁾ Считаю своимъ долгомъ упомянуть, что первый, кто сталъ утверждать, что административный актъ есть актъ юридическій и, какъ таковой, относится къ праву, былъ Ориу, ученый деканъ юридическаго факультета въ Тулузѣ. См. шесть изданій Précis de droit administratif.

²⁾ Droit administratif, 5-ое изд. 1908, стр. 42.

³⁾ Droit administratif, стр. 42, а также Préface во франц. изд. «Droit administratif» Otto Mayer'a, 1903.

Я очень хорошо понимаю, когда говорятъ: административный актъ носить особый характеръ потому, что чрезъ посредство агента онъ исходитъ отъ коллективной личности, воля которой по своей природѣ выше индивидуальныхъ волей. Это ложно; это—чистая фикція; но это логично. Но я не понимаю, когда говорятъ, какъ Бертелеми: государство, являющееся публичной властью, не есть личность; административные акты исходятъ отъ индивидуальной воли агентовъ, даже и причисленные къ актамъ власти; и однако, эти послѣдніе имѣютъ особую силу и значеніе, котораго не могутъ имѣть акты, исходящіе отъ частной воли. Въ этомъ—явное противорѣчіе.

Кромѣ того, предполагая существованіе актовъ власти, впадаютъ въ порочный логическій кругъ, такъ какъ непонятно, какимъ образомъ эти акты могутъ быть произведены обыкновенными частными лицами. Въ самомъ дѣлѣ, если существуютъ нѣкоторые акты, которые, какъ намъ кажется, могутъ быть совершены лишь агентами государства, то только потому, что они относятся къ такой дѣятельности, которую въ данное время и въ данной странѣ государство сдѣлало своей монополіей. Только эта монополія заставляетъ насъ придавать упомянутымъ актамъ особый характеръ. Въ дѣйствительности же они не имѣютъ ничего specialнаго, ихъ могли бы совершать и не агенты государства; нѣкоторымъ эпохамъ это извѣстно. Въ качествѣ примѣра указываютъ на дѣйствія полиціи, будто бы обязательно относящіяся къ проявленію государственной власти, такъ какъ не допускаютъ, чтобы такія дѣйствія могли производиться частными лицами. Это не точно. Не имѣется препятствій къ тому, чтобы дѣйствія полиціи осуществлялись частными ассоціаціями, и такъ иногда и бывало. Все, кто читалъ Донъ-Кихота, помнятъ столкновенія рыцаря Ламанческаго со Св. Германдадой, частной ассоціаціей, отправлявшей полицейскую службу въ испанскихъ деревняхъ. Въ настоящее время государство уже давно монополизировало полицейскія функціи, и такъ какъ эта монополія древняго происхожденія, то намъ и кажется, что только государство способно выполнять ихъ.

Другой примѣръ: по мнѣнію Бертелеми, юрисдикція есть осуществленіе государственной власти, такъ какъ нельзя допустить, чтобы частныя лица могли совершать такого рода акты. Это также не точно. Ничто не препятствуетъ, чтобы дѣло правосудія выполняли частныя судьи. Частная юстиція была нѣкоторое время мечтою конвента, несмотря на его авторитарные принципы. Многіе писатели полагаютъ, что почти всюду режимъ частной юстиціи предшествовалъ режиму публичной юстиціи.

Лишь объ одной категоріи актовъ можно сказать, что они могутъ быть совершаемы только правящими лицами или отъ ихъ имени: это—тѣ, которые заключаютъ въ себѣ примѣненіе матеріальной силы, превышающей всякую другую матеріальную силу данной страны. Это—простые исполнительные акты, юридическаго характера которыхъ никто не ищетъ. Я думаю, никто не спроситъ, каковъ юридическій характеръ акта палача, снимающаго голову. Различіе между правящими и управляемыми есть фактъ наибольшей силы. Правящими являются тѣ, которые монополизуютъ силу въ странѣ. Только они могутъ совершать акты, состоящіе въ употребленіи принудительной силы, способной преодолѣть всякое сопротивленіе. Но это не даетъ произведенному акту specialнаго юридическаго характера. Это чисто матеріальный актъ; это—сила, сокрушающая силу; это—не воля, дѣлающая себя обязательной для всякой другой воли благодаря своей юридической власти.

Въ дѣйствительности, разница между актами исполненія и актами власти сводится къ простому различію одностороннихъ и договорныхъ

актовъ. Объявленіе воли, производить правовой эффектъ только тогда, когда оно соединяетъ въ себѣ указанная выше условія, независимо отъ того, будетъ ли воля односторонней или договорной. Даже объявленіе односторонней воли частнаго лица можетъ вызвать правовой результатъ. Понемногу исчезаетъ старое мѣтнѣе ортодоксальныхъ юристовъ, что только договоръ можетъ дать начало правовому положенію. Долгое время думали, что власть создать правовое положеніе одностороннимъ актомъ составляетъ привилегію государственной власти; вотъ почему односторонніе акты, совершенные агентами государства, получили названіе актовъ власти. Но и частныя лица могутъ создать правовое положеніе одностороннимъ актомъ. Итакъ, не слѣдуетъ дѣлать различіе: будетъ ли актъ агента государства одностороннимъ или договорнымъ, онъ имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и актъ частнаго лица; онъ создаетъ тѣ же правовые эффекты и при тѣхъ же условіяхъ ¹⁾.

Остается узнать, когда агентъ выбираетъ для своихъ дѣйствій односторонній актъ и когда договорный. На этотъ вопросъ невозможно дать общій отвѣтъ. Нѣтъ государственной функціи, которая не могла бы быть исполнена или тѣмъ или другимъ способомъ. Все зависитъ отъ фактовъ, отъ состоянія общества, отъ господствующихъ въ данное время идей о

¹⁾ Умаленіе роли договора въ общественныхъ отношеніяхъ представляется мнѣ неоспоримымъ фактомъ; это является слѣдствіемъ все сильнѣе проявляющагося сознанія социальной взаимозависимости. Въ общественной системѣ, основанной на субъективномъ правѣ, присвоенномъ самой человѣческой личности, объемъ юридической сферы каждаго индивида не можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ безъ его собственнаго согласія, и слѣдовательно, юридическое положеніе можетъ возникнуть только съ взаимнаго согласія активнаго и пассивнаго субъектовъ этого положенія. Только высшая воля, воля государства, можетъ одностороннимъ актомъ изменить юридическую сферу даннаго лица. Но по мѣрѣ того, какъ понятіе субъективнаго права исчезаетъ и замѣняется понятіемъ объективнаго права, основаннаго на социальной взаимозависимости, положеніе вещей измѣняется. Нѣтъ больше вопроса о юридической сферѣ человѣческой личности; актъ индивидуальной воли производить правовой эффектъ тогда, когда это—соціальный актъ, другими словами, когда своею цѣлью и результатомъ онъ имѣетъ содѣйствіе социальной взаимозависимости, а этотъ характеръ акта совершенно не зависитъ отъ того, является ли онъ одностороннимъ или договорнымъ. Всегда допускали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ односторонняя воля можетъ порождать обязательства между частными лицами; это объясняли фикціей; говорили, что обязательство рождалось какъ бы изъ договора. Этотъ старыя пріемы объясненія при помощи фикціи въ настоящее время не принимаются: обязательство возникаетъ потому, что объявленіе воли, хотя и одностороннее, соединяетъ въ себѣ всѣ условія юридическаго акта; оно возникаетъ каждый разъ, какъ это имѣетъ мѣсто. Поэтому и только поэтому обязательство возникаетъ изъ одностороннихъ актовъ, совершенныхъ государственными агентами, и все чаще и чаще возникаетъ изъ одностороннихъ актовъ, исходящихъ просто отъ частныхъ лицъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что, вслѣдствіе печальной неточности языка, часто говорятъ о договорѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ договора, какъ, напримѣръ, въ актахъ, неправильно именуемыхъ договорами ассоціаціи, договорами присоединенія, коллективными договорами. Ср. мой *Manuel*, стр. 236, и также *L'Etat, le droit objectif*, стр. 53.—См. также Оріу, *Droit administratif*, 6-е изд., 1907, стр. 23, § подъ заглавіемъ: *L'institution, le contrat et le commerce juridique*. Онъ вполнѣ справедливо отличаетъ отъ договора „присоединеніе къ факту, которое имѣетъ мѣсто во всѣхъ случаяхъ согласія принять назначеніе“ (стр. 23 и 552). Я читалъ и перечитывалъ теорію учрежденій моего ученаго друга, вложившую въ послѣднемъ изданіи его *Précis*. Въ концѣ концовъ я думаю, что она очень близка къ различію, которое я намѣтилъ уже въ 1901 году (*L'Etat, le droit objectif*, стр. 140 и 196), между положеніями объективнаго права и положеніями субъективнаго права. Если учрежденіе пріобрѣтаетъ въ настоящее время важнѣе значеніе, какъ вѣрно думаетъ Оріу, то въ этомъ можно видѣть результатъ прогрессивной замѣны субъективнаго права правомъ объективнымъ.

роли правящихъ и съ ихъ образъ дѣйствія. Одно несомнѣнно, что въ настоящее время наблюдается общая тенденція уменьшить примѣненіе договора. Многіе акты, еще недавно относившіеся къ числу договоровъ, стали теперь односторонними. Для примѣра сошлюсь только на назначеніе чиновниковъ¹⁾, концессіи на общественныя предпріятія²⁾, въ которыхъ все чаще видятъ односторонніе акты, а не договоры.

Нѣкоторые авторы говорятъ, что односторонній актъ отличается отъ договора въ томъ отношеніи, что договоръ налагаетъ на администрацію извѣстную обязанность, тогда какъ односторонній актъ нисколько ее не обязываетъ и всегда можетъ быть ею взятъ обратно³⁾. Я считаю такое мнѣніе ошибкой, противъ которой протестую. Разумѣется, нѣкоторые односторонніе акты могутъ быть взяты обратно такъ же, какъ дѣйствіе нѣкоторыхъ договорныхъ актовъ можетъ быть прекращено волею одной изъ сторонъ. Но это не служить доказательствомъ того, что односторонній актъ не можетъ обязывать администрацію. Односторонній актъ создаетъ связывающее правовое положеніе, какъ и договорный актъ, что является результатомъ изучаемаго нами политическаго преобразованія. Напр., изъ того, что назначеніе чиновниковъ и концессіи на общественныя предпріятія суть акты односторонніе, не слѣдуетъ, что для администраціи не существуетъ обязанностей по отношенію къ назначенному чиновнику или концессіонеру. Судебная практика государственнаго совѣта каждый день признаетъ эти обязанности. Говорить, что только договоръ обязываетъ администрацію, значитъ сохранять абсолютистское пониманіе власти, значитъ говорить, что государство выше права, значитъ не признавать выработаннаго современнымъ сознаніемъ взгляда на административный актъ какъ на актъ, подчиненный условіямъ всякаго юридическаго акта⁴⁾.

Однако, это вызываетъ возраженіе, которое, на первый взглядъ, можетъ казаться солиднымъ. Какимъ образомъ, говорятъ намъ ортодоксальные юристы, вы можете говорить объ обязанности государства, если вы отрицаете его личность? Если нѣтъ лица, субъекта обязанности, то нѣтъ и самой обязанности. Это возраженіе имѣетъ общій характеръ и затрагиваетъ обширную проблему о субъектѣ права, которую я не желаю сейчасъ разбирать⁵⁾. Но, оставаясь въ частной области административнаго акта, легко отвести возраженіе: достаточно показать, какъ въ дѣйствительности возникаютъ обязанности администраціи изъ административнаго акта. Когда говорятъ, что администрація и государство обязаны, это не значитъ, что существуетъ обязанность этого мнимаго коллективнаго лица-государства, какъ схоластически воображаютъ юристы; это значитъ только, что государственные агенты, т. е. конкретныя и реальныя существа, обязаны или воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій или предоставить что-нибудь. Когда, напр., говорятъ, что государство не можетъ отставить чиновника, не можетъ взять обратно концессію, то въ дѣйствительности, если отвергнуть всякія фикціи, это означаетъ только, что ни одинъ агентъ государства не компетентенъ отставить чиновника или отнять концессію, и всякій подобный актъ былъ бы ничтожнымъ и могъ бы вызвать отвѣтственность. Даже денежный долгъ не предполагаетъ существованія патримоніальной личности государства. Когда говорятъ о долгѣ государства на извѣстную

¹⁾ Ср. мой Manuel, стр. 428 и слѣд.

²⁾ Ср. Jèze, Revue du droit public, 1907, стр. 679, по поводу рѣшенія Deplanque, 31 мая 1907; мою статью тамъ же, 1907, стр. 411; и Hauriou, Droit administratif, 6-е изд., 1907, стр. 694.

³⁾ См. особенно Hauriou, Droit administratif, 5-ое изд., 1903, стр. 557, зам. 1.

⁴⁾ Ср. мой Manuel, стр. 236.

⁵⁾ См. уже цитированную книгу Michoud, Théorie de la personnalité morale, 1906.

сумму, это просто значить, что компетентные агенты обязаны выдать такому-то лицу приказъ объ уплатѣ этой суммы изъ государственныхъ средствъ, и что завѣдующій государственной кассой обязанъ произвести эту уплату. Вотъ факты; они очень просты, и я не знаю, почему усиленно стремятся ввести ихъ въ узкія и гнилыя рамки старой юридической техники.

VII.

Отвѣтственность государства.

Эти обязательства особенно ярко проявляются въ такъ называемой отвѣтственности государства, для которой вырабатывается государственнымъ совѣтомъ на нашихъ глазахъ новое право, оставляющее далеко за собой столь прославленное созданіе римскаго претора. Остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе; въ самомъ дѣлѣ, эта судебная практика является достойнымъ вниманія симптомомъ преобразования, совершающагося въ понятіи государства.

Всецѣло проникнутые старымъ пониманіемъ власти, наши юристы еще недавно утверждали, какъ непреложный догматъ, безответственность государства, какъ публичной власти. По ихъ мнѣнію, государство есть сверхъестественное существо; оно можетъ ошибаться и совершать ошибки, но не подлежитъ никакой отвѣтственности. Государственная власть не можетъ подчиняться великому закону отвѣтственности; она — выше его; онъ созданъ не для нея.

Бертелеми въ послѣднемъ изданіи своего *Traité de droit administratif* (1908) говоритъ еще о безответственности государственной администраціи за акты власти. Онъ пишетъ: „Отвѣтственность администраціи за акты власти чиновниковъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, — что, впрочемъ, бываетъ часто, — когда законъ предвидѣлъ и организовалъ эту отвѣтственность“¹⁾.

Исключеніе юристы дѣлали лишь для того случая, когда происходила, если и не экспроприація въ собственномъ смыслѣ слова, то перемѣщеніе имущества изъ частнаго достоянія въ общее пользованіе. Но отвѣтственность государства основывали здѣсь уже не на идеѣ общей отвѣтственности государства за дѣйствія по осуществленію публичной власти, а на ненарушимости права собственности, освященной 17-й статьѣй Деклараціи правъ²⁾.

Въ настоящее время юриспруденціей все болѣе и болѣе утверждается общій принципъ отвѣтственности государства. Эту отвѣтственность признають въ тѣхъ съ каждымъ днемъ учащающихся случаяхъ, относительно которыхъ сторонники классическаго пониманія государственной власти не могутъ отрицать, что государство дѣйствуетъ въ нихъ, какъ власть. И, сохраняя освященное временемъ выраженіе „государственная власть“ въ дѣйствительности такъ примѣняютъ его, что въ сущности отрицаютъ его. Что бы ни говорилъ Бертелеми, далеко уже то время, когда отвѣтственность государства, какъ власти, признавали только тамъ, гдѣ она указывалась закономъ, напр., въ случаѣ экспроприацій, военныхъ реквизицій, судебныхъ ошибокъ по закону 1895 г. о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ, или въ случаѣ перемѣщенія какой-либо дѣльности изъ частнаго обладанія въ общественное. Государственный совѣтъ не колеблется при-

¹⁾ Стр. 77.

²⁾ Такая идея давно уже выражается въ многочисленныхъ рѣшеніяхъ государственнаго совѣта о вознагражденіи за убытки, причиненные собственностью исполненіемъ общественныхъ работъ. Ср. Naurion, loc. cit., стр. 668.

знать государство отвѣтственнымъ почти во всѣхъ областяхъ его дѣятельности. Оно отвѣтственно, наиримѣрь, за непринятіе полицейскихъ мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія безопасности навигаціи ¹⁾, для охраненія людей и вещей, если полицейскія мѣры неправильны или недостаточны ²⁾, если оно крайне необдуманно приступаетъ къ предварительному исполненію ³⁾. Кромѣ того, вы должны быть знакомы съ замѣчательными заключеніями правительственнаго комиссара Тейссье, послѣ которыхъ въ дѣлѣ Леберра государственнй совѣтъ призналъ отвѣтственность государства въ случаѣ незаконнаго или даже просто несправедливаго увольненія чиновника ⁴⁾.

¹⁾ Два рѣшенія государственнаго совѣта (22 марта 1907, Recueil, стр. 292, Fournier et Desplanches) постановляютъ, что государство должно отвѣчать за гибель грузового судна и смерть матросовъ, бывшихъ на немъ, явившіяся результатомъ столкновенія въ каналѣ Жиронды съ затопленнымъ на основаніи ст. 216 торговаго кодекса кораблемъ и, по небрежности администраціи, неосвѣщеннымъ.

²⁾ Чтобы установить, что судебная практика государственнаго совѣта соответствуетъ началу безотвѣтственности государства за акты власти, Бертелемъ цитируетъ рѣшеніе по дѣлу Leroux, 13 января 1900 г., гдѣ сказано: „Принимая во вниманіе, что государство, какъ публичная власть и, въ частности, въ отношеніи полицейскихъ мѣръ, не отвѣтственно за небрежность своихъ агентовъ...“ Съ 1899 г. государственнй совѣтъ измѣнилъ эту практику. Примѣчаніе Oriu, опубликованное подъ этимъ рѣшеніемъ (S., 1900, III, стр. 1) оказало влияние на это измѣненіе. Въ тождественномъ съ дѣломъ Leroux случаѣ государственнй совѣтъ (рѣшеніе по дѣлу Thomaso Grecco, 10 февраля 1905, Recueil, стр. 139) призналъ принципъ отвѣтственности государства при непринятіи полицейскими агентами надлежащихъ мѣръ для обезпеченія безопасности лицъ (ср. замѣчательныя заключенія Ромье, Recueil, 1905, стр. 139 и примѣчаніе Oriu къ рѣшенію S., 1905, III, стр. 113). Ср. два рѣшенія 22 марта 1907 г. (см. предшествующее примѣчаніе), въ которыхъ признается отвѣтственность государства въ области полиціи судоходства. Такимъ образомъ, можно считать, что отвѣтственность за ущербъ, причиненный частнымъ лицамъ вслѣдствіе небрежности или неосторожности агентовъ въ полицейскомъ отношеніи судебной практикой уже установлена. Нельзя противопоставлять этому рѣшенію по дѣлу Ginète 5 февраля 1904 г. (Recueil, стр. 88), которое относится предшествуетъ по времени вышеприведеннымъ рѣшеніямъ и мотивировано только соображеніями факта.

³⁾ Въ рѣшеніи по дѣлу Zimmermann, 27 февраля 1903, Recueil, стр. 178 говорится: „Принимая во вниманіе, что хотя префектъ и осуществлялъ право, предоставленное ему ст. 69 закона 22 іюля 1889 г., онъ могъ примѣнять его только за страхъ и рискъ администраціи“. См. интересное примѣчаніе Oriu къ рѣшенію S., 1905, III, стр. 17, и въ Recueil заключенія правительственнаго комиссара Ромье.

⁴⁾ Въ виду замѣчательныхъ заключеній Тейссье, государственнй совѣтъ въ рѣшеніи по дѣлу Leberre (29 мая 1903, Recueil, стр. 414) призналъ, что унтеръ-офицеръ, два раза лишенный чина, вопреки законамъ 23 іюля 1881 г. и 18 марта 1882 г., имѣетъ право на полученіе отъ государства денежнаго вознагражденія за причиненный ему моральный и матеріальный ущербъ. Въ настоящее время государственнй совѣтъ рѣшилъ, что муниципальные чиновники, даже правильно смѣщенные, могутъ, если только они не обвиняются въ правонарушеніи, требовать вознагражденія за отставку. Эта практика, только начатая рѣшеніемъ по дѣлу Вильнава противъ города Алжира, 11 декабря 1903 г. (Recueil, стр. 767 и S., 1904, III, стр. 121, примѣчаніе Oriu), была вновь подтверждена въ рѣшеніи по дѣлу Лякурта противъ города Като, 15 февраля 1907 г. (Recueil, стр. 156). Увольненіе правильно, но государственнй совѣтъ присудилъ къ вознагражденію, „принимая во вниманіе, что увольненіе при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно провазведено, причинило Лякурту ущербъ, возмѣщенія котораго онъ можетъ требовать“. Безъ сомнѣнія, государственнй совѣтъ не распространяетъ этой практики на государственныхъ чиновниковъ, увольняемыхъ безъ основанія. Ср. замѣчаніе Jèze, Revue du droit public, 1907, стр. 236. Объ отвѣтственности государства въ случаѣ осуществленія государственной власти ср. Tisier, Répert. droit admin... Responsabilité, издано отдѣльной книгой; Tirard, La responsabilité de la puissance publique, 1906.

Это не все. Безответственность государства казалась неоспоримой, когда оно действовало при помощи регламентарного акта, потому что, как говорят одни, в этом случае суверенитет проявлялся в высшей степени ¹⁾ (здесь, впрочем, имется противорѣчіе: если суверенитет— абсолютное право, то онъ не можетъ ни уменьшаться, ни увеличиваться въ размѣрахъ). Другіе говорятъ (и я самъ въ этомъ смыслѣ писалъ ²⁾), что государство безответственно, такъ какъ регламентъ есть предписаніе общаго характера, и государство не вступаетъ здѣсь въ отношенія, или въ „юридическій оборотъ“ по словамъ Оріу, съ опредѣленными лицами, въ виду чего не можетъ и отвѣчать предъ кѣмъ бы то ни было. Но даже эта безответственность государства, действующаго регламентарно, въ скоромъ времени должна исчезнуть. Въ весьма важномъ рѣшеніи отъ 6 декабря 1907 г., принятомъ послѣ заключеній правительственнаго комиссара Тардье и доклада совѣтника Ромье, государственный совѣтъ, послѣ любопытныхъ соображеній, призналъ ответственность государства и по поводу изданнаго имъ регламента, когда примѣненіе этого акта непосредственно увеличиваетъ повинности, лежація на опредѣленномъ имуществѣ ³⁾.

Дѣло шло о регламентѣ публичной администраціи отъ 1 марта 1901 г., значительно увеличившемъ повинности желѣзнодорожныхъ компаній сравнительно съ тѣми повинностями, какія лежали на нихъ по указу 15 ноября 1846 г. и по ихъ подряднымъ записямъ. Крупныя компаніи обжаловали этотъ регламентъ въ виду превышенія власти; такое обжалованіе было признано приемлемымъ, но малообоснованнымъ ⁴⁾. Однако, въ мотивахъ государственный совѣтъ заявляетъ, что если компаніи докажутъ, что новый регламентъ, изданный государствомъ въ полномѣ своихъ правъ, или, правильнѣе, регламентъ, надлежаще изданный компетентными агентами, увеличиваетъ ихъ обязанности, принятыя по подряднымъ условіямъ, то компаніи въ правѣ получить отъ суда, т. е. отъ совѣта префектуры, вознагражденіе по договору. Отсюда далеко до стараго понятія безответственной государственной власти, такъ какъ эту ответственность признаютъ вслѣдствіе регламента государственной администраціи, объявленнаго законнымъ, изданнаго, какъ полагаютъ, по порученію парламента и являющагося такимъ образомъ несомнѣннымъ проявленіемъ суверенитета. Развѣ не отрицается этимъ *imperium*?

Пожалуй, кто-нибудь скажетъ: государственный совѣтъ признаетъ въ данномъ случаѣ государство ответственнымъ на томъ основаніи что имѣется нарушеніе договора, связывающаго государство. Безъ сомнѣнія, высшее судилище имѣло это въ виду. Но если бы здѣсь было въ дѣйствительности нарушеніе договора, то регламентъ былъ бы ничтожнымъ, и совѣтъ долженъ былъ бы открыто признать его таковымъ, а не признавать дѣйствительность регламента и принципъ возмѣщенія убытковъ. Истина заключается въ томъ, что положеніе концессионныхъ компаній покоится на регламентѣ, измѣнить который правительство можетъ въ любой моментъ. Но если новый текстъ увеличиваетъ въ общихъ интересахъ повинности концессионера, то государственная казна должна вознаградить его за убытки.

¹⁾ Teissier, заключенія по дѣлу Leberre, 29 мая 1903. Recueil, стр. 415.

²⁾ Manuel, стр. 667.

³⁾ См. текстъ рѣшенія и заключенія Tardieu, S., 1908, III, стр. 1; примѣчаніе Jéze, Revue du droit public, 1908, № I, стр. 38 и сл.

⁴⁾ Ср. Manuel, стр. 1023 и сл.

VIII.

Отвѣтственность государства.

(Продолженіе).

Пойдутъ ли еще дальше? Придутъ ли къ признанію отвѣтственности государства въ дѣлѣ законодательства въ собственномъ смыслѣ слова? Въ настоящее время этотъ вопросъ служитъ поводомъ къ конфликту между палатой депутатовъ и сенатомъ, выразившемуся при разсмотрѣніи ими законопроекта о запрещеніи употреблять свинцовыя бѣлила для внутреннихъ малярныхъ работъ. Сенатъ въ переданный ему изъ палаты послѣ голосованія законопроектъ внесъ принципъ вознагражденія фабрикантовъ бѣлилъ. Палата отвергла этотъ принципъ, и въ настоящее время этотъ вопросъ снова разсматривается въ верхней палатѣ ¹⁾. Слѣдуетъ, однако, поставить вопросъ въ общей формѣ и спросить: если законодатель издаетъ законъ, примѣненіе котораго причинитъ ущербъ нѣкоторымъ лицамъ, то обязываетъ ли его правовая норма внести въ законъ принципъ вознагражденія ихъ.

Я, не колеблясь, отвѣчаю: нѣтъ; и этотъ отвѣтъ является логическимъ выводомъ изъ пониманія нами природы закона. Я считаю законъ констатированіемъ объективнаго права, формулированіемъ или примѣненіемъ нормы права. Если бы законодатель вознаграждалъ тѣхъ, кто вслѣдствіе изданія закона понесъ ущербъ, онъ призналъ бы, что изданный имъ законъ не формулируетъ права и даже для нѣкоторыхъ противорѣчитъ праву. А это противорѣчитъ самому понятію закона ²⁾.

Есть случаи, гдѣ это рѣшеніе очевидно. Если предположить, напр., что въ такой странѣ, какъ Англія, которая не облагаетъ наказаніемъ укрывательство краденаго, будетъ изданъ новый законъ, карающій за это, то, я думаю, никто не рѣшится утверждать, что лица или общества, организовавшія въ Лондонѣ открыто дома для укрывательства, имѣютъ право на признаніе новымъ закономъ вознагражденія ихъ за убытки. Если, затѣмъ, научно установлено, что употребленіе свинцовыхъ бѣлилъ для работъ въ закрытомъ помѣщеніи губить рабочихъ, то фабриканты этого вещества не могутъ требовать вознагражденія, такъ какъ законодатель лишь устанавливаетъ норму, согласную съ правомъ, запрещая употребленіе ядовитаго продукта. Точно такъ же, если въ одинъ день — я думаю, это будетъ скоро ³⁾ — законъ запретитъ производство и продажу абсента во Франціи, то фабриканты этого яда не смогутъ рассчитывать на вознагражденіе ⁴⁾: они — общественные отравители и вполне справедливо запретить преступную промышленность ихъ.

¹⁾ Вивіани, министръ труда, просилъ сенатскую комиссію содѣйствовать тому, чтобы сенатъ уступилъ и отвергнулъ, подобно палатѣ, принципъ вознагражденія. Онъ настаивалъ на томъ соображеніи, что законопроектъ не включаетъ въ себѣ экспроприація, такъ какъ запрещаетъ употребленіе свинцовыхъ бѣлилъ только для внутреннихъ работъ. Онъ обратилъ вниманіе на прецедентъ съ закономъ о сахаринѣ (L. 30 марта 1902, ст. 49) (Le Matin, 11 февр. 1907). 7-го апрѣля докладчикъ Педобиду въ своемъ докладѣ сенату настоятельно предложилъ сохранить проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ вотированъ уже верхней палатой, т. е. съ вознагражденіемъ фабрикантовъ (Le Matin, 8 апрѣля 1903 года).

²⁾ Ср. Barthélemy, Revue du droit public, 1907, стр. 92; мой Manuel, стр. 667 и 1113, противъ вознагражденія.

³⁾ Matin отъ 25 марта 1908 г. сообщаетъ, что Беранже полдерживалъ въ сенатской группѣ противниковъ алкоголя предложеніе Ламарцеля внести законопроектъ о запрещеніи продажи абсента. Группа одобрила эту мѣру.

⁴⁾ Однако, въ Швейцаріи комиссія національнаго совѣта по поводу слѣ-

Такимъ образомъ, я вполне одобряю Вивіани, министра труда, когда онъ побуждалъ комиссію сената предложить высокому собранію принять рѣшеніе нижней палаты и отвергнуть принципъ вознагражденія.

Возникаетъ и другой вопросъ, отличный отъ предыдущаго. Законъ, какъ таковой, ни для кого не создаетъ спеціально ущерба, онъ только уполномачиваетъ административную власть принять нѣкоторыя индивидуальныя мѣры по своему усмотрѣнію. Если, допустимъ, законъ не говоритъ о вознагражденіи, то можно ли, при такихъ условіяхъ, присуждать вознагражденіе тѣмъ, кто несетъ извѣстный ущербъ вслѣдствіе индивидуальнаго примѣненія къ нему закона по административному рѣшенію? Если принять идею, вдохновляющую государственный совѣтъ въ вышеупомянутомъ постановленіи его о желѣзнодорожныхъ компанияхъ (6 декабря 1907 г.), то я не вижу основаній, по которымъ суды откажутъ въ вознагражденіи. Признаютъ же государство отвѣтственнымъ за ущербъ, причиненный индивидуальнымъ примѣненіемъ регламента. Почему не быть тому же и для индивидуальнаго примѣненія закона? Нельзя сказать, что законъ есть болѣе совершенное выраженіе суверенитета, чѣмъ регламентъ, такъ какъ суверенитетъ не можетъ имѣть степеней, а мы кромѣ того и не признаемъ его ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ говорить объ отвѣтственности государства невозможно, если законъ уполномочилъ правительство закрыть въ видѣ индивидуальной мѣры нѣкоторыя заведенія въ виду вредности вырабатываемыхъ ими продуктовъ, напр., заведенія, занимающіяся производствомъ абсента. Владѣльцы закрытыхъ фабрикъ такъ же не могли бы требовать возмѣщенія убытковъ, какъ и сутенеры или апаша, если бы новый законъ разрѣшилъ арестовывать ихъ въ административномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ римское, королевское и яkobинское понятіе государства, принципъ отвѣтственности государства утверждается еще энергичнѣе, и область ея расширяется. Но не скажутъ ли мнѣ: признать отвѣтственность государства—значитъ признать его личность, такъ какъ отвѣтственность предполагаетъ обязанность и вину; государство можетъ быть обязаннымъ только какъ лицо и быть виновнымъ также какъ лицо?

Это возраженіе, кажущееся съ перваго взгляда серьезнымъ, неосновательно. Я не имѣю въ виду подробно обосновывать отвѣтственность государства, что завело бы насъ слишкомъ далеко. Но нетрудно въ нѣсколькихъ словахъ показать, что то, что мы называемъ отвѣтственностью, вовсе не предполагаетъ личности государства.

Эта отвѣтственность не всегда связана съ однимъ и тѣмъ же принципомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніемъ для нея служитъ необходимость возмѣстить, изъ коллективнаго фонда, частный ущербъ, понесенный индивидомъ въ коллективномъ интересѣ. Въ такомъ случаѣ отвѣтственность основывается единственно на рискѣ: государственная

ланнаго предложенія о запрещеніи абсента постановила предложить національному совѣту отвергнуть это предложеніе: она единодушно полагала, что въ случаѣ объявленія производства абсента запрещеннымъ слѣдуетъ дать фабрикантамъ справедливое вознагражденіе. (Le Journal de Genève, 25 марта 1908 г., 1-ое изд.). Федеральнй совѣтъ постановилъ назначить на 5-е іюля 1908 г. народное голосованіе по вопросу о запрещеніи абсента въ Швейцаріи.

¹⁾ Повтому законъ 14 марта 1904 года, касающійся конторъ для найма прислуги, совершенно правильно разрѣшаетъ выдавать держателямъ конторъ, уничтоженныхъ въ административномъ порядкѣ, справедливое вознагражденіе (ст. 1). Я нахожу, что если бы даже принципъ вознагражденія не былъ предусмотрѣнъ закономъ, судъ присуждалъ бы такое въполнѣ законно.

казна есть касса взаимнаго страхованія индивидовъ отъ убытковъ, понесенныхъ ими въ общественномъ интересѣ. Это бываетъ всякій разъ, когда государство отвѣтственно при полномъ отсутствіи нарушенія права или какой-либо неправильности, какъ, напр., въ случаѣ экспроприаціи, реквизиціи или убытковъ, причиненныхъ общественными работами.

Въ другихъ случаяхъ наоборотъ: государственный механизмъ функционировалъ плохо; былъ нарушенъ законъ о государственной службѣ, была ошибка, и поэтому государство отвѣтственно. Но ошибка совершена чиновникомъ, а не государствомъ, простой абстракціей. Если говорить о винѣ государства, то лишь метафорически ¹⁾. Чтобы утверждать, что само государство можетъ быть виновнымъ, нужно вернуться къ метафизическимъ доктринамъ коллективной личности, національной души, доктринамъ, мною уже справедливо оцѣненнымъ. Фактъ тотъ, что вину совершили люди, агенты государственной службы. А если такъ, то возникаетъ вопросъ, чье имущество въ послѣднемъ счетѣ будетъ нести послѣдствія этой вины. Если это—только личная вина чиновника ²⁾, т. е. если онъ дѣйствовалъ для цѣли, чуждой функционированію государственной службы, то возмѣщеніе ущерба будетъ отнесено на собственное имущество его. Если же, напротивъ, здѣсь имѣется служебная вина, т. е. если чиновникъ, совершая ее, дѣйствовалъ для обезпеченія служебныхъ цѣлей, то вознагражденіе пострадавшаго должно быть взято изъ государственной казны. Оріу говорить, что въ данномъ случаѣ государство отвѣчаетъ за вину ³⁾. Здѣсь нужно объясниться. Государство не отвѣтственно за вину, которой оно не можетъ совершить уже на томъ основаніи, что не является личностью. Но коллективная казна обезпечиваетъ управляемому возмѣщеніе ущерба, причиняемаго ему при плохомъ функционированіи государственной службы виною одного или нѣсколькихъ чиновниковъ. Это обезпеченіе носитъ правовой характеръ, такъ какъ государственная служба установлена въ коллективномъ интересѣ.

Такимъ образомъ, эти новыя понятія закона, отрицательныхъ и положительныхъ обязанностей правящихъ лицъ, административнаго акта, отвѣтственности государства показываютъ намъ, какъ вырабатывается новый политическій строй, изъ котораго будутъ окончательно изгнаны метафизическія концепціи личности и суверенитета, ничтожность и опасность которыхъ я стремился доказать.

Мнѣ остается еще изучить второй элементъ политическаго преобразования: децентрализацію, или синдикалистскій федерализмъ. Это составитъ содержаніе моей послѣдней лекціи.

¹⁾ Кто желаетъ получить отчетливое представленіе объ искусственныхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ приводитъ юридическая схоластика, дорогая нѣкоторымъ юристамъ, пусть прочтеть интересную книгу М. Mestre, *Les personnes morales et le principe de leur responsabilité morale*, 1899.

²⁾ Объ опредѣленіи личной ошибки см. *Libres entretiens*, мартъ 1908, и мою книгу *L'Etat, les gouvernements*, 1903, стр. 773, и *Manuel*, стр. 457 и слѣд.

³⁾ Примѣчаніе къ рѣшенію по дѣлу Tomaso Grecco, 10 февраля 1905 г., S. III, стр. 113. Ср. *Manuel*, стр. 670.

Третья лекція.

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Въ то время, какъ центральное правительство преобразовывается и организуется на основѣ объективнаго права, возникаетъ другое общественное явленіе большой важности, которое я называю децентрализацией, или синдикалистскимъ федерализмомъ. Различные социальныя классы начинаютъ сознавать и свою автономію и свою взаимозависимость. Въ синдикализмъ они получаютъ опредѣленную юридическую структуру, они даже стремятся захватить управленіе общественнымъ трудомъ, который фактически лежитъ на нихъ; они ограничиваютъ дѣйствія центральнаго правительства, предполагая въ будущемъ, — быть можетъ, близкомъ, — отвести ему простую роль контроля и надзора. Я убѣжденъ, такимъ образомъ, что синдикалистское движеніе послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода смуты и, можетъ быть, насилій сможетъ дать будущему политическому и экономическому обществу сцѣпленіе и цѣлостность, которыхъ наше французское общество уже не знаетъ цѣлыя вѣка.

I.

Критика революціоннаго синдикализма.

Мнѣ хотѣлось бы, прежде всего, избѣжать недоразумѣнія. Существуетъ громкая школа, назвавшая себя школою революціоннаго синдикализма; она имѣетъ свой органъ въ лицѣ журнала „Le Mouvement socialiste“, гдѣ пишутъ такіе выдающіеся люди, какъ Лягардель, Жоржъ Сорель и Эдуардъ Берть, котораго я уже цитировалъ. Никто лучше послѣдняго не показалъ разложеніе стараго государства и чрезвычайную важность современнаго синдикалистскаго движенія. Одна ассоціація, производящая шумъ, Всеобщая Конфедерація Труда, со своей газетой „La Voix du Peuple“, желаетъ теперь же осуществить доктрину революціоннаго синдикализма и выдаетъ себя за уже сформировавшійся существенный органъ новаго общества, построеннаго на принципѣ синдикализма ¹⁾.

Я совершенно вѣрю въ глубину и важность синдикалистскаго движенія, но долженъ указать, въ какихъ опредѣленныхъ пунктахъ я энергично отрицаю ученіе революціоннаго синдикализма.

Прежде всего я со всей энергіей отвергаю то, что революціонные синдикалисты, съ Жоржемъ Сорелемъ во главѣ, торжественно и шумно

1) Ср. P o u j e t, La Confédération générale du travail, 1908; L a g a r d e l l e, Mouvement socialiste, 3-e série, I, стр. 46, 1907, резюме доктринъ революціоннаго синдикалистской школы; Id., Le syndicalisme, въ Documents du progrès, апрѣль, 1908, стр. 299. Ср. Ch a l l a y e, Le syndicalisme révolutionnaire, Revue de métaphysique, январь 1907, стр. 103 и мартъ 1907, стр. 256; V i l l e y, Les nouvelles forces sociales, le syndicalisme, Revue d'économie politique, 1907, стр. 721.

называютъ теоріей насилія и миеомъ всеобщей стачки. Жоржъ Сорель писалъ: „Насиліе естественно входитъ въ нашу систему: съ одной стороны—быстрый прогрессъ производства, управляемый точно сорвавшимся съ цѣпи капитализмомъ, съ другой—возрастающая организованность пролетаріата, приобретающаго силы въ жестокой борьбѣ, вызываемой стачками,—вотъ два условія революціоннаго синдикализма“¹⁾. Такимъ образомъ, для Жоржа Сореля насиліе является условіемъ прогресса.

Противъ этого я и протестую энергично. Насиліе по существу разрушительно; оно въ дѣйствительности есть источникъ страданія и смерти. Ученіе о возрожденіи и прогрессѣ черезъ страданіе меня возмущаетъ: оно могло бы служить темой для парадоксовъ Жозефа де-Местра. Ученіе это можетъ правиться нѣкоторымъ экзальтированнымъ лицамъ, ищущимъ, вслѣдствіе извращенія чувствъ, удовольствія въ умерщвленіи плоти. Но это—доктрина смерти. Такъ же энергично отвергаю я и всеобщую стачку. Сознавая неосуществимость ея, такъ какъ, если бы она осуществилась, первыми пострадали бы отъ нея забастовщики, являющіеся, главнымъ образомъ, потребителями и лишь затѣмъ производителями, революціонные синдикалисты придумали красивое выраженіе: миеъ всеобщей стачки. Если я хорошо понялъ ихъ мысль, они желаютъ сказать, что всеобщая стачка фактически невозможна, но что нужно создавать увѣренность въ возможности ея, сообщить ей даже характеръ религіознаго вѣрованія, и что, такимъ образомъ, явится могущественное средство вызывать и возбуждать жестокія и гибельныя столкновенія, благодаря которымъ должно произойти новое возрожденное общество. Эдуардъ Бердъ и Жоржъ Сорель идутъ еще дальше, утверждая, что, какъ античный міръ возродился миеомъ о божественности Иисуса Христа, такъ современный міръ будетъ возрожденъ миеомъ о всеобщей забастовкѣ²⁾.

Здѣсь я опять протестую, такъ какъ эта теорія, кажущаяся ученой, есть только средство вызывать насиліе и обострять классовую борьбу. Съ другой стороны, слѣдуетъ опасаться вводить въ нашу политическую и общественную дѣятельность духъ религіознаго вѣры: имъ вызвано достаточно страданій въ мірѣ, и наступило, наконецъ, время держать его внѣ социальныхъ отношеній и видѣть въ немъ только состояніе индивидуальнаго сознанія.

Наконецъ, я отвергаю слишкомъ узкій взглядъ революціонныхъ синдикалистовъ на синдикалистское движеніе. Допуская колоссальную ошибку,

1) G. Sorel, *Réflexions sur la violence*, Mouvement socialiste, 2-я серия, XVIII, 1906, стр. 5, 140, 256, 300, особ. стр. 266; XIX, 1906, стр. 33. Авторъ заключаетъ свое изложеніе такъ: „Показанная мною связь... между социализмомъ и пролетарскимъ насиліемъ видна въ настоящее время во всей своей силѣ. Этому насилію социализмъ обязанъ своими высокими нравственными качествами, благодаря которымъ онъ спасетъ современное общество“ См. письмо Ж. Сореля къ Давиду Галеви, служащее предисловіемъ къ *Réflexions sur la violence*, изданнымъ отдѣльной книгой, Mouvement socialiste, 3-я серия, I, 1907, стр. 137.

2) См. G. Sorel, *La grève générale prolétarienne*, Mouvement socialiste, 1-я серия, XVIII, 1906, стр. 256 и слѣд.; Ed. Berth. *Ibid.*, 3-я серия, I, 1907, стр. 397 и слѣд., II, 1908, стр. 203 и 221, гдѣ онъ пишетъ: „Миеъ о стачкѣ выражаетъ собою воскресеніе народа, начинающаго сознавать себя, свою сложную личность, свое духовное единство, какъ недѣлимое цѣлое. Передъ лицомъ растущей интеллектуализаціи, т. е. растущей матеріализаціи новаго упадка, подобно древнему христіанству передъ лицомъ римскаго упадка..., передъ лицомъ этой раздвоенности и этого расплывленія... гдѣ не остается ничего социальнаго, народъ формируется около мастерскихъ, въ синдикатахъ и стачкахъ... Синдикализмъ своимъ миеомъ о всеобщей стачкѣ даетъ социализму новую силу...“ См. G. Sorel, *La ruine du monde antique*, 1902; *Le système historique de Renan*, 1906. О всеобщей стачкѣ ср. Griffuelhes, *L'action syndicaliste*, 1908; Et. Buisson, *La grève générale*, 1905.

по слѣдамъ Карла Маркса, революціонные синдикалисты видятъ въ современныхъ обществахъ вообще, а во Франціи въ частности, только два оппозиціонныхъ другъ другу и находящихся въ борьбѣ класса: классъ буржуазный, или капиталистическій, и классъ рабочій, или пролетарскій, или, какъ они говорятъ, паразитовъ и производителей; они проповѣдуютъ на всѣхъ перекресткахъ вооруженную борьбу рабочихъ съ капиталистами. Въ этой борьбѣ они не признаютъ ни перемирія, ни соглашенія; она должна завершиться полнымъ уничтоженіемъ буржуазнаго класса.

Вотъ, напр., что писалъ въ *Mouvement socialiste* Эдуартъ Бертъ въ маѣ 1907 года: „Существуютъ двѣ силы: капиталистическая и рабочая; онѣ другъ о другѣ не заботятся. Рабочій классъ не смотритъ на себя какъ на часть единого цѣлаго, но считаетъ самого себя въ отдѣльности какъ бы цѣлымъ; онъ желаетъ полной гибели своихъ противниковъ, совершеннаго крушенія буржуазнаго порядка и созданія рабочаго порядка. Дѣло идетъ не о соединеніи и заключеніи компромиссовъ съ буржуазіей, а о томъ, чтобы уничтожить ее... Нужно не только не уменьшать несолитарность, но еще усиливать ее, сдѣлать основнымъ началомъ дѣятельности и превратить въ настоящую борьбу классовъ“¹⁾. И Лягардель въ томъ же журналѣ въ августѣ 1907 г. пишетъ: „Синдикализмъ—это нападеніе на обладателей капитала и требованіе передать управленіе производствомъ группамъ производителей“²⁾.

Эти боевые клики не выражаютъ социальной дѣйствительности. Структура нашихъ современныхъ обществъ значительно сложнее, чѣмъ думаютъ коллективисты, а за ними и революціонные синдикалисты. Намъ всегда говорятъ о двухъ классахъ, интересы которыхъ противоположны: классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Оба они, конечно, существуютъ, и между ними происходятъ конфликты; это неоспоримо. Но существуетъ много другихъ классовъ во всѣхъ современныхъ обществахъ и, въ частности, во Франціи. Кто видитъ только два класса: капиталистическій и рабочій и ихъ отношенія, тотъ видитъ лишь небольшую часть социальной проблемы и тѣсно связанной съ нею проблемы политической. Если синдикалистское движеніе считаютъ только организаціей пролетаріата для захвата капитала и управленія производствомъ, то не понимаютъ истиннаго характера этого обширнаго движенія; имъ преступно пользуются для возбужденія нездоровыхъ страстей, для того, чтобы толкнуть невѣжественныя массы на грабежъ и саботажъ, тогда какъ оно есть не что иное, какъ эволюція, стремящаяся къ перераспределенію всѣхъ конститутивныхъ элементовъ нашего общества.

II.

Правильное понятіе соціального класса.

Что такое социальные классы? Всѣ о нихъ говорятъ, но нелегко найти опредѣленіе ихъ даже у тѣхъ, кто говоритъ о социальныхъ классахъ больше другихъ. Если существованіе классовъ въ нашихъ современныхъ обществахъ никѣмъ не оспаривается, то не менѣе вѣрно и то, что это—не группировка индивидовъ, подчиненныхъ опредѣленнымъ и различнымъ юридическимъ режимамъ. Это очевидно въ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи, осуществлено равенство гражданское и равенство политическое. Такъ какъ дифференціація классовъ не опредѣлена юридически, то границы между ними очень неясны: перемѣщенія изъ класса въ классъ

¹⁾ *Mouvement socialiste*, маѣ 1907, стр. 488.

²⁾ *Mouvement socialiste*, августъ 1907, стр. 100.

бываютъ очень часты, и много лицъ находится на пограничной линіи, отдѣляющей два сосѣдніе класса.

Многочисленные факты могли бы показать, какъ далеко отъ истины мнѣніе, что существуетъ только два класса: капиталистическій и рабочій, между которыми идетъ непримиримая борьба до полного пораженія одного изъ нихъ. Я приведу лишь нѣсколько примѣровъ. Во Франціи значительное количество лицъ, и даже, можетъ быть, большинство, одновременно—и капиталисты и рабочіе. Сюда относятся крестьяне, мелкіе собственники, сами обрабатывающіе свою землю при помощи своей семьи и нѣсколькихъ рабочихъ и, какъ извѣстно, многочисленные во всѣхъ частяхъ Франціи, а также владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній, которые своимъ личнымъ трудомъ увеличиваютъ небольшой принадлежащій имъ капиталъ. Мнѣ скажутъ на это, я знаю, что мелкая торговля и промышленность исчезаетъ передъ большими магазинами и крупными мастерскими. Это возможно; но въ настоящее время мелкая торговля и мелкая промышленность составляютъ численно еще значительный классъ населенія. Это хорошо было видно въ 1887—1889 г. въ эпоху буланжистскаго движенія; этотъ классъ далъ генералу въ Парижѣ 27 января 1889 г. большинство въ 80.000 голосовъ. Нужно немного поѣздить въ любой части Франціи на автомобилѣ или на велосипедѣ, чтобы понять важное мѣсто, занимаемое въ странѣ мелкой буржуазіей, одновременно и капиталистической и рабочей, какъ деревенской, такъ и городской.

Съ другой стороны, не болѣе правильнымъ было бы и относить всѣхъ неимѣющихъ капитала и получающихъ заработную плату къ одному классу живущихъ наемнымъ трудомъ. Черноработчій, заработка котораго часто выше, чѣмъ содержаніе какого-нибудь мелкаго служащаго или чиновника, не принадлежитъ къ тому классу, въ который входятъ они, а между тѣмъ они, какъ и онъ, живутъ наемнымъ трудомъ. Чиновники, желающіе соединиться съ рабочимъ классомъ—наивные люди, которыхъ увлекаютъ своей пустой и хитрой декламацией революціонные демагоги¹⁾.

Элементы социальныхъ классовъ очень многочисленны и сложны. Но одинъ изъ нихъ является особенно характернымъ и существеннымъ. По моему мнѣнію, онъ ясно виденъ, если связать классовую дифференціацію со структурою общества и опредѣлить современные общественные классы, какъ собранія индивидовъ, принадлежащихъ къ данному обществу, между которыми существуетъ особенно тѣсная взаимозависимость въ виду выполненія ими одинаковой работы въ раздѣленіи общественнаго труда.

Идея раздѣленія общественнаго труда, такъ поучительно выдвинутая Дюркгеймомъ, въ общемъ очень проста²⁾. Ее можно резюмировать въ положеніи: взаимозависимость, соединяющая людей, принадлежащихъ къ одной и той же социальной группѣ, есть результатъ различія частей труда, лежащихъ на каждомъ для удовлетворенія общихъ потребностей. Отсюда

¹⁾ Поэтому, напр., учителя лишь компрометируютъ дѣло синдикализма, вотируя резолюцію, подобную той, которую они приняли на конгрессъ въ Лионѣ 17 апрѣля 1908 г.: «Конгрессъ синдикальтовъ учителей, находя, что реорганизация первоначальнаго обученія должна быть дѣломъ дѣйствительнаго сотрудничества профессионаловъ (преподавателей) и заинтересованныхъ лицъ (отцовъ семействъ); что это сотрудничество можетъ быть осуществлено только путемъ объединенія преподавателей со специальными порученіями отъ корпоративныхъ группъ, постановляетъ: 1) что въ 1909 г., во время корпоративнаго конгресса на Пасху долженъ состояться и конгрессъ изъ делегатовъ отъ синдикатовъ учителей и отъ синдикатовъ рабочихъ для выработки проекта реорганизации первоначальнаго обученія... (Le Temps, 19 апрѣля 1908 г.).

²⁾ Durkheim, La division du travail social, 1894; 2-е изд. 1905. (Paris, F. Alcan). См. мою книгу L'Etat, le droit objectif, 1901, гл. I.

понятно, что между лицами, исполняющими одинаковую работу въ обширной мастерской, какою является всякое общество, существуетъ особенно тѣсная связь. Эта связь вызывается прежде всего сходствомъ интересовъ и способностей, характеромъ труда, физическаго или умственнаго, а затѣмъ и сходствомъ привычекъ, образа жизни, стремлений, радостей и страданій.

Если классы представляютъ собою то, что я говорю, то тогда понятно, почему, напр., рабочіе частной промышленности и чиновники не принадлежать къ одному и тому же классу, хотя и тѣ и другіе живутъ наемнымъ трудомъ: ихъ работа неодинакова; чиновники исполняютъ работу, имѣющую особый характеръ уже потому, что она является общественной службой. Понятно также, почему рабочіе и служащіе частнаго промышленнаго или торговаго предпріятія не принадлежать къ одному и тому же классу, хотя и тѣ и другіе получаютъ плату: они также исполняютъ разную работу. Затѣмъ понятно, почему рабочіе и директоры одного и того же предпріятія принадлежать къ разнымъ классамъ, хотя часто директоры получаютъ наемную плату; почему крестьяне, мелкіе собственники, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, сельскіе рабочіе, городскіе рабочіе принадлежать къ различнымъ классамъ. Наконецъ, существуетъ и, должно быть, еще долго будетъ существовать капиталистическій классъ, исключительно капиталистическій классъ, и я безъ колебаній не признаю его зломъ. Прежде всего этотъ классъ значительно менѣе многочисленъ, чѣмъ говорятъ. Напримѣръ, во Франціи число чистыхъ капиталистовъ,—я хочу сказать: тѣхъ, кто живетъ только на проценты со своего капитала,—очень ограничено. Вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ было доказано, что, въ силу безконечнаго дѣленія капитала въ фондахъ государства ¹⁾ и въ многочисленныхъ акціонерныхъ обществахъ, знаменитая концентрація капитала, о которой коллективисты прожужжали намъ уши, не достигается во Франціи тѣхъ размѣровъ, какіе они рѣшаются давать ей. Къ тому же капиталистическій классъ играетъ свою социальную роль: онъ объединяетъ всѣхъ тѣхъ, миссія которыхъ—накоплять капиталы и предоставлять ихъ въ распоряженіе предпріятій. Капиталистъ-собственникъ отправляетъ опредѣленную социальную функцію. Я отрицаю его субъективное право собственности, но признаю его социальный долгъ. Пока капиталистическій классъ будетъ выполнять выпавшую на его долю миссію, онъ будетъ существовать. Въ тотъ же день, когда онъ пренебрежетъ ею, онъ исчезнетъ подобно тому, какъ исчезли въ 1789 г. дворянство и духовенство.

III.

Истинный характеръ синдикалистскаго движенія.

Если таково понятіе социальнаго класса, то легко понять истинную природу синдикалистскаго движенія и вліяніе его на глубокое преобразование политическаго режима. Въ дѣйствительности синдикалистское движеніе не есть война, начатая пролетаріатомъ, чтобы погубить буржуазію, чтобы захватить въ свои руки орудія производства и управленіе имъ. Это движеніе не есть также выраженіе того, что рабочій классъ приходитъ къ самосознанію и стремится сосредоточить у себя власть и богатство и уничтожить буржуазію, какъ полагаютъ теоретики революціоннаго синдикализма. Оно значительно шире, гораздо болѣе плодотворно и, я при-

¹⁾ См. рѣчи Jules Roche и Aymond въ палатѣ депутатовъ 21 и 22 мая 1908 г.

бавлю даже, болѣе гуманно. Это — не средство социальной войны и раздоровъ; наоборотъ, мнѣ кажется, оно является могучимъ средствомъ мира и единенія. Оно несетъ съ собою преобразование не только рабочаго класса, оно проникаетъ во всѣ социальные классы и содѣйствуетъ ихъ координаціи въ гармонической связи.

Въ дѣйствительности въ синдикализмѣ слѣдуетъ видѣть движеніе, имѣющее свою цѣлью дать опредѣленную юридическую структуру различнымъ социальнымъ классамъ, т. е. группамъ индивидовъ, уже соединеннымъ тождествомъ работы въ раздѣленіи общественнаго труда. Исторія констатируетъ намъ, что борьба классовъ была тѣмъ слабѣе, чѣмъ разнообразнѣе были классы, и чѣмъ лучше проведено было юридическое разграниченіе ихъ. При такихъ условіяхъ устанавливалась координація между различными классами, сводившая къ минимуму социальную борьбу и охранявшая вмѣстѣ съ тѣмъ индивида одной группы противъ притязаній другихъ классовъ и противъ произвола центральной власти.

Не говоря уже о кастахъ Индіи и древняго Египта, мое утвержденіе можетъ найти себѣ доказательства въ исторіи феодальной эпохи. Вмѣстѣ со многими современными историками я полагаю, что послѣ многочисленныхъ столкновеній и насилій феодализмъ въ одно время, въ XIII вѣкѣ, показалъ намъ примѣръ общества очень космополитическаго, въ которомъ классы, іерархически и координировано расположенные, были связаны между собою системой соглашеній, признававшихъ за ними цѣлый рядъ взаимныхъ правъ и обязанностей подъ контролемъ короля, верховнаго сюзерена, укрѣпляющаго, по прекрасному выраженію той эпохи, порядокъ и миръ посредствомъ справедливости, т. е. обеспечивающаго выполнение каждою группою обязательствъ, лежавшихъ на ней по мѣсту, занимаемому ею въ общественномъ цѣломъ. Съ абсолютной монархіей исчезаетъ социальная іерархія классовъ. Централизованное королевство привлекаетъ къ себѣ всѣ власти и всѣ функціи. Сословія существуютъ, но уже какъ пережитокъ. Не неся никакой службы, они осуждаются на смерть и на самомъ дѣлѣ исчезаютъ при первой вспышкѣ революціи. Тогда, какъ я уже говорилъ, государство, грозное и могущественное, опираясь на догму національнаго суверенитета, имѣвшую много сторонниковъ, воцаряется безъ противодѣйствія надъ толпою изолированныхъ и безсильныхъ индивидовъ, надъ человѣческой пылью.

Синдикализмъ есть организація этой безформенной массы индивидовъ, образованіе сильныхъ и сплоченныхъ группъ съ опредѣленной юридической структурой, составленныхъ изъ людей, уже соединенныхъ общностью социальной работы и профессиональныхъ интересовъ. Пусть не говорятъ, что это — поглощеніе индивида синдикальной группою и уничтоженіе въ ней. Нисколько. Человѣкъ, какъ давно было сказано, является общественнымъ животнымъ; чѣмъ общественнѣе индивидъ, т. е. чѣмъ въ большемъ количествѣ общественныхъ группъ онъ становится частью, тѣмъ болѣе онъ — человѣкъ. Я даже рѣшаюсь сказать, что только тогда онъ будетъ сверхчеловѣкомъ. Сверхчеловѣкъ — не тотъ, кто можетъ противопоставлять другимъ свою индивидуальную власть, какъ хотѣлъ этого Ницше, а тотъ, кто тѣсно связанъ съ социальными группами, такъ какъ въ данномъ случаѣ его жизнь, какъ общественнаго человѣка, становится болѣе интенсивной. Такъ какъ семья все болѣе и болѣе распадается, а община перестаетъ быть сплоченной социальной группою, то человѣкъ XX столѣтія можетъ найти эту интенсивную социальную жизнь только въ профессиональныхъ синдикатахъ.

Существующее въ синдикализмѣ великое движеніе интеграціи распространяется на всѣ классы; сейчасъ только занимается его заря, но оно

заполнить собою все наше столѣтіе; оно, несомнѣнно, будетъ характернымъ признакомъ вѣка. Его миротворческое дѣйствіе, а также обезпеченіе индивидуамъ защиты противъ произвола правителей не подлежатъ никакому сомнѣнію. Все это хорошо понялъ благородный писатель, который, несмотря на непродолжительную карьеру, былъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ возбудителей синдикалистскаго движенія, Фернандъ Пеллутье. Въ своей „Исторіи биржъ труда“, изданной въ 1902 г., черезъ годъ послѣ его смерти, онъ писалъ: „Разумѣется, люди, вѣрящіе въ государство-провидѣніе, должны относиться съ нѣкоторой антипатіей къ этимъ свободнымъ ассоціаціямъ людей (синдикатамъ). Но какъ тѣ, кто любятъ свободу и не признаютъ системы централизаціи, не понимаютъ, что корпоративныя группы служатъ ячейками будущаго федеральнаго общества? (Эта система стремится) образовать, согласно закону раздѣленія органовъ, небольшія группы (Пеллутье желаетъ сказать: небольшія по числу членовъ), въ отношеніи другъ къ другу суверенныя и соединенныя посредствомъ свободно заключенныхъ федеративныхъ соглашеній въ той мѣрѣ и на тотъ срокъ, которые они считаютъ полезными“¹⁾. Здѣсь, между прочимъ, замѣтно вліяніе Прудона²⁾ и Бакунина³⁾; оно сильно чувствуется и въ доктринахъ и въ движеніи, о которыхъ мы говоримъ. Но недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ останавливаться на этомъ.

IV.

Связь между синдикалистскимъ движеніемъ и преобразованиемъ политическаго строя.

Въ какомъ же отношеніи находится синдикалистское движеніе къ преобразованію государства, о которомъ я говорилъ въ предшествующихъ лекціяхъ? Это нетрудно показать съ точки зрѣнія чистой политики и съ точки зрѣнія государственной службы.

¹⁾ Pelloutier, Histoire des bourses du travail, 1902, стр. 169.

²⁾ Конечно, въ разнообразныхъ произведеніяхъ Прудона легко найти идеи различнаго порядка и иногда противорѣчающія другъ другу. Однако, главной идеей его была организація общества въ видѣ соединенія организованныхъ социальныхъ классовъ, регулирующихъ свои отношенія посредствомъ коллективныхъ соглашеній. Вотъ мѣсто, кажущееся мнѣ наиболѣе характернымъ: „Правительство, какъ нами показано, мы замѣняемъ промышленной организаціей. Въмѣсто законовъ у насъ договоры. Нѣтъ больше закона, принятаго большинствомъ или единогласно; каждый гражданинъ, каждая община или федерація создаютъ себѣ законъ. Политическія власти уступаютъ мѣсто экономическимъ силамъ; прежніе классы гражданъ, дворянъ и простыхъ людей, буржуазія и пролетаріата замѣняются категоріями и специальными профессіями: земледѣліемъ, торговлей, промышленностью и т. д. Въмѣсто государственной силы у насъ коллективная сила. Постоянную армию мы замѣняемъ промышленными компаніями, а полицію — тождествомъ интересовъ. Политическая централизація замѣняется нами экономической централизаціей. Понятенъ ли вамъ этотъ порядокъ безъ чиновниковъ, это глубокое и всецѣло интеллектуальное единство? Ахъ! Вы никогда не знали, что такое единство, вы не можете представить себѣ его иначе, какъ въ видѣ законодателей, префектовъ, генеральныхъ прокуроровъ, таможенныхъ служащихъ и жандармовъ!“ (Прудонъ, *Idée générale de la révolution au XIX siècle*, Oeuvres complètes, X, 1860, стр. 259 и 260).

³⁾ Вліяніе Бакунина во Франціи было, конечно, очень ограниченнымъ. Все же его имя слѣдуетъ упомянуть рядомъ съ именемъ Прудона. Съ интересомъ читается его очеркъ въ I т. его Oeuvres, франц. изд., подъ заглавіемъ *Fédéralisme socialisme et antithéologisme*. Но, кажется, федерализмъ, о которомъ онъ говоритъ, скорѣе федерализмъ провинцій и общинъ, чѣмъ классовъ. Ср. именно стр. 16.

Фурниеръ, котораго въ этомъ зданіи хорошо знаютъ, писалъ: „Благодаря ассоціаціи мы избавимся отъ двухъ опасныхъ подводныхъ камней: съ одной стороны—отъ насильственности революціоннаго толчка, съ другой—отъ всемогущества государства, т. е. отъ тираніи и демагогіи“¹⁾. Этотъ превосходный писатель хорошо понялъ ошибку нашихъ отцовъ, которые провозглашеніемъ принципа народнаго суверенитета думали обезпечить свободу, не замѣчая, что этимъ они отдають индивида во власть тираніи, еще болѣе сильной, чѣмъ тиранія короля. Образованіе могущественныхъ синдикативныхъ изъ всѣхъ индивидовъ всѣхъ социальныхъ классовъ, путемъ коллективныхъ соглашеній, опредѣляющихъ юридическія отношенія, дастъ могучую, единственно-надежную гарантію противъ всемогущества правящихъ лицъ, я желаю сказать—противъ всемогущества класса или партіи или большинства, фактически монополизирующихъ силу. Въ этомъ синдикальномъ образованіи будетъ прочное устройство, которое сможетъ противо-дѣйствовать примѣненію всякой притѣснительной мѣры. Это будетъ какъ бы постоянной оборонительной организаціей противъ притѣсненія. Совершенно естественной органической формой этой силы сопротивленія будетъ профессиональное представительство, широко и прочно организованное.

Естественно, что защитники національнаго суверенитета и закона числа энергично отвергаютъ эту реформу. Эменъ, напр., объявляетъ: „Принципомъ національнаго суверенитета логически исключается то, что называютъ представительствомъ интересовъ“. Онъ при этомъ основывается на томъ схоластическомъ соображеніи, что „различныя избирательныя коллегіи должны быть только фракціями избирательнаго корпуса,... что фракціи являются такими до тѣхъ поръ, пока обладаютъ всѣми качествами цѣлаго“²⁾.

Но часто факты сильнѣе людей. Можетъ быть, синдикалистское движеніе недостаточно шагнуло впередъ, чтобы можно было желать для него новаго позитивнаго законодательства, хотя этого требовали очень выдающіеся люди, какъ, напр., Шарль Бенуа и аббатъ Лемиръ³⁾. Но, разумѣется, въ скоромъ будущемъ организуется, на ряду съ пропорціональнымъ представительствомъ партій, профессиональное представительство интересовъ, т. е. представительство различныхъ социальныхъ классовъ, организованныхъ въ синдикаты и федераціи синдикатовъ. Какъ сказалъ Шарль Бенуа, „надо организовать представительство такимъ образомъ, чтобы оно возможно болѣе соответствовало жизни, чтобы оно было пропорціональнымъ не только мнѣніямъ, составляющимъ лишь минимальную часть человѣческаго существа, но и нашей человѣчности, жизни и социальной силѣ“⁴⁾.

Только палата, составленная изъ выборныхъ отъ синдикальныхъ группъ, можетъ стать противѣсомъ могуществу палаты, избранной хотя бы даже по пропорціональной системѣ для того, чтобы представлять индивидовъ. Раздѣленіе властей между человѣкомъ, облеченнымъ исполнительною властью и парламентомъ, облеченнымъ законодательною властью,

¹⁾ Fournière, L'individu, l'association et l'État, 1906, стр. 21 (Paris, F. Alcan). Cp. Id., La Sociocratie, Revue socialiste, мартъ 1908, стр. 253 и слѣд.; Adoption de l'État à sa fonction économique, Ibid., январь 1908, ст. 1 и слѣд.

²⁾ Droit constitutionnel, 4-ое изд., 1903, стр. 228 и 231.

³⁾ Charles Benoist, Rapport à la Chambre, 1905, sess. ord., J. off. Débats parlem., стр. 472. Cp. Id., La politique;—Sophismes politiques de ce temps;—La crise de l'État moderne;—Pour la réforme électorale, 1898. L'abbé Lemire, Рѣчь въ палатѣ 16 марта 1894, J. off., Débats parlem., стр. 562. Cp. мой Manuel, стр. 368 и слѣд.

⁴⁾ Докладъ, цитированный въ предъидущемъ примѣчаніи, J. off., стр. 477.

ни въ какомъ случаѣ не является ограниченіемъ политической власти. Въ настоящее время существуютъ люди, которые думаютъ еще, что президентъ республики, вооруженный большими правами и избираемый въ иномъ порядкѣ, чѣмъ по конституціи 1875 г., могъ бы служить полезнымъ противъѣсомъ всемогуществу палаты депутатовъ. Но теперь во Франціи глава государства, въ какомъ бы порядкѣ выборовъ онъ ни появлялся, какую бы власть ему ни сообщали, есть только декоративная личность, которая прививаетъ государей и посланниковъ, предсѣдательствуетъ на торжествахъ, даетъ балы и обѣды, ѣздитъ на скачки, но политическое вліяніе его сведено къ нулю. Боятся диктатуры главы государства, избраннаго прямымъ и всеобщимъ голосованіемъ. Пустая боязнь! Эта диктатура возможна лишь въ томъ случаѣ если опирается на преторіанскія привычки военныхъ. Но я думаю, что послѣ неудачи буланжизма, послѣ дѣла Дрейфуса, послѣ введенія двухгодичной военной службы склонность военныхъ къ преторіанскому духу, къ счастью, безвозвратно исчезла.

Впрочемъ, говоря откровенно, политическое всемогущество принадлежитъ теперь на самомъ дѣлѣ не палатамъ, а совѣту министровъ, который по закону является политически отвѣтственнымъ посредникомъ между президентомъ республики и парламентомъ, и который, въ сущности, есть комитетъ общественнаго спасенія, имѣющій возможность, путемъ внѣ-парламентскихъ средствъ, сохранять свою власть по желанію¹⁾. Его политическая отвѣтственность стала пустымъ словомъ.

Это разложеніе парламентарнаго режима будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не организуютъ профессиональнаго представительства на ряду съ представительствомъ пропорціональнымъ. Я не знаю, можно ли назвать этотъ будущій режимъ парламентарнымъ; но я убѣжденъ, что онъ послужитъ надежной гарантіей противъ произвола правительства, которому будетъ порученъ только контроль, надзоръ, защита и приведеніе въ дѣйствіе государственной силы, и къ этой роли оно и принуждено будетъ свести свою дѣятельность.

V.

Чиновничій синдикализмъ.

Синдикалистское движеніе еще другимъ путемъ приходитъ къ гармоніи съ новой государственной формой. Оно готовитъ въ дѣйствительности децентрализацію государственной службы посредствомъ образованія синдикатовъ чиновниковъ, которые неизбѣжно будутъ обладать широкой автономіей. Здѣсь мы затрагиваемъ очень интересный и злободневный вопросъ.

Прежде всего вопросъ о синдикатахъ чиновниковъ ставится въ положительномъ правѣ. Могутъ ли чиновники, по дѣйствующему во Франціи законодательству, легально соединяться въ синдикаты? Я, не колеблясь, отвѣчаю: нѣтъ; никто изъ чиновниковъ не можетъ входить въ синдикаты. Законъ 1884 г. о профессиональныхъ синдикатахъ относится только къ

¹⁾ Рассказываютъ, что на завтракъ въ Маріенбадѣ въ августѣ 1907 г. Эдуардъ VII спросилъ президента совѣта министровъ, Клемансо, сколько времени онъ предполагаетъ еще оставаться у дѣль; послѣдній отвѣтилъ: «Ваше Величество, сколько пожелаю». Не знаю, правдивъ ли этотъ анекдотъ; во всякомъ случаѣ, отвѣтъ, приписываемый президенту совѣта, вполне точно резюмируетъ современную политическую ситуацію.

частнымъ профессіямъ, а не къ чиновникамъ ¹⁾. Это не вызываетъ сомнѣній, и я не буду на этомъ останавливать ваше вниманіе.

Но что же дѣлать законодателю съ чиновничьимъ синдикализмомъ? Имѣетъ ли онъ дѣло съ движеніемъ, хотя и слабымъ, но способнымъ вызвать дезорганизацию государственной службы, которое можно и должно остановить или направить въ другую сторону, чтобы избѣжать дезорганизации самого государства? Или, наоборотъ, это—глубокое и сильное движеніе, противъ котораго остаются безсильными законодательные и правительственные акты, движеніе, подготовляющее новый и лучший строй политической и административной жизни страны?

Долженъ сказать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ моментъ начала этого движенія, я считалъ его поверхностнымъ и вызваннымъ нѣсколькими злонамѣренными чиновниками, желавшими заставить говорить о себѣ. Я полагалъ, что правительству легко противоудѣйствовать образованію этихъ синдикатовъ. Мнѣ казалось это его долгомъ, потому что признать синдикаты чиновниковъ—значитъ дозволить забастовки ихъ, такъ какъ одною изъ закономъ дозволенныхъ цѣлей профессиональныхъ синдикатовъ является приготовленіе и поддержка забастовокъ. Я говорилъ: чиновники, по своему назначенію непосредственно связанные съ функціонированіемъ государственной службы, не могутъ соединяться въ синдикаты, которые будутъ законно организовывать стачки, такъ какъ правящія лица юридически обязаны обезпечить непрерывность функціонированія государственной службы ²⁾.

Я и въ настоящее время думаю, что чиновники не могутъ участвовать въ стачкахъ, и что правительство не выходитъ за предѣлы контроля и надзора, примѣняя принудительную силу для недопущенія чиновничьей стачки и устраняя зачинщиковъ со службы ³⁾.

Я также попрежнему думаю, что многие ораторы биржъ труда, синдикатовъ учителей, низшихъ почтовыхъ и таможенныхъ служащихъ и пр. имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду свои личные интересы. Однако, при всемъ этомъ я полагаю, что чиновничій синдикализмъ—глубокое и интенсивное движеніе, что законодатель не въ состояніи ни остановить его, ни направить его по желанію, что это движеніе сопутствуетъ исчезновенію личной и суверенной власти государства и является однимъ изъ проявленій великаго синдикалистскаго движенія, постепенно реорганизуящаго общество.

Не предполагая объяснять и разбирать понятіе чиновника и государственной службы, я только напому, что чиновниками являются всѣ тѣ, кто непосредственно, постоянно и нормально связанъ съ функціони-

1) Ср. Cass., 28 февр. 1902, S., 1903, I, стр. 445. Тамъ сказано, что законъ 21 марта 1884 г. не разрѣшаетъ образовывать синдикаты всѣмъ тѣмъ, которые не защищаютъ какихъ-либо промышленныхъ, коммерческихъ или земледѣльческихъ интересовъ... Нельзя проводить различіе между чиновниками власти и чиновниками исполненія. Это дѣленіе, предложенное Бертелемъ и (Droit administratif, 1901 и 5-е изд. 1903, стр. 49) и Бургеномъ (De l'application des lois ouvrières aux employés de l'Etat, 1902), пользовалось въ одно время нѣкоторымъ кредитомъ. Но въ настоящее время отъ него отказались. См. для критики этихъ взглядовъ Лярдювъ Revue pénitentiaire, июнь 1906 и tirage à part; мой Manuel, стр. 420 и сл. Ср. опредѣленіе чиновника проектъ правительства, исключющее это различіе, а также докладъ Жанненэ по проекту закона относительно синдикатовъ чиновниковъ, J. off., doc. parlem., Chambre, sess. extr. 1907, стр. 608.

2) Revue politique et parlem., за апрѣль 1906, стр. 28.

3) См. энергичныя заявленія Клеманю, президента совѣта, и Барту, министра общественныхъ работъ, почтъ и пр., въ Палатѣ депутатовъ, засѣданіе 13 марта 1908 г.

рованіемъ государственной службы ¹⁾, и что государственная служба есть извѣстная дѣятельность, исполненіе нѣкоторой работы, которая въ данный моментъ считается настолько важной для социальной группировки, что на правительство ложится юридическая обязанность обезпечить ея выполненіе. Въ раздѣленіи общественнаго труда чиновники выполняютъ работу, для которой особенно характернымъ является ея необходимость для самой жизни социальной группы. Если наше опредѣленіе социальныхъ классовъ точно, то, конечно, чиновники сами по себѣ составляютъ особый социальный классъ. Это положеніе подтверждается многими фактами, полученными изъ наблюденій, о которыхъ было бы долго распространяться.

Такимъ образомъ, социальный классъ чиновниковъ втянутъ въ великое синдикалистское движеніе. Подобно другимъ общественнымъ классамъ онъ стремится получить опредѣленную юридическую структуру. Чиновничій синдикализмъ не есть нѣчто особое. Онъ является однимъ изъ элементовъ общаго синдикалистскаго движенія, простирающагося на всѣ части общества. Но, взятый самъ по себѣ, онъ представляетъ довольно сложное явленіе. Огромный классъ чиновниковъ въ дѣйствительности заключаетъ въ себѣ много подклассовъ и именно столько, сколько имѣется различныхъ государственныхъ службъ. Если всѣ чиновники соединены между собою сходствомъ работы, то чиновники одного и того же рода государственной службы, очевидно, еще болѣе связаны другъ съ другомъ. Будучи единымъ движеніемъ, чиновничій синдикализмъ есть движеніе сложное, выливающееся въ различныя формы сообразно различію видовъ государственной службы и вызывающее образованіе соответственнаго числа синдикатовъ, способныхъ служить элементами обширной федераціи.

Но чиновники должны соблюдать осторожность и остерегаться вожаковъ и демагоговъ, желающихъ привлечь ихъ къ участию въ революціонной дѣятельности Всеобщей Конфедераціи Труда. Они должны чуждаться революціоннаго синдикализма, проникнувшись мыслью, что нѣтъ ничего вреднѣе для ихъ собственныхъ интересовъ, чѣмъ революціонная дѣятельность ²⁾. Имъ нужно помнить, что бы тамъ ни говорили, что наси-

¹⁾ Я долженъ сравнить это опредѣленіе съ опредѣленіемъ законопроекта объ ассоціаціяхъ чиновниковъ, внесеннаго 11 марта 1907 г.: «Чиновниками считаются всѣ тѣ, кто въ качествѣ делегированныхъ публичной властью, въ качествѣ служащихъ, агентовъ и субагентовъ составляютъ часть постоянного кадра, организованнаго для обезпеченія функціонированія государственной службы». См. текстъ проекта, *Revue du droit public*, 1907, стр. 252, и очень интересную статью Rolland'a, Комиссія палаты приняла этотъ текстъ, основательно распространивъ его на департаментскихъ и коммунальныхъ агентовъ. (*Rapport de M. Jeanneney, loc. cit.*). Ср. обсужденіе и заявленія правительства въ палатѣ депутатовъ на засѣданіяхъ 7, 8, 10, 11, 13 и 14 мая 1907 г., особенно рѣчь Deschanel'я (8-го мая), за которой былъ проголосованъ порядокъ дня съ выраженіемъ правительству довѣрія на интерпелляціи разныхъ депутатовъ, а именно—Gauthier (de Cagny), Buisson, Jaurès.

²⁾ Клемансо оказалъ учителямъ отличную услугу, которой, впрочемъ, они не поняли, сказавъ имъ въ своемъ замѣчательномъ письмѣ отъ 7-го апрѣля 1907 г.: «Ваше мѣсто—не во Всеобщей Конфедераціи Труда. Тамъ говорится то, къ чему вы не могли бы присоединиться ни одинъ педагогъ. Аполлогія «саботажа» и «прямого дѣйствія», подстрекательство гражданъ къ враждѣ, призывъ къ дезертирству и измѣнѣ составляютъ доктрину, съ которою вы обязаны энергично бороться въ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ своей миссіи свѣтской школы и республиканскаго идеала въ странѣ. Параграфъ 3 ст. 16 статутовъ Всеобщей Конфедераціи Труда указываетъ, какъ на одну изъ цѣлей ассоціаціи, на «пропаганду среди организованныхъ рабочихъ необходимости всеобщей стачки». Если вы дѣйствительно думаете, что нужно направлять свои усилія къ такому результату, то должны также при-

ліе и ненависть не способны дать что-нибудь прочное, и что они, чиновники, не могут руководствоваться въ своей дѣятельности мнѣемъ всеобщей забастовки, такъ какъ по самому своему назначенію они соединены съ государственной службой, т. е. съ дѣятельностью, исполненіе которой составляетъ юридическую обязанность тѣхъ, на комъ она лежитъ. Прибѣгнуть къ забастовкѣ было бы для чиновниковъ наилучшимъ средствомъ возстановить неограниченный произволъ всемогущаго центрального правительства.

Наоборотъ, будучи удержанъ въ намѣченныхъ мною границахъ, чиновничій синдикализмъ безусловно приведетъ въ ближайшемъ будущемъ къ тому, что я называю децентрализацией государственной службы, которая отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, опредѣленной потребности. Я приступаю къ объясненію этого.

VI.

Децентрализція въ области государственной службы.

Пока отъ государства требовали только производства суда, обезпеченія внѣшней безопасности и внутренней охраны, потребности въ децентрализціи на ощущалось, и правящія лица, обладавшія наибольшею силою, могли выполнять сами или при помощи своихъ прямыхъ агентовъ, лежавшую на нихъ миссію суда, защиты и безопасности. Но когда современный человѣкъ, ясно сознавъ социальную взаимозависимость между всѣми членами общественной группы, какъ управляемыми, такъ и правящими, призналъ за послѣдними обязанность обезпечить исполненіе различныхъ работъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, то неизбежно проявилась тенденція къ децентрализціи. Являясь лишь обладателями наибольшей силы, правящія лица не могутъ ни сами, ни при помощи своихъ агентовъ выполнить всѣ эти различныя работы. Онѣ по необходимости будутъ исполняться группами индивидовъ, нѣсколько независимыхъ отъ правящихъ лицъ и дающихъ толчокъ и направленіе службѣ, но подъ контролемъ и надзоромъ правительства и его агентовъ. Въ этомъ именно и заключается децентрализція.

Ее пытались осуществить, воспользовавшись естественной социальной группой, очень древней и очень устарѣвшей—коммуной, или но-

знать, что такое возрѣніе совершенно несовмѣстимо съ долгомъ вашей службы. (Le Temps, 8 апрѣля 1907). Ср. резолюцію, вотированную на конгрессѣ учителей въ Лионѣ 15 апрѣля 1908 г., приведенную въ началѣ этой лекціи.—Национальный конгрессъ низшихъ почтовыхъ служащихъ пошелъ въ разрѣзъ съ интересами, которые должны были быть представлены имъ, принявъ 19 апрѣля 1908 г., послѣ продолжительныхъ прерій, слѣдующій порядокъ дня: «Конгрессъ національнаго синдиката низшихъ почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ служащихъ, считая Всеобщую Конфедерацию Труда живымъ и дѣятельнымъ выраженіемъ солидарности пролетаріата, соединительнымъ звеномъ между всѣми синдикальными организациями, признавая, что ни одна организація, сознающая свой долгъ солидарности, не должна оставаться внѣ Всеобщей Конфедерации Труда; полагая, съ другой стороны, что всѣ низшіе служащіе П. Т. Т., получающіе отъ государства наемную плату, какъ и рабочіе, могутъ предъявить извѣстныя требованія государству, ховяину; что, не одобряя правительственной точки зрѣнія, устанавливающей преграду между административнымъ пролетаріатомъ и служащими частной промышленности, и присоединяясь къ Всеобщей Конфедерации Труда, они совершаютъ свой долгъ рабочей солидарности; что, наконецъ, рабочіе синдикаты во всѣхъ случаяхъ поддерживали и поощряли требованія наемныхъ служащихъ государства,—объявляетъ о своемъ присоединеніи къ Всеобщей Конфедерации Труда.» (Le Temps, №№ отъ 20 и 21 апрѣля 1908 г.).

вѣйшей искусственной группой—департаментомъ. Законы 10 августа 1871 г. и 5 апрѣля 1884 г. имѣли своей цѣлью осуществленіе децентрализаціи, областной и коммунальной. Но децентрализація здѣсь—скорѣе кажущаяся, чѣмъ реальная. Если бы, однако, она и являлась реальной, она недостаточна, такъ какъ оставляетъ внѣ себя большое число видовъ государственной службы. Конечно, наша административная организація развивается теперь не въ направленіи коммунальной или департаментской децентрализаціи. Въ нѣкоторой степени децентрализація осуществлена еще путемъ превращенія нѣкоторыхъ общественныхъ службъ въ государственныя учрежденія, пользующіяся по праву извѣстной автономіей, но постановленныя подъ внимательный и часто придирчивый надзоръ правительственныхъ агентовъ¹⁾.

Форма децентрализаціи, къ которой мы идемъ, совѣмъ иного рода. Она постепенно осуществляется въ корпоративныхъ организаціяхъ чиновниковъ одной и той же службы и есть результатъ синдикалистскаго движенія, глубокаго и интенсивнаго. Чиновники одной и той же отрасли службы образуютъ корпоративный синдикатъ, который обезпечиваетъ имъ защиту противъ произвола правительства, противъ незаконнаго лишенія должности, противъ фаворитизма и доносовъ, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, участвуетъ въ управленіи службой. Синдикаты чиновниковъ, установленные первоначально для защиты интересовъ профессиональныхъ и классовыхъ, пріобрѣтутъ мало-по-малу роль двигающаго и управляющаго центра во ввѣренной имъ государственной службѣ. Впрочемъ, право дѣйствительнаго контроля и постоянного надзора должно быть сохранено за правительствомъ и его агентами. Съ другой стороны, эта чиновничья автономія должна быть снабжена въ качествѣ своего противовѣса сильно организованной и энергично санкціонированной отвѣтственностью чиновника по отношенію къ публикѣ. Чиновникъ, пользующійся большей защитой и независимостью и вооруженный большей инициативой, долженъ быть и болѣе отвѣтственнымъ.

Безъ сомнѣнія, мы еще не достигли достаточно точнаго пониманія профессиональной и общественной роли классовъ, достаточно яснаго сознанія соединяющей ихъ взаимозависимости; сами чиновники еще недостаточно проникнуты сознаніемъ своей строгой обязанности всегда обезпечивать правильное и непрерывное функціонированіе государственной службы; они еще недостаточно чувствуютъ и свою отвѣтственность по отношенію къ обществу, въ виду чего эта система децентрализаціи въ настоящее время еще не можетъ быть осуществлена во всѣхъ общественныхъ службахъ. Но я полагаю, что осуществленія ея долго ждать не придется. Фактомъ, по моему мнѣнію, хорошо подтверждающимъ это, является корпоративная организація чиновничьей дисциплины, основанная на рядѣ декретовъ правительства, изданныхъ въ послѣдніе годы для многихъ категорій чиновниковъ, напр., для служащихъ въ различныхъ министерствахъ, для чиновниковъ путей сообщенія, финансовыхъ администрацій и т. д.²⁾. Не

¹⁾ Очень интересной попыткой, сдѣланной въ этомъ смислѣ во Франціи, была децентрализація высшаго образованія, частью осуществленная созданіемъ университетовъ. Законъ 10 іюля 1896 г. объ учрежденіи университетовъ, три декрета 21 іюля и два декрета 22 іюля 1897 г.

²⁾ Ср. Bonnard, *Chronique administrative, Revue du droit public*, 1907, стр. 481, изданная отдѣльно подъ заглавіемъ: *La crise du fonctionnarisme, ses causes et ses remèdes*, 1907. Анализируя общія положенія различныхъ декретовъ, Боннаръ пишетъ: «Одно положеніе особенно важно, а именно то, которое касается присутствія представителей, избранныхъ своими коллегами, въ комиссіяхъ о движеніи по службѣ и въ дисциплинарныхъ совѣтахъ. Важность этого положенія заключается въ томъ, что оно представляетъ собою извѣстный

служить ли это доказательствомъ тенденціи государственныхъ функцій къ корпоративной организаціи?

Характерныя черты этого синдикалистскаго движенія были указаны нѣсколькими замѣчательными публицистами: Максимомъ Леруа ¹⁾, мужественнымъ защитникомъ чиновниковъ, жертвъ злоупотребленія властью, Берто ²⁾ и Поломъ Бонкуръ ³⁾. Въсѣтъ съ послѣднимъ я охотно скажу, что мы движемся въ направленіи къ полной децентрализаціи, къ цѣлостному федерализму, одновременно корпоративному и административному.

Родригъ выразился объ этомъ еще точнѣе по поводу первоначальнаго обученія. „Синдикаты чиновниковъ, какъ и синдикаты рабочихъ,— не просто корпоративныя ассоціаціи защиты; они призваны стать съ теченіемъ времени распорядительными органами... Образъ правленія извнѣ и сверху будетъ замѣненъ автономной администраціей, развившейся снизу“ ⁴⁾.

Сторонники старой доктрины отшатнулись отъ такихъ утвержденій. Фернандъ Форъ, въ рѣзкой статьѣ въ *Revue politique et parlementaire* (январь 1906 г.), предалъ анаемѣ синдикаты чиновниковъ и всѣхъ, кто посмѣлъ предсказать имъ блестящее будущее. Газета „*Le Temps*“ была удручена ⁵⁾. Мой ученый коллега и анонимъ въ „*Le Temps*“ писали, что это—анархія, уничтоженіе неприкосновеннаго, единаго и недѣлимаго суверенитета государства. Они не видѣли, что чиновничій синдикализмъ— не причина, а слѣдствіе, и что именно въ виду утраты вѣры въ фикцію государственнаго суверенитета началась эволюція въ направленіи къ децентрализаціи государственной службы).

Однако, говорить Бертелеми ⁶⁾, это—не децентрализація, а анархія. Децентрализація совершается въ интересъ управляемыхъ, т. е. пользующихся государственными службами, тогда какъ образованіе автономныхъ, участвующихъ въ управленіи чиновничьихъ синдикатовъ преслѣдуетъ защиту интересовъ самихъ администраторовъ, т. е. тѣхъ, кто выполняетъ государственную службу.

Это возраженіе не лишено значенія. Все же оно не останавливаетъ насъ. Нужно, кромѣ того, доказать, что управляемые не получаютъ сами по себѣ никакихъ выгодъ отъ преобразования, передающаго управленіе государственной службой чиновникамъ или ихъ представителямъ. Слѣдуетъ еще доказать, что государственная служба будетъ выполняться хуже, когда управленіе ею перейдетъ къ выборному корпоративному совѣту, подъ простымъ контролемъ правительства. Съ большимъ основаніемъ можно утверждать, что государственная служба будетъ функціонировать

моментъ въ эволюціи государственной службы по направленію къ корпоративной организаціи». Ср. *Id.*, *De la répression disciplinaire*, thèse, 1902, Bordeaux.

¹⁾ См. брошюру, издаванную по порученію Лиги правъ человека, Max Leroy, подъ заглавіемъ: *Les droits des fonctionnaires*, 1906; *Rapport à la Ligue des droits de l'homme sur le droit des fonctionnaires*, 1907; *La crise des services publics*, въ *Pages libres*, 22 февраля 1908, а также двѣ важныя книги Max. Leroy, *Les transformations de la puissance publique, les syndicats de fonctionnaires*, 1907; *La loi, essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie*, 1908 (первая изъ нихъ имѣется въ русск. пер.: М. Леруа. Эволюція государственной власти, переводъ Елпатьевскаго, Спб., 1907 г., изд. «Общественной Пользы»).

²⁾ Berthod, *Revue politique et parlem.*, мартъ 1906, стр. 413.

³⁾ Paul Boncour t, *Revue socialiste*, январь 1906, стр. 17 и слѣд.

⁴⁾ Rodrigues, *Le syndicalisme universitaire*, *Revue socialiste*, октябрь 1905, стр. 499, и его письмо въ *Temps*, № отъ 9 ноября 1905.

⁵⁾ См. № отъ 29 января 1906. Ср. рѣчь Deschanel'я въ Палатѣ, 8 мая 1907 г. и статью Cahen, *Revue politique et parlem.*, июль 1906, стр. 80.

⁶⁾ *Revue de Pic*, Lyon, июнь 1906.

лучше, если будетъ получать направление отъ технического совѣта представителей чиновниковъ данной службы, чѣмъ если будетъ поручена управленію, иногда произвольному и часто невѣжественному, правительственнаго агента, не обладающаго техническимъ образованіемъ. Можно также думать, что интересы общества будутъ лучше обезпечены, если съ корпоративной организаціей государственной службы будетъ соединена сильнѣе санкціонированная личная отвѣтственность чиновниковъ. Впрочемъ, опасность анархіи будетъ избѣгнута, и координація различныхъ службъ будетъ достигнута благодаря тому, что за правительствомъ будутъ сохранены право контроля и надзора.

VII.

Общіе выводы.

Здѣсь я останавливаюсь и больше не буду занимать ваше вниманіе этою въ настоящее время очень важной проблемой. Мнѣ кажется, я уже достаточно говорилъ объ этомъ, чтобы показать, въ какомъ направленіи вырабатывается мало-по-малу новый политическій строй призванный замѣнить собою режимъ, основанный на ложной и опасной идеѣ суверенитета и личности государства. Наверху, правящія лица будутъ представлять дѣйствительное большинство индивидовъ, составляющихъ социальныя группы, будутъ обладать не правомъ государственной власти, а обязанностью употреблять наибольшую силу для осуществленія права въ широкомъ смыслѣ слова; дѣйствіе же ихъ сведется къ технической дѣятельности контроля и надзора. Общество составитъ изъ синдикалистскихъ группъ, сильно интегрированныхъ, вошедшихъ въ федераціи по профессіямъ и надѣленныхъ политическимъ представительствомъ, обезпечивающимъ сильное ограниченіе власти правительства. Борьба классовъ или прекратится, или сильно ослабѣетъ благодаря принятію по взаимному соглашенію регламентовъ, опредѣляющихъ отношенія классовъ между собою, классовъ, проникнутыхъ яснымъ сознаніемъ своей взаимозависимости. Государственныя службы исполняются и направляются корпораціями чиновниковъ, отвѣтственныхъ за свои ошибки по отношенію къ частнымъ лицамъ и состоящихъ подъ контролемъ и надзоромъ правительства.

Но вы скажете: это—мечта. Вы ошибаетесь. Въ дѣйствительности, я только резюмирую главные элементы происходящей нынѣ эволюціи, являющейся необходимымъ результатомъ уничтоженія субъективнаго права государственной власти.

Въ то же самое время происходитъ и другое преобразование, какъ слѣдствіе гибели субъективнаго права, представляющаго синтезъ всѣхъ индивидуальныхъ правъ: уничтоженіе права собственности, преобразование, заслуживающее продолжительнаго и глубокаго изученія. Я не думаю, что исчезнетъ въ будущемъ, хотя бы и отдаленномъ, индивидуальное присвоеніе, даже по отношенію къ капиталамъ. Но, безъ сомнѣнія, понятіе собственности, какъ субъективнаго права, исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто понятію собственности, какъ социальной функціи. Обладатель богатства не имѣетъ на него никакого права; это—только фактическое состояніе, принуждающее его къ выполненію извѣстной социальной функціи, и обладаніе его имуществомъ получаетъ охрану только въ той степени, въ какой онъ выполняетъ эту социальную функцію.

Огюсть Контъ, котораго я часто цитировалъ, хорошо замѣтилъ это преобразование собственности. Онъ сказалъ: „Въ нормальномъ состояніи человѣчества каждый гражданинъ является государственнымъ чиновникомъ, болѣе или менѣе опредѣленные атрибуты котораго опредѣляютъ и обя-

занности и права. Этотъ универсальный принципъ долженъ быть примѣненъ и къ собственности, въ которой позитивизмъ видитъ, главнымъ образомъ, необходимую социальную функцію, предназначенную для образования и управления капиталами, дающими возможность каждому данному поколѣнью готовить работу для слѣдующаго за нимъ. Разумное пониманіе роли капитала облагораживаетъ обладаніе имъ, не ограничивая его справедливой свободой и даже побуждая уважать ее¹⁾.

Эту социальную функцію „образования и управления капиталами, дающими возможность каждому данному поколѣнью готовить работу для слѣдующаго за нимъ“, коллективистская школа желаетъ передать государству, продолжая такимъ образомъ традицію римскую, королевскую, якобинскую и наполеоновскую²⁾. Все предшествующее изложеніе свидѣтельствуетъ намъ, что эта школа идетъ противъ фактовъ, такъ какъ ея система сохранять государство личное и суверенное, между тѣмъ какъ это государство, къ счастью, или умерло или приближается къ смерти. Если бы восторжествовала коллективистская доктрина, она надѣлила бы государство еще болѣе чудовищной властью, чѣмъ та, которая вышла изъ революціи. Это знаменовало бы собою уничтоженіе индивида и возвратъ къ варварству.

Конечно, наши современные общества, развиваются, что бы тамъ ни говорили, не въ сторону такого управленія, а въ направленіи къ экономическому и чинѣвичьему синдикализму, основныя черты котораго я изобразилъ.

Въ началѣ этихъ лекцій я привелъ слова А. Матера, который надѣялся, что въ новомъ экономическомъ строѣ „юристовъ больше не будетъ, такъ же, какъ и священниковъ и военныхъ“. Какъ и онъ, я желалъ бы, чтобы въ обществѣ будущаго не было ни священниковъ, ни военныхъ. Но юристы будутъ существовать непременно и даже займутъ наиболѣе важное мѣсто, такъ какъ въ ихъ компетенцію войдетъ опредѣленіе функцій и обязанностей каждаго индивида и каждаго класса. Юристы будутъ стремиться, какъ этого хотѣлъ Огюстъ Контъ, къ утвержденію того положенія, что никто не имѣетъ иного права, кромѣ права выполнять свой долгъ. Наконецъ, я отъ всей души желаю, чтобы въ этомъ новомъ возрожденномъ обществѣ перевелись демагоги.

¹⁾ Огюстъ Контъ, *Système de politique positive*, изд. 1892, I, стр. 156.

²⁾ Ср. *Dazet*, *Lois collectivistes pour l'an 19...*, 1907; *E. Buisson*, *Le parti socialiste et les syndicats ouvriers*, 1907; *G. Renard*, *Le socialisme à l'oeuvre*, 1907.

Фердинандъ Лассаль.

СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦІИ.

Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ въ 1862 году.

Съ портретомъ автора и предисловіемъ Эд. Бернштейна.

Перевелъ А. Бэтта.

Федеральное агентство по управлению
Федеральное агентство по управлению

САМНОСТЬ

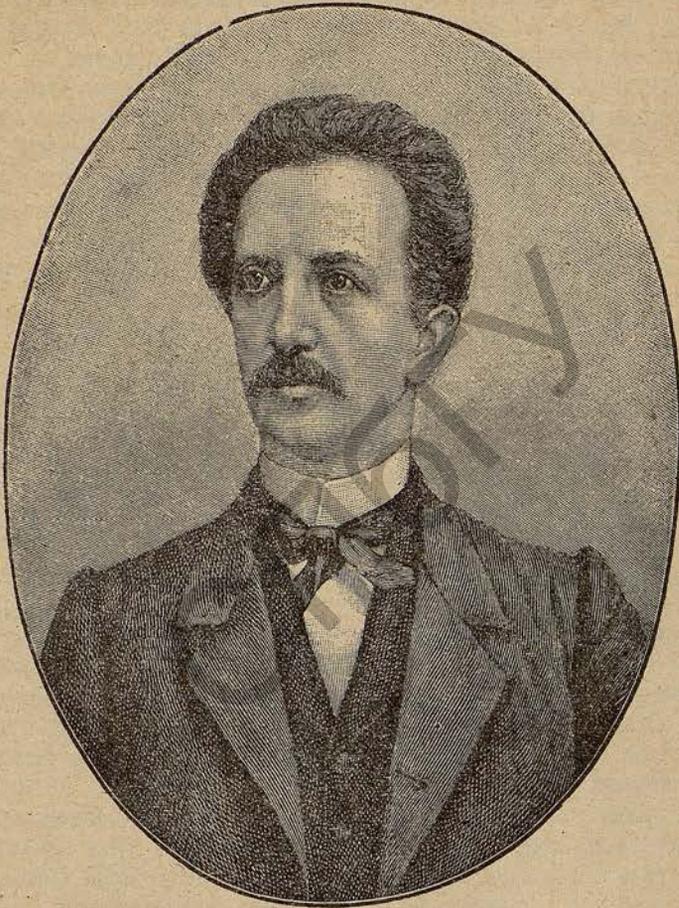
КОНСТИТУЦИЯ

Вопросы и ответы по конституции РФ

Вопросы и ответы по конституции РФ

СПЕГ

Вопросы и ответы по конституции РФ

Фердинандъ Лассаль.

СП6ГУ

Предисловіе.

Объявленная съ наступленіемъ регентства принца Вильгельма, въслѣдствіи короля Вильгельма I, „новая эра“ уже на исходѣ 1860 года приходила къ концу. Принцъ-регентъ былъ очень робокъ по отношенію къ задающимъ тонъ въ палатѣ господъ юнкерамъ, а въ итальянскомъ вопросѣ онъ неожиданно провозгласилъ легитимистскій принципъ съ такой рѣзкостью, которая должна была положить конецъ всѣмъ иллюзіямъ насчетъ его „либерализма“. Но ни слабодушное либеральное большинство палаты, ни само правительство еще не доводили дѣла до открытаго разрыва. Все же въ палатѣ отъ старо-либеральной партіи отдѣлилась фракція „Jung - Lithauen“ съ болѣе радикальной программой, и дѣломъ 1861 года изъ этой фракціи образовалась „нѣмецкая прогрессивная партія“, скоро пустившая корни во всей странѣ. Ея вліяніе усилилось еще болѣе, когда въ октябрѣ 1861 года Вильгельмъ, ставшій уже королемъ, короновался въ Кенигсбергѣ и при этомъ демонстративно показалъ, что „Божія милость“ покоится на гогенцоллернской династіи. Депутатіи отъ ландтага онъ сказалъ: „Короли Пруссіи получаютъ корону отъ Бога. Я возьму поэтому свою корону завтра съ Божьяго престола и возложу ее на себя. Вотъ въ чемъ значеніе царствованія Божіею милостью, вотъ въ чемъ святость короны, которая неприкосновенна. Съ короною связаны теперь новыя учрежденія, призванныя подавать совѣты коронѣ. Я буду прислушиваться къ этимъ совѣтамъ“. Такое заявленіе было несомнѣннымъ отклоненіемъ всякихъ притязаній палаты оказывать значительное вліяніе на управление страной; это было фактическимъ объявленіемъ конституціоннаго конфликта, такъ какъ прусская конституція давала палатѣ депутатовъ нѣсколько болѣе правъ, чѣмъ только „помощь королю своими совѣтами“. Избиратели отвѣтили тѣмъ, что во время новыхъ выборовъ 6 декабря 1861 года они послали въ нижнюю палату членовъ прогрессивной партіи въ такомъ количествѣ, что послѣдняя тотчасъ сдѣлалась тамъ вліятельной, Правительство одинъ моментъ колебалось. Министры вели переговоры, но сдѣланное палатою 6 марта 1862 г. предложеніе правительству увеличить детализацію росписи государственныхъ расходовъ привело къ открытому разрыву. Министры вышли въ отставку, и король распустилъ палату. Было образовано новое министерство, усиленное сторонниками юнкерской и клерикальной партій: Лише, Мюллеромъ и Иппеншлицемъ,—съ цѣлю энергично противоудѣйствовать заподозрѣваніямъ правительства въ дурныхъ намѣреніяхъ и ложному направленію общественнаго мнѣнія, обнаружившемуся на послѣднихъ выборахъ; министры логически заключили отсюда, что для производства новыхъ выборовъ нужно привести въ движеніе весь бюрократическій аппаратъ. Самые выборы были назначены на 6 мая 1862 года.

Ко времени подготовительной кампаніи для этихъ выборовъ и относится рѣчь Лассала о „сущности конституціи“, произнесенная въ либеральныхъ ферейнахъ цѣлаго ряда округовъ. Этотъ докладъ есть лучшее произведеніе Лассала. Теоретикъ - идеалистъ показываетъ

себя въ немъ практикомъ - реалистомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова. Безстрашно онъ влагаетъ свои персты въ раны и показываетъ слушателямъ, гдѣ корень зла. Ясно и недвусмысленно, въ превосходномъ сжатомъ изложеніи, разъясняетъ онъ, въ чемъ заключается сущность спора и доказываетъ, что споръ этотъ только тогда можетъ быть приведенъ къ удовлетворительному концу, когда поймутъ его истинную природу, какъ вопроса силы, и сообразно этому будутъ дѣйствовать.

Разумѣется, и вожди либеральной партіи знали, что въ конституціонномъ конфликтѣ дѣло заключается именно въ силѣ, но они думали, что поступаютъ необыкновенно умно, не заявляя объ этомъ открыто. Они желали „конституціонно“ выторговать у правительства фактическую силу и рассчитывали при этомъ на сверхъестественную власть общественнаго мнѣнія, что Лассаль въ своей рѣчи назвалъ „общественной совѣстью“, правильно замѣтивъ, что „въ извѣстныхъ предѣлахъ“ и она можетъ составить часть конституціи. Для либераловъ она была в сѣ м ѣ, и поэтому они ставили вопросъ о конституціи, какъ чисто правовой вопросъ, какъ споръ о формальномъ правѣ, которое, конечно, было на сторонѣ палаты. При такихъ обстоятельствахъ руководящимъ лицамъ либеральной партіи не могла быть пріятной рѣчь Лассалья, въ которой онъ строго логически выводилъ крайнія слѣдствія изъ разразившагося конфликта. Правда, Лассаль благоразумно воздержался отъ какихъ-либо спеціальныхъ практическихъ выводовъ ихъ своихъ сопоставленій, но ихъ революціонный смыслъ не подлежалъ никакому сомнѣнію. Эта рѣчь скорѣе была по вкусу реакціонерамъ. Если либералы затушевывали вопросъ силы, за которымъ скрывался вопросъ права, то задача приверженцевъ консервативной „Крестовой Газеты“ состояла въ томъ, чтобы представить требованія лѣвой какъ революціонное посягательство на прерогативы короны. Имъ, чувствовавшимъ за собою силу штыковъ, казалось необыкновенно цѣлесообразнымъ еще разъ напомнить о существующихъ отношеніяхъ съ точки зрѣнія силы. Кромѣ того, дѣятели „Крестовой Газеты“ считали удобнымъ воспользоваться отношеніемъ Лассалья къ вождямъ прогрессивной партіи, насколько можно было вычитать объ этомъ между строкъ изъ различныхъ мѣстъ его доклада. Это также входило въ ихъ планы. Уже на выборахъ 1861 года „Крестовая Газета“ предложила своей партіи заключить союзъ съ представителями послѣдовательной демократіи противъ либераловъ, и когда избраніе выборщиковъ въ апрѣлѣ 1862 г. обнаружило побѣду прогрессивной партіи по всей линіи, консервативная партія предлагала всеобщее избирательное право на томъ основаніи, что трехклассная система несправедлива: этимъ она надѣялась залучить къ себѣ другихъ, какъ она привлекла уже на свою сторону братьевъ Бауэровъ. Статья, посвященная „Крестовой Газетой“ докладу Лассалья, такъ знаменательна для положенія вещей въ то время, что нелишне привести ее здѣсь дословно:

„Вторымъ (симптомомъ) является для насъ цитированная нами (въ № 122) рѣчь д-ра Лассалья, въ свое время очень извѣстнаго революціонера-еврея, который благодаря своему вѣрному инстинкту все угадалъ, хотя и не сказалъ намъ всего, что знаетъ и думаетъ. Глубокое презрѣніе къ писаной конституціи, ясное сознаніе того, что фактическія обстоятельства и реальныя соотношенія силъ есть дѣйствительная и единственная конституція страны, при чемъ солдатамъ и даже пушка онъ отводитъ въ конституціи очень важную и рѣшающую роль, — изъ этихъ двухъ предпосылокъ, комбинированныхъ вмѣстѣ, вытекаетъ заключительный выводъ, что поэтому прежде всего и больше всего нужно стремиться измѣнить фактическія обстоятельства и соотношенія силъ и, въ особенности, разоружить побѣжденныхъ. Въ его утвержденія вкралась лишь одна ошибка, а именно: въ 1848 году демократія вовсе не побѣдила, а только сама повѣрила этой лжи и другихъ убѣдила въ ней; поэтому, какъ только горячка прошла, опять вступило въ свои права реальное соотношеніе силъ. Кромѣ того, д-ръ Лассаль обладаетъ слухъ

комъ яснымъ умомъ, чтобы не знать, что „реальное соотношеніе силъ“ въ состояніи измѣнить только тотъ, кто сильнѣе, или другими словами, что всякое правительство, располагающее силами страны,—арміей, финансами и всѣмъ механизмомъ управленія,—только само себя можетъ погубить и низвергнуть. Вотъ почему либерализмъ, „который вводитъ въ заблужденіе князей насчетъ своей силы честностью и лойяльностью“, есть самый опасный возбудитель демократіи и революціи; вотъ почему насъ и радуетъ это интересное зрѣлище, когда партія переворота послѣ увѣреній въ своей почтительности и лойяльности выступаетъ открыто противъ короны. Корона „Божіей милостью“ сидитъ на головахъ своихъ носителей такъ крѣпко, что никакая другая рука, кромѣ ихъ собственной, не въ состояніи снять ее! Поэтому настоящая опасность для короны заключается только въ той лжи и лицемеріи, которыми думаютъ склонить королей къ добровольному отказу отъ короны“.

Практически эта статья имѣла въ виду дать совѣтъ королю, который все еще колебался, предаться ли тѣломъ и душой „Крестовой Газетѣ“. Такой задачѣ соответствовало и положеніе, что „всякое правительство только само себя можетъ погубить и низвергнуть“. Это означало по-нѣмецки: никакого компромисса, никакой уступки палатѣ, Ваше Величество! Всякая уступка есть доказательство слабости, ведетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ и, наконецъ, къ гибели власти „Божіей милостью“. Поэтому: будь твердъ, король. Этотъ не разъ повторявшійся призывъ попалъ на благодарную почву.

Мнѣніе, что демократія въ 1848 году не побѣдила, есть, конечно, реакціонная плутня. Фактически 19 марта 1848 года пала абсолютная власть „Божіей милостью“. И если она все же такъ быстро оправилась, то только потому, что либеральная буржуазія оказалась не въ состояніи использовать столь значительную побѣду. Въмѣсто того, чтобы можно скорѣе обезпечить за собою фактическую силу, спорили о формальностяхяхъ такъ долго, что время для созданія прочныхъ основъ писаной конституціи было упущено. Подробно объ этомъ говорится въ самой рѣчи Лассалья

Было бы очень интересно выяснить, какой приѣмъ нашла себѣ рѣчь Лассалья у слушателей прогрессивно-настроенныхъ ферейновъ берлинскихъ округовъ, передъ которыми онъ ее произносилъ. Въ просмотрѣнных мною газетахъ за то время объ этомъ ничего не говорится.

Въ это время мѣстная хроника въ Берлинѣ находилась еще почти въ пленкахъ, и, поскольку дѣло шло о политическихъ вопросахъ, избирательная борьба претендовала на полное подчиненіе себя всѣхъ интересовъ. Рѣчь же Лассалья не была избирательною. Поэтому прогрессивные органы игнорировали ее, и только послѣ выхода ея изъ печати она обратила на себя вниманіе широкихъ круговъ.

Эд. Бернштейнъ.

Самъ Лассаль предпослалъ печатному изданію своей рѣчи слѣдующее предисловіе:

Предисловіе.

Настоящее небольшое произведеніе первоначально не предназначалось для печати, представляя собою докладъ, произнесенный мною по приглашенію ферейна одного изъ мѣстныхъ избирательныхъ округовъ. Вслѣдствіе неоднократныхъ просьбъ о напечатаніи доклада я рѣшилъ опубликовать его безъ измѣненій.

Ф. Лассаль.

Господа! Я получилъ приглашеніе сдѣлать докладъ въ этомъ почтенномъ собраніи и избралъ для этого предметъ, который самъ за себя говоритъ, такъ какъ никогда не утратитъ своего животрепещущаго интереса. Темою доклада будетъ сущность конституціи.

Предварительно замѣчу, что моя рѣчь будетъ строго научной. Тѣмъ не менѣе или, правильнѣе, именно поэтому каждый изъ васъ сможетъ прослѣдить ее отъ начала до конца и вполне уяснить себѣ ея содержаніе.

Научность, господа,—не худо напомнить объ этомъ,—заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ той ясности мышленія, которая не дѣлаетъ заранѣе предположеній, шагъ за шагомъ все выводитъ изъ себя самой, и именно поэтому съ непреодолимой силой овладѣваетъ умомъ каждого достаточно внимательнаго слушателя.

Эта ясность мысли не нуждается въ какихъ-нибудь особыхъ предпосылкахъ. Напротивъ, она заключается, какъ я ранѣе замѣтилъ, въ свободѣ мышленія, все выводящаго изъ самого себя, отъ предвзятыхъ предположеній. Она не терпитъ предубѣжденій и требуетъ, чтобы слушатели не приносили съ собою ни предвзятыхъ мнѣній, ни укоренившихся въ нихъ предразсудковъ. Какъ бы часто ни думали и ни говорили раньше о данномъ явленіи, нужно всегда вновь изслѣдовать его такъ, какъ будто о немъ ничего неизвѣстно, и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на время изслѣдованія, отречься отъ того мнѣнія, которое сложилось у насъ объ этомъ явленіи.

Итакъ, я начинаю свой докладъ вопросомъ: что такое конституція? Въ чемъ состоитъ ея сущность?

Господа, въ настоящее время всѣ съ утра до вечера говорятъ о конституціи. Во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ ресторанахъ—нескончаемый разговоръ о конституціи. И, тѣмъ не менѣе, если я серьезно поставлю свой вопросъ, въ чемъ сущность конституціи, какъ опредѣлить ее, то боюсь, что изъ всѣхъ говорящихъ о ней очень немногіе будутъ въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ.

Многіе сдѣлаютъ попытку найти рѣшеніе вопроса въ собраніи прусскихъ законовъ 1850 года и оттуда извлечь конституцію Пруссіи.

Но вы тотчасъ убѣдитесь, что это—не отвѣтъ на заданный мною вопросъ. То, что заключается въ сводѣ, составитъ лишь содержаніе опредѣленной, а именно прусской конституціи и ни въ какомъ случаѣ не дастъ отвѣта на вопросъ: въ чемъ сущность конституціи вообще?

Если я предложу этотъ вопросъ юристу, онъ отвѣтитъ мнѣ приблизительно такъ: „конституція—скрѣпленный присягою договоръ между королемъ и народомъ, опредѣляющій основные принципы законодательства и управленія страной“. Возможно, что онъ даетъ болѣе общее опредѣленіе, такъ какъ существуютъ еще республиканскія конституціи: „конституція есть провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающій для данной націи организацію публичнаго права“. Но всѣ эти и подобныя формальныя юридическія опредѣленія такъ же далеки отъ

истиннаго отвѣта на поставленный мною вопросъ, какъ и предыдущій отвѣтъ. Всѣ эти отвѣты даютъ лишь внѣшнее описаніе того, какъ происходитъ конституція, и что она дѣлаетъ, но не выясняютъ, въ чемъ состоитъ ея сущность. Они сообщаютъ критеріи, признаки, по которымъ внѣшнимъ образомъ и юридически можно узнать конституцію. Но они ничего не говорятъ намъ о томъ, каково понятіе ея. Поэтому они оставляютъ насъ въ полномъ невѣдѣніи насчетъ того, хороша или плоха, возможна или невозможна, продолжительна или непродолжительна ея своею существованіемъ опредѣленная конституція. Обо всемъ этомъ можно было бы судить, лишь располагая понятіемъ о конституціи. Прежде всего необходимо имѣть общее опредѣленіе ея, чтобы знать, соответствуетъ ли ему опредѣленная конституція, и какъ она къ нему относится. Но въ этомъ отношеніи намъ ничего не говорятъ чисто юридическія, внѣшнія опредѣленія, которыя можно съ равнымъ правомъ примѣнить къ любому листу бумаги, подписанному націей и ея королемъ, назвавъ этотъ листъ конституціей, каково бы ни было его содержаніе. Понятіе конституціи, — вы въ этомъ убѣдитесь, какъ только мы найдемъ его, — есть источникъ всего конституціоннаго искусства и мудрости, легко изъ него вытекающихъ.

Итакъ, я снова повторяю свой вопросъ: что такое конституція, въ чемъ ея сущность, каково понятіе ея?

Такъ какъ, господа, мы этого еще не знаемъ, — мы только сообщая должны найти отвѣтъ, — то для полученія его изберемъ методъ, къ которому вообще всегда хорошо прибѣгать, если требуется ясное понятіе о предметѣ. Методъ этотъ очень простъ и состоитъ въ томъ, что предметъ искомаго понятія сравнивается съ какимъ-нибудь другимъ однороднымъ предметомъ, и выводится ясно и точно существующее между ними различіе.

Итакъ, примѣняя теперь этотъ методъ, я спрошу: чѣмъ отличаются другъ отъ друга конституція и законъ?

И конституція, и законъ, очевидно, по существу однородны. Конституція должна имѣть силу закона, должна быть закономъ. Однако, она должна быть не только закономъ, но чѣмъ-то больше закона. Слѣдовательно, въ этомъ лежитъ ихъ различіе между собою. Что конституція не просто законъ, а нѣчто большее, доказывается сотнями фактовъ.

Вы ничего не находите дурнаго въ томъ, господа, что издаются новые законы. Больше того: вы считаете необходимымъ, чтобы каждый годъ издавалось большее или меньшее количество новыхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя издать ни одного новаго закона безъ того, чтобы онъ не измѣнилъ существующихъ законныхъ отношеній. Если бы новый законъ не вносилъ никакихъ измѣненій въ существующій законный строй, то былъ бы совершенно излишнимъ и даже не былъ бы изданъ. Итакъ, вы не считаете дурнымъ измѣненіе законовъ, а, напротивъ, признаете его вообще нормальной задачей правительства. Но какъ только затронуть вашу конституцію, вы, негодуя, поднимаете крикъ: „посагательство на конституцію!“ Откуда это различіе? А оно до того очевидно, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ даже было твердо установлено: конституція не подлежитъ измѣненію; въ другихъ, измѣненіе допускается только при согласіи на него $\frac{2}{3}$ голосовъ законодательнаго собранія, а не простого большинства; согласно третьимъ, законодательное собраніе лишено права, даже въ союзѣ съ правительственными властями, вводить измѣненія въ конституцію, если же намѣченъ ея пересмотръ, то должно быть избрано странною экстренное, новое собраніе представителей *ad hoc*.

Всѣ эти факты говорятъ за то, что, по общему представленію народовъ,

конституція отличается болѣе священнымъ, болѣе прочнымъ и неизмѣннымъ характеромъ, чѣмъ обыкновенный законъ.

Итакъ, я снова возвращаюсь къ своему вопросу: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: конституція—не просто законъ, какъ всякій другой, а основной законъ страны. Весьма вѣроятно, что въ этомъ отвѣтѣ въ неясной формѣ содержится истина, но это мало помогаетъ намъ, ибо тотча съ же возникаетъ вопросъ: чѣмъ же отличается обыкновенный законъ отъ основного? Значить, мы нисколько не подвинулись впередъ. Мы получили только новое названіе „основной законъ“, которое не поможетъ намъ до тѣхъ поръ, пока мы не выяснимъ разницы между основнымъ закономъ и закономъ вообще.

Итакъ, подойдемъ къ дѣлу ближе и опредѣлимъ, какія представленія заключаются въ словахъ „основной законъ“, другими словами: чѣмъ долженъ отличатся основной законъ отъ другого закона, чтобы первый могъ оправдать свое названіе основного закона?

Основной законъ долженъ:

1) быть закономъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ всякій другой обыкновенный законъ; на это указываетъ названіе „основной“;

2) въ качествѣ основного быть основаніемъ другихъ законовъ, т. е. постоянно проявляться въ другихъ, обыкновенныхъ законахъ, дѣйствовать въ нихъ.

3) Но предметъ, имѣющій свое основаніе, не можетъ уже по произволу быть такимъ или другимъ; напротивъ, онъ долженъ оставаться такимъ, каковъ онъ есть. Быть инымъ основаніе не допускаетъ. Лишь случайное явленіе можетъ быть не только такимъ, каково оно есть, но еще и инымъ. То, что имѣетъ свое основаніе, не можетъ не оставаться самимъ собою. Планеты, напримѣръ, имѣютъ извѣстное направленіе. Это движеніе либо опредѣляется какой-нибудь причиной, либо нѣтъ. Если нѣтъ, то это движеніе случайно и можетъ въ каждый моментъ быть инымъ. Но если оно имѣетъ для себя основаніе,—какъ говорятъ естествоиспытатели, въ притягательной силѣ солнца,—то этимъ уже сказано, что силой притяженія солнца, какъ основаніемъ, опредѣляется и регулируется движеніе планетъ такъ, что оно не можетъ быть инымъ, чѣмъ оно есть. Такимъ образомъ, въ представленіи объ основаніи лежитъ идея дѣятельной необходимости, дѣйствующей силы, которая необходимо дѣлаетъ это основаніе тѣмъ, чѣмъ оно является въ дѣйствительности.

Итакъ, если конституція составляетъ основной законъ страны,—и здѣсь, господа, мы видимъ предъ собою мельканіе первыхъ лучей свѣта,—то слѣдовало бы опредѣлить ее точнѣе; какъ мы пока нашли, она—постоянно дѣйствующая сила, которая устанавливаетъ въ странѣ всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, необходимо дѣлая ихъ тѣмъ, чѣмъ они являются, такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе другіе законы, кромѣ именно этихъ.

Но существуетъ ли въ странѣ что-нибудь такое, господа,—при этомъ вопросѣ свѣтъ истины окончательно разсѣиваетъ всякій мракъ,—существуетъ ли какая-нибудь опредѣляющая, постоянно дѣйствующая сила, которая вліяла бы на всѣ законы, издаваемые въ странѣ, такъ, чтобы они въ извѣстной степени были неизбѣжно такими, а не иными.

Да, конечно, господа, есть нѣчто такое, и этимъ нѣчто являются реальныя соотношенія силъ, существующія въ данномъ обществѣ, т. е. та постоянно дѣйствующая сила, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія этого общества такъ, что они по существу не могутъ быть иными, чѣмъ каковы они на дѣлѣ.

Спѣшу пояснить это осязательнымъ примѣромъ. Этотъ примѣръ, въ той формѣ, въ какой я его привожу, правда, совершенно невозможенъ. Но, хотя даже нѣсколько позже мы, можетъ быть, убѣдимся, что этотъ же примѣръ въ другой формѣ вполне возможенъ, дѣло вообще не въ томъ, можетъ ли нашъ примѣръ стать дѣйствительностью или нѣтъ, а только въ томъ, что на немъ мы хотимъ изучить природу явленій, которая обнаружилась бы въ случаѣ его осуществленія.

Извѣстно, господа, что въ Пруссіи имѣетъ законную силу только то, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ главной придворной типографіи Деккера. Оригиналы законовъ сохраняются въ опредѣленныхъ государственныхъ архивахъ; печатныя собранія законовъ—въ другихъ архивахъ, бібліотекахъ и магазинахъ.

Предположимъ теперь, что случился громаднѣйшій пожаръ, въ родѣ гамбургскаго, и что въ немъ сгорѣли всѣ эти государственные архивы, бібліотеки, магазины и главная придворная типографія Деккера, и что, по странному стеченію обстоятельствъ, то же самое произошло и въ другихъ городахъ монархіи, что сгорѣли даже частныя бібліотеки, въ которыхъ имѣлись собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не существуетъ болѣе ни одного закона въ достовѣрной формѣ.

Это несчастіе лишило бы страну всѣхъ ея законовъ, и ей ничего не оставалось бы, какъ издавать новые законы.

Неужели вы, господа, думаете, что въ этомъ случаѣ можно дѣйствовать какъ угодно, издавая новые законы совершенно произвольно? Посмотримъ.

Допустимъ, вы сказали бы: законы погибли, создадимъ новые законы, но при этомъ мы не желаемъ дать королевской власти того положенія, которое она до сихъ поръ занимала, или даже: мы хотимъ ее совсѣмъ устранить.

Тогда король просто возразилъ бы: пусть законы погибли, но, вѣдь, въ дѣйствительности армія повинуетъ мнѣ, выступаетъ по моему приказу, въ дѣйствительности по моему распоряженію коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ пушки, и артиллерія двинется съ ними на улицу, опираясь на эту фактическую силу, я не допущу, чтобы вы дали мнѣ не то положеніе, какого я желаю.

Вы видите, господа, король, которому повинуются войска и пушки, это—часть конституціи!

Или возьму другой случай. Вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ. Среди этихъ 18 милліоновъ почти совершенно тонетъ ничтожное количество крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Мы не понимаемъ, почему это незамѣтное число дворянъ-землевладѣльцевъ пользуется такимъ вліяніемъ, какъ и всѣ 18 милліоновъ вмѣстѣ, посылая своихъ представителей въ палату господъ, которая обсуждаетъ рѣшенія палаты депутатовъ, избранной всей націей, и отвергаетъ тѣ изъ нихъ, которыя на что-нибудь годятся. Мы всѣ—„господа“, сказали бы вы, и больше не хотимъ особой палаты господъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ крупныя дворяне-землевладѣльцы не могли бы повести противъ васъ своихъ крестьянъ! Напротивъ, они, по всей вѣроятности, должны были бы прежде всего позаботиться о спасеніи самихъ себя отъ крестьянъ.

Но крупныя дворяне-землевладѣльцы всегда пользовались большимъ вліяніемъ при дворѣ и у короля и, благодаря этому вліянію, съ такимъ же успѣхомъ могли бы выслать за себя войска и пушки, какъ если бы эта могущественная сила находилась въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Итакъ, господа, вы видите, что дворянство, имѣющее вліяніе на дворъ и короля, есть часть конституціи.

Предположимъ и обратный случай: король и дворянство согласились бы возстановить средневѣковое цеховое устройство не только для мелкаго производства, какъ это уже и пытались осуществить отчасти нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ средніе вѣка, т. е. во всемъ общественномъ производствѣ, а, слѣдовательно, и въ крупной фабричной промышленности, и въ машинномъ производствѣ. Господа, вамъ извѣстно, что при средневѣковомъ цеховомъ строѣ существованіе крупнаго капитала было невозможно, что крупная промышленность, машинное производство при средневѣковой цеховой системѣ были немислимы. Тогда, напримѣръ, всюду существовали установленныя закономъ перегородки для различныхъ, даже самыхъ близкихъ и родственныхъ другъ другу частей производства, и ни одинъ промышленникъ не могъ соединять двѣ отрасли труда. Штукатурщику нельзя было замазывать щели, между кузнецами и слесарями велись нескончаемые процессы относительно границъ ихъ ремеслъ, набойщикъ не могъ взяться за работу красильщика. Кромѣ того, при цеховой системѣ были точно урегулированы въ законѣ размѣры производства промышленника, и въ то же время въ каждомъ мѣстѣ въ каждомъ производствѣ мастеру можно было пользоваться только равнымъ, установленнымъ въ законѣ количествомъ рабочихъ силъ.

Уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинное, при цеховомъ устройствѣ не могло бы существовать и дня. Вѣдь, крупное производство требуетъ для себя, какъ живительнаго воздуха, во-первыхъ, соединенія различныхъ отраслей труда въ рукахъ одного и того же крупнаго капиталиста и, во-вторыхъ, массоваго производства и свободной конкуренціи, т. е. возможности примѣнять рабочія силы въ неограниченныхъ размѣрахъ.

Что же вышло бы изъ попытки ввести теперь цеховое устройство?

Господа Борзигъ, Эгельсъ и др. крупные хлопчатобумажные, шелковые и прочіе фабриканты закрыли бы свои фабрики, распустили бы своихъ рабочихъ; даже дирекціи желѣзныхъ дорогъ вынуждены были бы сдѣлать то же, торговля и промышленность остановились бы, громадное число ремесленныхъ мастеровъ, отчасти по необходимости, отчасти добровольно, распустили бы своихъ подмастерьевъ, и вся эта безконечная масса людей двинулась бы по улицамъ, требуя хлѣба и работы, а за ней стояла бы, поощряя ее своимъ вліяніемъ, одобряя своимъ значеніемъ, поддерживая деньгами, крупная буржуазія, и вспыхнула бы борьба, въ которой побѣда отнюдь не могла бы остаться за войскомъ.

Итакъ, вы видите, господа, что гг. Борзигъ, Эгельсъ, вообще крупные фабриканты—часть конституціи.

Представимъ далѣе такой случай: правительство захотѣло бы принять мѣры, рѣшительно противорѣчащія интересамъ крупныхъ банкировъ. Такъ, напримѣръ, правительство рѣшило бы, что королевскій банкъ не долженъ служить, какъ служить въ настоящее время, крупнымъ банкирамъ и капиталистамъ, которые и безъ того пользуются всѣми деньгами и кредитомъ, и которые теперь одни могутъ дисконтировать въ банкѣ свои векселя, т. е. получать кредитъ; королевскій банкъ не долженъ удешевлять имъ кредитъ еще болѣе; задачей банка должно стать открытіе кредита бѣднымъ и людямъ средняго достатка, и нужно поэтому организовать королевскій банкъ такимъ образомъ, чтобы онъ соответствовалъ своей новой задачѣ. Удастся ли это, господа?

Правда, изъ-за этого не вспыхнуло бы возстанія. Но для современнаго правительства это невозможно.

Временами, господа, правительство нуждается въ такихъ деньгахъ, въ такой массѣ денежныхъ средствъ, что оно не рѣшается получать ихъ въ формѣ налоговъ. Въ этомъ случаѣ оно обращается къ поѣданію будущихъ средствъ, т. е. дѣлаетъ займы и взаимнѣ выдаетъ государственныя бумаги. Для этого нужны банкиры. Правда, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ возвращается въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ капиталистовъ, но для этого требуется время и часто очень продолжительное. Правительству же необходимы деньги сейчасъ и при томъ всё или по частямъ, въ нѣсколько сроковъ; для этого оно нуждается въ посредникахъ, которые дали бы ему нужную сумму сполна и взяли на себя сбытъ государственныхъ бумагъ, полученныхъ взаимнѣ денегъ, въ теченіе опредѣленнаго времени, среди публики. При этомъ, посредники еще получаютъ выгоду отъ повышенія курса на биржѣ, которое искусственно вызываютъ бумаги. Эти посредники—крупные банкиры, и потому правительство не можетъ въ настоящее время съ ними не ладить.

Итакъ, господа, вы видите: банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще биржа—это часть конституціи.

Приведу затѣмъ такой случай: допустимъ, правительство захотѣло издать уголовный законъ, согласно которому, какъ это существуетъ въ Китаѣ, за кражу, совершенную кѣмъ-нибудь, наказывается его отецъ. Это оказалось бы неосуществимо, такъ какъ шло бы противъ общаго уровня культуры, противорѣчило бы общественной совѣсти. Всѣ чиновники (даже тайные совѣтники) воспротивились бы этому, и запротестовали бы даже сами члены палаты господъ. Отсюда, господа, вы видите, что въ извѣстныхъ границахъ и общественная совѣсть, общій уровень культуры, тоже составляетъ часть конституціи.

Или предположимъ, что правительство рѣшило удовлетворить дворянство, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ, но зато вознамѣрилось лишить мелкую буржуазію и рабочихъ политической свободы. Удалось ли бы это? Безъ сомнѣнія, господа, на время это удалось бы, мы даже видѣли, что это удается, на чемъ у насъ будетъ еще случай остановить свое вниманіе ниже.

Теперь допустимъ, что мелкую буржуазію и рабочихъ хотятъ лишить не только ихъ политической власти, но и личной свободы, объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными, подданными помѣщиковъ, какъ это было во многихъ странахъ въ далекое, далекое время среднихъ вѣковъ. Возможно ли это? Разумѣется, нѣтъ, если бы даже для этого объединились король, дворянство и вся крупная буржуазія. Въ этомъ случаѣ вы сказали бы: пусть лучше убьютъ насъ, но этого мы не потерпимъ. Рабочіе выйдутъ на улицы, даже безъ того, чтобы Борзигъ, Эгельсъ закрыли свои фабрики, вся мелкая буржуазія придетъ имъ на помощь, и тогда это соединенное сопротивленіе побѣдить было бы очень трудно. Слѣдовательно, въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ, и вы всё—часть конституціи.

Итакъ, господа, мы теперь видимъ, что составляетъ конституцію страны; это—существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ.

Какъ же относится это къ тому, что обыкновенно называютъ конституціей? Теперь вы и сами видите, въ чемъ здѣсь дѣло!

Эти реальныя соотношенія силъ записываются на листѣ бумаги, имъ придають письменное выраженіе, и съ момента записи ихъ они становятся болѣе, чѣмъ фактическими соотношеніями силъ, а

именно — правами, правовыми учреждениями, и кто идет противъ нихъ, тотъ подлежить наказанію!

Вамъ, господа, теперь ясно также и то, какъ реальнымъ соотношеніямъ силъ придаютъ письменную форму, превращая ихъ тѣмъ самымъ въ правовыя.

Не пишутъ, конечно: господинъ Борзигъ — часть конституціи, г. Мендельсонъ — часть конституціи и пр., но выражаютъ это болѣе просвѣщенно.

Желають, напримѣръ, установить, чтобы небольшое число крупныхъ капиталистовъ имѣло въ монархіи столько же или болѣе власти, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые граждане, рабочіе и крестьяне, но боятся написать это въ откровенной и прямой формѣ. Тогда издають законъ въ родѣ октроированнаго въ 1849 году трехкласснаго избирательнаго закона, который дѣлитъ страну на три класса избирателей, сообразно величинѣ уплачиваемыхъ ими налоговъ, опредѣляемой, конечно, размѣрами ихъ капитала.

По официальнымъ спискамъ, господа, составленнымъ правительствомъ, въ 1849 году, послѣ изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона, во всей Пруссіи было:

3.255.600 избирателей, которые слѣдующимъ образомъ дѣлились на три класса:

къ первому избирательному классу во всей Пруссіи принадлежало 153.808 избирателей,

къ второму — 409.945,

къ третьему — 2.691.950.

Повторяю, господа, что цифры эти взяты изъ официальныхъ списковъ.

Отсюда мы видимъ, что 153.808 очень богатыхъ людей имѣютъ въ Пруссіи столько политической власти, сколько 2.691.950 мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ вмѣстѣ взятыхъ; дальше эти 153.808 очень богатыхъ людей и 409.945 умѣренно богатыхъ людей, составляющихъ второй классъ избирателей, имѣютъ ровно вдвое болѣе политической силы, чѣмъ всѣ другіе классы націи вмѣстѣ взятые, что 153.808 очень богатыхъ и большая половина 409.945 избирателей второго класса имѣютъ уже болѣе политической власти, чѣмъ другая половина умѣренно богатыхъ второго класса и 2.691.950 третьяго, вмѣстѣ взятыхъ.

Описаннымъ способомъ достигается тотъ же результатъ, какъ если бы въ конституціи грубо написали: богатый долженъ обладать политической властью, въ 17 разъ болѣе, чѣмъ другой гражданинъ, или такою же, какъ 17 другихъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона существовало введенное закономъ 8 апрѣля 1848 года всеобщее избирательное право, которое признавало за каждымъ гражданиномъ, независимо отъ того, богатъ онъ или бѣденъ, одинаковое избирательное право, одинаковую политическую власть, одинаковую возможность участвовать въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Не находите ли вы, господа, въ этой замѣнѣ одного закона другимъ оправданія того, о чемъ я уже говорилъ, а именно: что, къ сожалѣнію, легко отнять у васъ, мѣщанъ и рабочихъ, вашу политическую свободу, если только не лишать васъ вашихъ личныхъ благъ, тѣла и собственности, непосредственно и радикально? Вы позволили отнять у себя безъ труда избирательное право, и до сихъ поръ не слышно объ агитаціи въ пользу его возвращенія.

Если далѣе желаютъ установить въ конституціи, что небольшое число дворянъ-землевладѣльцевъ должно имѣть такую же власть, какъ богатые люди средняго достатка и неимущіе, т. е. такую же, какъ изби-

ратели всѣхъ трехъ классовъ вмѣстѣ взятыя, слѣдовательно, какъ вся нація, то опять-таки опасаются сказать это въ грубыхъ выраженіяхъ,—ибо замѣтите, господа, разъ навсегда: все ясное—непросвѣщенно,—и въ конституціи пишутъ: изъ представителей стараго, коренного землевладѣнія учреждается, съ нѣкоторыми несущественными дополненіями, палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности рѣшеній палаты депутатовъ, представляющей всю націю. Этой горсти родовитыхъ землевладѣльцевъ даютъ, такимъ образомъ, политическую власть перевѣшивать даже единогласную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Если хотѣть далѣе, чтобы король одинъ имѣлъ столько же или значительно болѣе политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ все населеніе страны даже вмѣстѣ съ дворянами-землевладѣльцами, тогда дѣлаютъ такъ:

Въ 47 ст. конституціи пишутъ: „Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи“, а въ ст. 108 говорятъ: „Армія конституціи не присягаетъ“. Въ связи съ этой статьей развиваютъ теорію, дѣйствительно сообщающую ей принципиальное обоснованіе, теорію, согласно которой король занимаетъ по отношенію къ войску совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ по отношенію къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ: для арміи онъ—не только король, но и нѣчто совершенно особое, таинственное и невѣдомое, для выраженія чего изобрѣтено слово „военный вождь“ (Kriegsherr), и потому палата депутатовъ или нація не имѣютъ отношенія къ арміи, не должны вмѣшиваться въ ея порядки и организацію, но только обязаны отпущать на нее деньги. И надо сознаться, господа (правда—прежде всего!), что эта теорія дѣйствительно имѣетъ извѣстное основаніе въ 108 статьѣ конституціи. Разъ установлено, что войско не присягаетъ конституціи, какъ это дѣлаютъ всѣ слуги государства и самъ король, то тѣмъ самымъ признается въ принципѣ, что армія стоитъ внѣ конституціи и ничего не имѣетъ съ нею общаго, что армія имѣетъ отношеніе исключительно къ особѣ короля, но не къ странѣ.

Послѣ того, какъ опредѣлено, что король замѣщаетъ всѣ должности въ арміи, и что она находится по отношенію къ нему въ особомъ положеніи, совершенно ясно, что король обладаетъ не только такой же политической властью, какъ и вся страна вмѣстѣ взятая, но въ десять разъ большей,—хотя бы даже въ дѣйствительности настоящая сила страны въ десять, двадцать и пятьдесятъ разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Армія—политическое орудіе короля, она организована, всегда въ сборѣ, строго дисциплинирована и въ любое время готова къ дѣйствію. Напротивъ, сила націи, господа,—хотя даже въ дѣйствительности она безконечно больше,—неорганизована. Воля народа, и особенно степень ея рѣшимости, не всегда извѣстна ея членамъ. Поэтому никто опредѣленно не знаетъ, сколько единомышленниковъ онъ можетъ найти. При томъ у населенія нѣтъ тѣхъ средствъ организованной силы, тѣхъ важныхъ основъ конституціи, о которыхъ мы уже говорили: именно,—пушекъ. Правда, пушки пріобрѣтаются на деньги гражданъ; правда, онѣ изготовляются и безконечно совершенствуются только благодаря развивающимся въ гражданскомъ обществѣ, наукамъ: физикѣ, техникѣ и т. д.; уже одно существованіе ихъ показываетъ намъ, какъ велика сила гражданского общества, каковы успѣхи науки, техническихъ искусствъ, фабричнаго и разнаго рода другихъ производствъ. Но, къ сожалѣнію, здѣсь-то и примѣнимъ стихъ Вергилія: *Sic vos non vobis!* Создаете вы, но не для себя! Пушки изготовляются всегда только для организованной силы; страна знаетъ, что эти дѣти ея, эти свидѣтели ея мощи, станутъ въ конфликтѣ

противъ нея. Вотъ причины, по которымъ меньшая, но организованная сила арміи часто продолжительное время господствуетъ надъ гораздо большей неорганизованной силой націи, пока, наконецъ, слишкомъ долгое временное руководство и правленіе государствомъ, противорѣчащія волѣ и интересамъ націи, не вызовутъ въ послѣдней рѣшимость противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство.

До сихъ поръ мы видѣли, господа, что представляютъ собою обѣ конституціи страны, дѣйствительная конституція, т. е. реальныя фактическія соотношенія силъ, составляющихъ общество, и писаная конституція, которую въ отличіе отъ первой можно назвать, ну, хотя бы листомъ бумаги.

Конституція въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ вамъ сейчасъ станеть ясно, имѣется въ каждой странѣ во всякое время, и нѣтъ болѣе ложнаго, ведущаго къ противорѣчивымъ выводамъ взгляда, чѣмъ очень распространенное, господствующее мнѣніе, что конституція составляетъ особенность новѣйшаго времени. Напротивъ, каждая страна необходимо обладаетъ реальной конституціей подобно тому, какъ хорошимъ или дурнымъ устройствомъ обладаетъ каждое тѣло, каждый организмъ.

Вѣдь, должны же существовать въ каждой странѣ какія-нибудь реальныя соотношенія силъ.

Когда задолго до французской революціи прошло вѣка, при абсолютной легитимной монархіи, Людовикъ XVI декретомъ отъ 3 февраля 1776 г. отмѣнилъ дорожную повинность, т. е. обязанность крестьянъ безвозмездно исправлять и проводить дороги, и для покрытія дорожныхъ расходовъ ввелъ особый налогъ, которымъ облагались также помѣстья дворянъ, французскій парламентъ, будучи противъ такого закона, возразилъ: „Le peuple de France est taillable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer“, т. е. французскій народъ (непривилегированные классы его) можно облагать податями и повинностями по произволу; это—часть конституціи, которую король не въ правѣ измѣнять.

Вы видите, господа, что тогда, какъ и теперь, говорили о конституціи и даже о такой, которая не подлежитъ измѣненію по волѣ короля. То, въ чемъ видѣли тогда конституцію, а именно—возможность обложенія низшихъ классовъ народа повинностями и податями по желанію и произволу, конечно, не было записано въ особомъ документѣ, гдѣ бы вмѣстѣ собраны были все права страны и важнѣйшіе принципы управленія, но явилось просто выраженіемъ фактическихъ соотношеній силъ средневѣковой Франціи. Низшіе классы среднихъ вѣковъ были такъ безсильны, что ихъ можно было, нисколько не считаясь съ ними, облагать податями и повинностями. Согласно такому соотношенію силъ и поступали. Народъ всегда обременяли налогами. Этотъ фактическій ходъ создалъ такъ называемые прецеденты, которые еще до сихъ поръ въ Англии играютъ, а въ средніе вѣка повсюду, играли, важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ.

Благодаря дѣйствительному угнетенію (иначе, впрочемъ, и быть не могло), высказывалось мнѣніе, что народъ обременять можно. Это мнѣніе становилось затѣмъ государственно-правовымъ принципомъ, на который въ аналогичныхъ случаяхъ дѣлались впослѣдствіи ссылки. Часто какому-нибудь особому обстоятельству, покоившемуся на фактическомъ соотношеніи силъ, придавали особенное выраженіе и признаніе на листѣ пергамента. Это порождало такъ называемыя franchises, вольности права, привилегіи, статуты: сословныя, профессиональныя, мѣстные и т. д.

Все эти явленія, прецеденты, государственно-правовыя принципы,

пергаменты, вольности, статуты, привилегіи вмѣстѣ взятые, составляли конституцію страны, и все это въ совокупности было только простымъ, наивнымъ выраженіемъ реальныхъ соотношеній общественныхъ силъ.

Итакъ, дѣйствительную конституцію имѣетъ каждая страна и во всякое время.

Отличительной особенностью новѣйшаго времени являются,—что очень важно постоянно и рѣзко подчеркивать,—не дѣйствительныя, а писаныя конституціи, или листы бумаги.

Въ новѣйшее время почти во всѣхъ государствахъ появилось стремленіе издавать писаную конституцію, которая бы въ одномъ документѣ, на листѣ бумаги соединила и утвердила все учрежденія и принципы управленія въ странѣ.

Откуда же это характерное стремленіе новѣйшаго времени?

Это опять—таки очень важный вопросъ, и только изъ отвѣта на него можно узнать, какъ браться за составленіе конституціи, что нужно думать относительно уже готовой конституціи, и какъ относиться къ ней,—короче говоря, только въ этомъ отвѣтѣ заключается все конституціонное искусство и вся конституціонная мудрость.

Итакъ, я спрашиваю: откуда возникаетъ это стремленіе новѣйшаго времени къ писанымъ конституціямъ, откуда оно могло возникнуть?

Дѣло заключается въ томъ, что въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ произошла перемѣна. Если бы такого измѣненія въ реальныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ не произошло, если бы все оставалось по-старому, то было бы совершенно невозможно и невысказимо, чтобы общество нуждалось въ новой конституціи. Оно довольствовалось бы старой или, въ крайнемъ случаѣ, собрало бы ея разрозненныя части въ одинъ документъ.

Какъ же происходитъ это измѣненіе въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ?

Представьте себѣ средневѣковое государство, слабо населенное (такими тогда были почти все государства), съ королемъ во главѣ и дворянствомъ, которому принадлежитъ большая часть земли въ государствѣ. Въ виду малочисленности населенія только ничтожная часть его могла заниматься промышленностью и торговлей; остальная, значительно большая часть нужна была для обработки земли и для производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ помѣстья и земли сосредоточивались болышею частью въ рукахъ дворянства, то населеніе находило себѣ занятія и работу у него въ качествѣ его вассаловъ, крѣпостныхъ, арендаторовъ и т. д.; но все эти отношенія, въ сущности, сводились къ одному: они дѣлали населеніе зависимымъ отъ дворянъ, вынуждая его служить имъ въ качествѣ вассаловъ и защищать ихъ во время войны. На излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, выручаемый дворянами съ помѣстій, они содержали въ своихъ замкахъ всадниковъ, оруженосцевъ и разнаго рода солдатъ.

Со своей стороны, король противъ этой силы дворянства, въ сущности, не имѣетъ никакой дѣйствительной силы, кромѣ содѣйствія тѣхъ дворянъ, которые изъявляли доброе желаніе (принудить ихъ было бы для него невозможной задачей) откликнуться на призывъ его къ войнѣ, и еще едва ли заслуживающей упоминанія помощи немногихъ и въ высшей степени слабо населенныхъ городовъ.

Какой же должна быть, господа, конституція такого государства?

Безъ сомнѣнія, она будетъ необходимымъ результатомъ реальныхъ соотношеній страны, которую мы сейчасъ разсмотрѣли.

Конституція будетъ сословной, дворянство—первымъ, во всѣхъ отно-

шеніяхъ господствующимъ сословіемъ. Безъ его согласія король не будетъ въ правѣ наложить ни одной копейки подати; среди дворянъ онъ—только *primus inter pares* (первый между равными).

Такою, господа, и была въ дѣйствительности въ средніе вѣка конституція Пруссіи и большинства другихъ государствъ.

Но представимъ себѣ далѣе такой случай: населеніе возрастаетъ все больше и больше. Промышленность и ремесла процвѣтаютъ, и благодаря этому появляются необходимыя средства къ существованію для все растущаго населенія, которое понемногу заполняетъ города. Капиталъ и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ гильдій. Что же происходитъ тогда?

Ростъ городского населенія, не зависящаго отъ дворянства, интересы котораго слишкомъ противоположны его интересамъ, прежде всего полезенъ для короля; съ этимъ ростомъ увеличивается число людей, способныхъ носить оружіе и находящихся въ распоряженіи короля; горожане и всѣ занятые въ промыслахъ очень страдаютъ отъ непрерывныхъ дворянскихъ распрей; въ интересахъ торговли и производства, гражданскаго спокойствія и безопасности, правосудія въ странѣ они охотно поддерживаютъ государя деньгами и людьми; съ помощью субсидій государь можетъ, когда онъ въ этомъ нуждается, составить достаточно серьезную военную силу, превосходящую силу сопротивляющихся дворянъ. Тогда государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянства, отнимать у него право вести войны; если дворянство нарушитъ законы страны, они станутъ разрушать его замки; и, наконецъ, когда съ теченіемъ времени, благодаря промышленности, денежное богатство и населеніе страны возрастутъ настолько, что король получитъ возможность составить постоянное войско, онъ двинетъ полки противъ собранія чиновъ, какъ великій курфюрстъ или какъ Фридрихъ Вильгельмъ I, сказавшій: „Je stabilirai die Souveränität wie einen rocher de bronze“ (я сдѣлаю свой суверенитетъ столь же незыблемымъ, какъ скала изъ бронзы); онъ уничтожитъ свободу дворянства отъ податей и положитъ конецъ его праву утверждать налоги.

Вы видите, господа, какъ въ данномъ случаѣ съ измѣненіемъ реальныхъ отношеній измѣнилась и конституція: образовалась абсолютная монархія.

Государю нѣтъ необходимости писать новую конституцію; для этого королевская власть слишкомъ практична. У государя въ рукахъ реальные средства власти—постоянное войско, которое составляетъ дѣйствительную конституцію новаго общества, и съ теченіемъ времени государь и его приближенные сами высказываютъ это, называя страну военнымъ государствомъ.

Отстраненное на второй планъ дворянство болѣе не въ состояніи соперничать съ государемъ и давно уже должно было отказаться отъ содержанія собственной военной силы. Оно забыло прежнее противодѣйствіе государю, свое равное съ нимъ положеніе, болѣею частью переселилось изъ своихъ прежнихъ замковъ въ резиденцію, гдѣ, получая пенсіи, способствовало блеску и могуществу монарха.

Между тѣмъ, промышленность и ремесла развиваются все болѣе и болѣе; съ ихъ развитіемъ населеніе все возрастаетъ и возрастаетъ.

Казалось бы, этотъ прогрессъ долженъ быть только полезенъ государю, который благодаря этому можетъ непрерывно увеличивать свое постоянное войско и тѣмъ самымъ достигнуть мірового значенія.

Но, наконецъ, наступаетъ столь огромное и, колоссальное развитие гражданскаго общества, что государь уже не въ силахъ, даже при по-

мощи своей постоянной арміи, удержаться на одномъ уровнѣ съ возрастаніемъ силы гражданъ.

Нѣсколько цифръ, господа, сдѣлаютъ все это яснымъ для васъ.

Въ 1657 году въ Берлинѣ было 20.000 жителей. Приблизительно въ то же время, къ кончинѣ великаго курфюрста, армія состояла изъ 24.000—30.000 человекъ.

Въ 1803 году Берлинъ имѣлъ уже 153.070 жителей.

Въ 1819 году, 16 лѣтъ спустя, въ Берлинѣ было 192.646 жителей.

Въ этомъ году постоянная армія состояла изъ 137.639 человекъ; къ ея составу при этомъ не причислялось народное ополченіе, согласно закону отъ сентября 1814 года, который намѣреваются теперь отнять у насъ.

Вы видите, что постоянное войско было тогда въ 4 раза болѣе, чѣмъ во время великаго курфюрста. Число же жителей Берлина увеличилось за то же время въ 9 разъ.

Но отсюда уже начинается иное развитіе.

Въ 1846 году,—цифры всюду приводятся мною по официальнымъ спискамъ,—населеніе Берлина было 389.308 жителей, т. е. приблизительно 400.000, слѣдовательно, по сравненію съ 1819 годомъ увеличилось еще въ 2 раза. За 27 лѣтъ населеніе города болѣе, чѣмъ удвоилось, и теперь, какъ вы знаете, оно достигаетъ цифры въ 550.000 жителей.

Постоянное же войско состояло въ 1846 году только изъ 138.810 человекъ, противъ 137.639 въ 1819 году. Слѣдовательно, оно оставалось безъ измѣненій, не будучи въ состояніи поспѣть за колоссальнымъ ростомъ населенія.

При такомъ гигантскомъ развитіи послѣднее начинаетъ чувствовать себя самостоятельной политической силой. Рядомъ съ ростомъ населенія идетъ огромное увеличеніе общественнаго богатства, быстро развиваются знанія, и возрастаетъ и углубляется общественное сознаніе, составляющее, какъ мы говорили, часть конституціи. Граждане говорятъ: мы не желаемъ болѣе быть управляемой массой, не имѣющей собственной воли, мы хотимъ сами властвовать, и государь можетъ управлять нами и вести наши дѣла, только руководствуясь нашимъ желаніемъ и нашей волей.

Словомъ, господа, реальныя соотношенія силъ въ странѣ опять измѣнились. Иначе говоря: въ обществѣ наступило 18 марта 1848 г. Такимъ образомъ, произошло, въ дѣйствительности, то, что мы въ началѣ нашего изслѣдованія предположили совершенно невозможнымъ, а именно: что общество лишилось всѣхъ своихъ законовъ влѣдствіе пожара. Только на самомъ дѣлѣ они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

„Das Volk stand auf,
Der Sturm brach los“ *).

Послѣ происшедшей въ обществѣ побѣдоносной революціи продолжаетъ существовать только частное право; всѣ же законы публичнаго права или совсѣмъ теряютъ значеніе или сохраняютъ его лишь временно; приходится создавать новые.

Такимъ образомъ, возникаетъ необходимость въ новой писаной конституціи, самъ король созываетъ въ Берлинѣ національное собраніе, чтобы установить,—какъ сначала говорили,—новую писаную конституцію, или, какъ говорили впоследствии, согласовать ее съ волей короля.

При какихъ же условіяхъ писаная конституція хороша и долговѣчна?

Разумѣется, такой она можетъ быть, господа, только въ томъ случаѣ,

*) «Народъ возсталъ, разразилась буря».

какъ вытекаетъ изъ всего нашего изслѣдованія, когда она соотвѣтствуетъ дѣйствительной конституціи, реальнымъ соотношеніямъ силъ въ странѣ. Гдѣ писаная конституція не удовлетворяетъ этому условію, тамъ возникаетъ разногласіе, которому нельзя помочь, и при которомъ съ теченіемъ времени писаная конституція, т. е. обыкновенный листъ бумаги, побѣждается дѣйствительной конституціей, фактическимъ соотношеніемъ силъ въ странѣ.

Однако, какъ же слѣдовало бы тогда поступить?

Прежде всего нужно было бы подумать не о писаной, а о дѣйствительной конституціи, т. е. о томъ, чтобы измѣнить существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ въ пользу гражданъ. Правда, 18 марта показало, что сила націи теперь больше силы постоянной арміи. Послѣ продолжительной и кровавой битвы войска принуждены были отступить.

Однако, я уже обращалъ ваше вниманіе на разницу между силой націи и силой войска, на то, что меньшая сила постоянной арміи на продолжительное время оказывается болѣе дѣйствительной, чѣмъ превышающая ее по размѣрамъ сила націи.

Эта разница, какъ вы помните, состоитъ въ томъ, что сила націи не организована, сила же арміи организована, всегда готова вступить въ бой и потому должна оказаться болѣе дѣйствительной, чтобы одержать побѣду надъ болѣе значительной, но неорганизованной силой націи, объединяющейся только въ рѣдкіе моменты чрезвычайнаго возбужденія. Побѣда 18 марта оказалась для народа неизбѣжно безрезультатной, такъ какъ онъ не воспользовался минутой побѣды для такого преобразованія организованной силы постоянной арміи, при которомъ она не могла бы быть орудіемъ короля противъ народа.

Нужно было, напримѣръ, ограничить военную службу шестимѣсячнымъ срокомъ, т. е. временемъ, которое, по мнѣнію великихъ военныхъ авторитетовъ, совершенно достаточно для основательнаго военнаго образованія солдата и съ другой стороны—слишкомъ мало для того, чтобы возбудить въ солдатѣ особый кастовый духъ. Срокъ этотъ настолько кратокъ, что необходимо предполагаетъ постоянное возобновленіе войска изъ среды народа и превращаетъ тѣмъ самымъ войско гоеударя въ народное ополченіе.

Слѣдовало затѣмъ установить еще также, чтобы всѣ низшіе офицеры, до майора включительно, не назначались высшей властью, а избирались самой арміей; при такихъ условіяхъ офицерскія мѣста не занимали бы лица, враждебныя народу, старающіяся превратить войско въ слѣпое орудіе королевской власти.

Далѣе необходимо было установить, чтобы всѣ проступки въ арміи, кромѣ специально военныхъ, подлежали обыкновенному гражданскому суду,—съ цѣлью пріучить ее такимъ образомъ смотрѣть на себя, какъ на часть народа, а не какъ на особую касту.

Наконецъ, слѣдовало всѣ артиллерійскія орудія, пушки, назначеніе которыхъ—служить для защиты страны, кромѣ безусловно необходимыхъ для военныхъ упражненій, передать на храненіе городскимъ властямъ, избираемымъ народомъ. Часть этой артиллеріи должна была пойти на образованіе артиллерійскихъ отрядовъ національнаго ополченія, чтобы столь важная часть конституціи, какъ пушки, сдѣлалась силой народа. Но, господа, ничего этого не было сдѣлано ни весной, ни лѣтомъ 1848 г., и можно ли послѣ этого удивляться тому, что мартовская революція была прекращена въ ноябрѣ 1848 года и осталась безрезультатной? Конечно, нѣтъ! Это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что не было произведено никакой перемѣны въ фактическихъ соотношеніяхъ силъ.

Господа, государямъ служить гораздо лучше, чѣмъ вамъ! Ихъ слуги—не краснобаи, какими часто бываютъ слуги народа, а люди практическіе, инстинктивно понимающіе суть дѣла. Господинъ фонъ-Мантейфель, конечно, не былъ великимъ ораторомъ. Онъ былъ только практическимъ человѣкомъ. Когда въ ноябрѣ 1848 года онъ разогналъ національное собраніе и выставилъ пушки на улицѣ, съ чего онъ началъ? Не принялся ли онъ тогда писать реакціонную конституцію? Боже сохрани, на это у него всегда хватило бы времени! Онъ даже самъ далъ вамъ въ декабрѣ 1848 г. довольно либеральную писаную конституцію. Однако, съ чего же онъ началъ тогда, что было его первымъ распоряженіемъ? Вы, господа, помните: онъ сталъ обезоруживать гражданъ, отнимать у нихъ оружіе. Какъ видите, обезоружить побѣжденнаго—это главная задача для побѣдителя, если онъ желаетъ предотвратить возможность возобновленія борьбы въ каждую минуту. Въ началѣ нашего изслѣдованія, господа, мы очень медленно подвигались впередъ; нужно было выяснитъ, что такое конституція. Возможно, что многимъ это показалось слишкомъ медленнымъ. Но зато вы сами замѣтили, какъ только нашли это понятіе, что передъ нами раскрылись поразительные выводы одинъ за другимъ; мы теперь понимаемъ дѣло гораздо лучше, яснѣе и совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе. Мало того: наши выводы прямо противоположны тѣмъ, которые считаются правильными общественнымъ мнѣніемъ.

Разсмотримъ вкратцѣ еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я только что показалъ, что въ 1848 году не была осуществлена ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя были бы необходимы для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ соотношеній силъ и для превращенія арміи короля, въ армію народа.

Былъ, впрочемъ, сдѣланъ въ этомъ направленіи первый шагъ, а именно: было предложено Штейномъ побудить министерство издать приказъ по арміи, который заставилъ бы подать въ отставку всѣхъ реакціонныхъ офицеровъ.

Но, господа, вы помните, что, какъ только національное собраніе въ Берлинѣ приняло это предложеніе, вся буржуазія и половина страны воскликнули: національное собраніе должно составлять конституцію, а не спорить съ министерствомъ и терять время на интерпелляціи и дѣла исполнительной власти; составляйте конституцію, только конституцію,—кричали всѣ, какъ будто былъ пожаръ!

Вы видите, господа, вся буржуазія, половина страны, кричавшая объ этомъ, не имѣла ни малѣйшаго понятія о сущности конституціи.

Создать писаную конституцію—это нетрудно; въ случаѣ нужды ее можно было бы сдѣлать въ трое сутокъ; это—последнее изъ всего; и такъ какъ она явилась преждевременно, то оказалась бесполезной. Преобразовать дѣйствительныя, фактическія соотношенія силъ въ странѣ, вмѣшаться въ дѣйствія исполнительной власти, такъ вмѣшаться и настолько повлѣять на нее, чтобы она была уже не въ состояніи противиться волѣ націи,—вотъ что слѣдовало тогда сдѣлать, чтобы сообщить писаной конституціи долговѣчность.

А такъ какъ это своевременно не было сдѣлано, то у національнаго собранія не оказалось даже времени составить конституцію; его разогнали при помощи орудій, несомнѣнной силы исполнительной власти.

Второй выводъ. Представьте себѣ, что національное собраніе тогда не разогнали, и ему удалось дѣйствительно выработать и установить конституцію.

Внесло ли бы это существенное измѣненіе въ ходъ вещей?

Ничуть, господа, и доказательствомъ этого служатъ сами факты.

Несмотря на то, что національное собраніе было разогнано, король самъ, на основаніи документовъ, оставленныхъ національнымъ собраніемъ, обнародовалъ конституцію 5 декабря 1848 г., въ главныхъ пунктахъ своихъ совсѣмъ сходную съ конституціей, которую мы могли бы ожидать отъ національнаго собранія.

Эта конституція была объявлена самимъ королемъ, не была ему навязана; она провозглашена имъ, какъ побѣдителемъ, добровольно. Казалось бы, что она должна была поэтому разсчитываться на большую жизнеспособность.

Но это не такъ, госнода! Сохрани Богъ! Если въ вашемъ саду есть яблоня, и вы навѣсите на нее ярлыкъ съ надписью: „фиговое дерево“, сдѣлается ли отъ этого яблоня дѣйствительно фиговымъ деревомъ? Нѣтъ! И если бы вы собрали всѣхъ своихъ домочадцевъ и всѣхъ жителей страны и громко и торжественно поклялись и присягнули, что это—фиговое дерево, то и тогда яблоня осталась бы тѣмъ, чѣмъ была прежде, и на слѣдующій же годъ всѣ убѣдились бы въ этомъ, увидѣвъ на ней яблоки, а не фиги.

Такъ обстоить дѣло и съ конституціей. Написанная на листѣ бумаги она не имѣетъ никакой цѣны, если только противорѣчитъ реальному положенію вещей, дѣйствительному соотношенію силъ. Король самъ на листѣ бумаги 5 декабря 1848 года сдѣлалъ много уступокъ, противорѣчившихъ дѣйствительной конституціи, т. е. фактическимъ соотношеніямъ силъ, которыя король сохранилъ неизмѣнными. Съ такой же необходимостью, какая лежитъ въ законахъ тяготѣнія, дѣйствительная конституція шагъ за шагомъ должна пробиваться черезъ писаную конституцію.

Такъ, напр., несмотря на то, что конституція 5 декабря 1848 г. была принята ревизіоннымъ собраніемъ, король долженъ былъ сейчасъ же произвести первое измѣненіе ея закономъ 1849 года о трехъклассной избирательной системѣ. Съ помощью палаты, избранной на основаніи этого закона, были произведены дальнѣйшія существенныя конституціонныя измѣненія; только въ 1850 году король, наконецъ, присягнувъ конституціи, и послѣ присяги тотчасъ же началась коренная передѣлка ея! Каждый годъ, начиная съ 1850 г., отмѣченъ какимъ-нибудь измѣненіемъ. Ни одно знамя, побывавшее въ ста сраженіяхъ, не было такъ изодрано и продырявлено, какъ наша конституція!

Третій выводъ. Вы знаете, госнода, въ нашемъ городѣ есть партія, органомъ которой служить „Народная Газета“, партія, замѣчу я, съ лихорадочнымъ волненіемъ хватающаяся за этотъ лоскутокъ знамени, за нашу изувѣченную конституцію, партія, которая поэтому называетъ себя „вѣрной конституціи“, и боевой кличъ которой: „будемъ держаться за конституцію, ради Бога, конституція! конституція, помогите, спасите! горить!“

Какъ бы часто, гдѣ бы и когда бы, госнода, вамъ ни пришлось увидѣть партію, издающую вмѣсто боевого клича трепетный вопль: „держитесь за конституцію“, какое заключеніе вы выведете на основаніи такого явленія? Я спрашиваю, госнода, не о вашихъ желаніяхъ, я задаю вопросъ не вашей волѣ, я обращаюсь къ вамъ только какъ къ мыслящимъ людямъ: къ какому заключенію вы бы пришли?

Не будучи вовео пророками, вы могли бы въ такомъ случаѣ съ величайшей увѣренностью сказать: „Эта конституція—при послѣднемъ издыханіи, она уже почти мертва, еще нѣсколько лѣтъ—и она прекратитъ свое существованіе“.

Причины очевидны. Если писаная конституція соотвѣтствуетъ фактическимъ соотношеніямъ силъ въ странѣ, тогда такихъ воплей слышно

не будетъ. Къ такой конституціи никто не прикоснется и не посмѣетъ подступить.

Ни одному человѣку не придетъ въ голову вступить въ борьбу противъ нея, иначе, ему придется плохо. Гдѣ писаная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ соотношеніямъ силъ, тамъ невозможно, чтобы какая-нибудь партія провозгласила особый лозунгъ: держитесь за конституцію! Гдѣ раздается этотъ кличъ, онъ служитъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ того, что его породило чувство страха, другими словами: что въ писаной конституціи еще есть нѣчто, противорѣчащее дѣйствительной конституціи, реальнымъ соотношеніямъ силъ. Гдѣ это противорѣчіе существуетъ, тамъ писаная конституція безвозвратно погибла, тамъ ни Богъ, ни воли не помогутъ!

Она можетъ быть измѣнена въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: вправо или влѣво, но остаться неизмѣнной не можетъ. И это ясно для всякаго мыслящаго человѣка уже изъ призыва къ ея сохраненію. Конституція будетъ измѣнена вправо, если правительство предприметъ эти измѣненія, чтобы согласовать писаную конституцію съ дѣйствительной властью организованной силы общества. Но возможно, что выступить неорганизованная сила общества и снова докажетъ, что она могущественнѣе организованной. Въ этомъ случаѣ конституція окажется измѣненной влѣво, какъ въ первомъ случаѣ—вправо. Но какъ бы тамъ ни было, она погибла.

Если вы, господа, не только запомните и основательно продумаете, все сказанное мною вамъ, но сдѣлаете также изъ этого надлежащіе выводы, то приобретете знаніе конституціоннаго искусства и конституціонной мудрости. Конституціонные вопросы, прежде всего, не вопросы права, а вопросы силы; подлинная конституція страны состоитъ изъ существующихъ въ странѣ реальныхъ, фактическихъ соотношеній силъ; писаная конституція только въ томъ случаѣ прочна и цѣнна, если служатъ точнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ, существующихъ въ обществѣ соотношеній силъ,—вотъ основы, которыя вамъ необходимо запомнить. Я разъяснилъ вамъ сегодня эти принципы, обративъ ваше вниманіе лишь на военную силу—во первыхъ, потому, что время не позволило мнѣ разсмотрѣть вопросъ съ другихъ сторонъ, и во-вторыхъ, потому, что войско играетъ самую важную и рѣшающую роль среди другихъ организованныхъ силъ. Но вы, конечно, сами понимаете, что это относится также и къ организаціи служителей правосудія, администраціи и т. д. Все это—орудія организованной силы общества.

Если вы хорошо усвоите сказанное мною сегодня, то съ теченіемъ времени, когда вамъ снова придется создавать себѣ конституцію, вы будете знать, какъ поступить, будете знать, что цѣли достигаются не исписываніемъ бумаги, а реальнымъ измѣненіемъ фактическихъ соотношеній силъ.

Пока же, господа, вы безъ всякихъ моихъ разъясненій сдѣлаете изъ настоящаго доклада выводъ о томъ, по какимъ причинамъ возникли нынѣшніе военные законопроекты объ увеличеніи арміи, котораго отъ васъ требуютъ; вы сами откроете тотъ внутренній источникъ, изъ котораго исходятъ эти проекты.

Королевской власти, господа, служить не краснобаи, а практики, люди какихъ я пожелалъ бы и вамъ.

С 1767

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Л. Дюги.—Общество, личность и государство.

Первая лекція, стр. 5—18.

I. Норма права, или объективное право	6
II. Метафизическій характеръ понятія субъективнаго права	9
III. Отсутствие публичной (государственной) власти, понимаемой какъ субъективное право	12
IV. Соціальная опасность пониманія публичной власти, какъ субъективнаго права	15

Вторая лекція, стр. 19—38.

I. Государственная власть—простой фактъ	20
II. Истинный характеръ закона	21
III. Опроверженіе нѣкоторыхъ возраженій	23
IV. Обязанности правящихъ	25
V. Истинный характеръ административныхъ актовъ	27
VI. Опроверженіе возраженій	29
VII. Отвѣтственность государства	33
VIII. Отвѣтственность государства (продолженіе)	36

Третья лекція, стр. 39—54.

I. Критика революціоннаго синдикализма	39
II. Правильное понятіе соціального класса	41
III. Истинный характеръ синдикалистскаго движенія	43
IV. Связь между синдикалистскимъ движеніемъ и преобразованіемъ политическаго строя	45
V. Чиновничій синдикализмъ	47
VI. Децентрализація въ области государственной службы	50
VII. Общіе выводы	53

II. Ф. Лассаль. Сущность конституціи.

Предисловіе Эд. Бернштейна	59
Предисловіе автора	61
Рѣчь о сущности конституціи	62